

МАРИНА ИНДИВИ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ИРАКОНОВА

КАДЕМИЯ

ТОМ 2

18+

Annotation

После встречи с Адергайном мне кажется, что счет идет на недели. Все, что я знаю — я должна остановить то, чего он так жаждет. Раскрытие моей тьмы. И, что не менее важно, справиться с влечением к тому, о ком думать совершенно непозволительно. Как это сделать, спрашивается, если я каждую ночь вижу сны о нем? Учиться, учиться и только учиться, потому что только так я смогу изменить увиденное мной у алтаря. Драконова Академия!

- [Драконова Академия. Книга 4. Том 2](#)
 - [Марина Индиви. Драконова Академия. Книга 4. Том 2](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Примечания](#)
-

Драконова Академия. Книга 4. Том 2

**Марина Индиви. Драконова Академия.
Книга 4. Том 2**

Глава 1

Лена

Я как-то по другому представляла нашу встречу. Точнее, я ее раньше вообще не представляла, а в глубине души надеялась, что она никогда не состоится, но где я, а где надежда, правильно?

Единственным цветным пятном во всей этой тьме был серебряный кулон, затерявшийся в складках черных одежд Адергайна. Тьма и серебро сплетались воедино, искрами вспарывая пространство и создавая вокруг нас черную вязкую мглу, в которой всему живому явно было не место.

Проблема была только во мне. В смысле, я тут еще была живая. И я очень хотела такой остаться, поэтому руку не приняла, поднялась и выпрямилась.

– Зачем вы убили овцу?

Говорят, в нестандартных ситуациях надо мыслить нестандартно, вот Адергайн Ниихтарн – явно та самая ситуация, и вряд ли он ждал вопрос про овцу. Но по какой-то неведомой мне причине абсолютно не удивился и не стал менять тему.

– Хочешь поговорить про юкку? Время бесценный дар, Лена.

– Вы куда-то торопитесь?

– Я – нет. А вот те, кто собрался там, – он кивнул на адептов, преподавателей и на всех, кто остался по ту сторону жизни, – явно за тебя волнуются. Порталы они вряд ли рискнут открывать, а вот подойти постараются, хотя, скорее всего, пошлют за Валентайном, потому что то, что они видят, заставляет недалекие светлые умы трепетать. Но есть несколько проблем: первая – Валентайн занят, вторая – отсюда достаточно сложно отправить вызов, и третья. Люциан Драгон.

От того, как он произнес его имя, внутри все сжалось, словно меня сплющило невидимым прессом.

– Его-то как раз не остановит темная магия. И когда он сюда доберется...

Перед глазами мелькнула картина, которую я увидела у алтаря Горрахона. Которая до сих пор была слишком яркой, как местная живопись. Я сглотнула.

– Что вам нужно?

– Вот это уже более предметный разговор. Ты, Лена, мне нужна ты. Но я не собираюсь заставлять тебя идти за мной силой, и уж тем более шантажировать твоими друзьями.

– Тогда зачем вы здесь?

– Хотел на тебя посмотреть. А точнее – тебя почувствовать. – Ладонь легла на мое плечо раньше, чем я успела отпрянуть. Адергайн перемещался то ли как вампиры, то ли как световые волны. Я только уловила прикосновение, а внутри меня словно окончательно выключили свет. Я даже не представляла, что образное выражение может быть настолько буквальным. Когда меркнет все хорошее, все плохое, все становится неважным и незначительным, и единственным, что может это заполнить, оказывается зовущая, манкая сила Загранья.

Это длилось мгновения? Или часы?

Когда Адергайн убрал руку, я просто хватала ртом воздух, пытаюсь заново осознать себя в этой жизни. Почувствовать, что я есть. Что я просто есть, а не рассыпалась пылью тлена, как та несчастная юкка.

– Ты привыкнешь, Лена. Эта мощь войдет в твоё тело, и станет твоей второй сутью. Ты не просто научишься с ней жить, ты научишься ей наслаждаться.

Вот теперь я шарахнулась назад, на автопилоте выстраивая заклинания защиты, которым меня учил Валентайн, и пытаюсь вспомнить хоть одно толковое боевое. Адергайн мне не мешал, он вообще больше не двигался, рассматривая меня, как нечто занятное. Я же прекратила свои попытки быстрее, чем даже успела доплести защиту, прекрасно понимая, она его не остановит. Всего моего внутреннего ресурса не хватит на то, чтобы от него закрыться.

– Почувствовали? – хрипло спросила я: голос неожиданно сел. – Довольны?

Теперь я понимала, о чем говорил Валентайн. О том, кто такой его отец. О том, *что* он такое. О том, почему он не хочет становиться таким же.

– Доволен. Доволен, Лена. Тебе осталось совсем чуть-чуть, и ты сама придешь в Мертвые земли.

Я с трудом удержалась, чтобы не начать вопить в духе классического голливудского героя: «Не бывать этому, злодей!» Вместо этого вздохнула и расправила плечи.

– На этом, полагаю, наше свидание можно завершить.

Адергайн неожиданно усмехнулся:

– Женщины вашего мира, точнее, мира, в котором ты выросла, слишком много на себя берут. Когда ты будешь со мной, мы это исправим.

– У Валентайна другое мнение насчет нашего воссоединения.

– Мнение Валентайна на этот счет меня совершенно не интересует. – Его взгляд впервые за все время нашего разговора сверкнул холодным серебром, став невыносимо похожим на взгляд сына. – Кстати, спроси у него на досуге, что он так тщательно от тебя скрывает, и почему. До встречи, Лена.

Сгустившаяся вокруг нас тьма на мгновение стала настолько плотной, что у меня перехватило дыхание, как от сильного ветра. Разрыв пространства был не таким, как от портала, Адергайн просто растворился во тьме, и я впервые в жизни увидела, как кто-то уходит в Загранье. То, что произошло, я поймала, уловила, почувствовала на уровне обострившихся инстинктов, а потом все закончилось.

Вокруг относительно посветлело, раздалось далекое меканье-блеяние разбежавшихся юкк, снова стало видно скелет в лохмотьях. Я согнулась пополам и попрощалась с завтраком навсегда. Несколько раз. Пока я так стояла, упираясь локтями в колени, выпуская так и не ставшую для меня питательными веществами еду, мокрая как мышьяк от холодного пота, снова тоненько дернуло тьмой.

Он что, забыл мне что-то сказать?

Саркастично-убойная мысль мелькнула и растаяла, потому что из разрыва Загранья ко мне устремился рой красивых огромных бабочек. Красивых и смертельно опасных. Бьяниглов.

Типа вот так мило со мной пообщаться, чтобы потом просто убить?

Мелькнувшую мысль затмила скорость реакции, когда я вспоминала простейшие ударные заклинания от Валентайна. Первая бабочка рассыпалась тленом, вторая, третья, следом накрыло весь рой, а потом я услышала жужжание над головой, и...

П-с-с-с!

Попытавшуюся ужалить меня тварь просто растворил золотой щит. Он обтекал мое тело, как вторая кожа, и любая попытка меня достать заканчивалась этим «п-с-с-с». Тем не менее бабочки с завидным упрямством бились в него, бились и гибли, бились и гибли, а я, раскрыв рот, смотрела на Люциана, который шел ко мне, окруженный в точности таким же щитом. Какой только что поставил на меня.

– Лена, ты же в курсе, – остановившись рядом со мной, поинтересовался он, – что убивать бьяниглов нужно только после того, как полностью закроешь себя?

– Я вообще не хотела никого убивать. Я защищалась.

– Пойдем-ка лучше отсюда.

Он протянул мне руку, и в золотом свечении, исходящем от нее, воздух казался наполненным солнцем. Мы тут эпично светились, как Эдвард Каллен, а я поинтересовалась:

– Ты как здесь оказался?

Чтобы сюда попасть, пешком надо было топать полчаса. Минимум.

– Портал.

– Но...

– Я рискнул, – сообщил Люциан. – Конечно, Оллихард орал так, что его наверное услышали в Хэвенсграде. Меня выкинуло вон там. – Он показал на невысокий холм. – С расчетами без точных координат такое бывает.

Я просто молча хлопала глазами, пытаюсь переварить услышанное, а Люциан взял меня за руку.

– Пойдем, я зафиксировал координаты портала у алтаря. Что-то мне подсказывает, – он бросил взгляд на скелет и на продолжающих самоубиваться бьяниглов, – что здесь лучше не задерживаться.

Я с ним была абсолютно согласна. Горка дохлых бабочек у моих ног однозначно об этом говорила, и, пока тут не появилось что-то еще, лучше бы оказаться как можно дальше отсюда. Поэтому вложила свою руку в его и шагнула в разорвавшееся пространство, за нами с жужжанием устремились бьяниглы, и... Меня затрясло. Нас затрясло. Портал задергался в разные стороны, Люциан едва успел подтянуть меня к себе, когда нас вышвырнуло непонятно куда. В густые колосья, не порезавшие мне руки, спину и грудь только потому, что на мне был

золотой панцирь. Я вспомнила, что читала об этом заклинании, а еще о том, что его составить невероятно затратно.

Люциан вздернул меня на ноги и прижал к себе почти мгновенно: откуда у него такая скорость реакции и способность группироваться, оставалось только догадываться. В любом случае, это нам уже вряд ли бы помогло, мы были не у алтаря Горрахона, не у моего места встречи с Адергайном Ниихтарном, а вообще непонятно где. Помимо густого заросшего пшеничными (по цвету) колосками поля, пригодного для съемок экранизаций по Стивену Кингу, здесь вообще ничего не было. То есть вру. Был очень пригодный для съемок тех же экранизаций полуразрушенный дом. Еще пара-тройка прорвашихся за нами в портал бабочек попытались меня тяпнуть, получили удар панциря и попадали вниз. А висевшее над нами низкое, тяжелое, свинцовое небо внезапно разродилось дождем такой силы, что я вмиг оказалась промокшей до нитки.

Золотой панцирь защищал от угрозы, а не от природы, и Люциан дернул меня за руку:

– Лена, бежим!

– Куда?

– Туда!

Я хотела сказать, что бежать в дом, который выглядит так, не стоит, но в этот момент гроыхнуло, а с неба ливануло настолько мощно, что у меня перехватило дыхание. Молния врезалась в торчащее вдалеке дерево, расплосовала его надвое, и у меня пропало всякое желание спорить.

Спустя минут пять галопа мы стояли в занавешенном паутиной холле и обтекали. Люциан тщетно пытался оживить своего виритта или построить портал самостоятельно, а я потыкала в Эвиль.

– Глухо, – сообщила ему.

– У меня тоже. Координаты не выстраиваются вообще. Просто сбивает, не дает даже проложить контур.

Да, кажется, про аномалии нам не наврали. Я подумала об этом, отжимая волосы, с которых текло, как после хорошего душа. А еще о том, что бьяниглов Адергайну посылать было незачем. Если бы ему нужна была моя смерть, я бы легла там рядом с пастухом, и Люциан нашел бы два скелетика. При мысли об этом меня передернуло, ну да

ладно. Все хорошо, что хорошо кончается, хотя кажется, здесь ничего еще не кончилось.

Я подошла к пыльному окну, за которым из-за стены дождя практически ничего не было видно. Золотой панцирь истончился, растаял, и я задрожала. Ливень сам по себе оказался не теплым, а в доме было еще и весьма прохладно, поэтому я обхватила себя руками. Не особо помогало, зубы стучали так, что ими можно было отбивать чечетку.

– Сейчас высушу, – произнес Люциан, приближаясь. Он коснулся меня ладонью, активируя бытовое заклинание, известное нам всем еще с первого курса, и...

Ничего не произошло.

Я увидела отразившееся в его глазах изумление, а после попыталась сделать то же сама. После своего первого неудачного опыта сушки волос я помнила это заклинание наизусть, но сейчас будто билась головой о стену. В отчаянии потянулась к темной магии – должно же хоть что-то помочь нам отсюда выбраться! Но наткнулась на такую же глушь.

Снова.

Снова.

И снова.

– Лена, остановись, – серьезно произнес Люциан. – Не стоит. Только силы потратишь.

Я и сама уже понимала, что не стоит. Все было бессмысленно. Просто магия здесь не работает.

Глава 2

Спустя минут десять тщетных попыток попробовать применить магию из разных уголков этого дома (ничто не способно остановить девушку, которая знает, как может ловить сеть в глухомани) стало ясно, что это не магический вайфай поломался, а магия тут не работает нигде. Вообще. Совсем. Я даже выбежала на полуразвалившееся крыльцо и под ливень, почти готова была убежать обратно в луга-поля, но Люциан втянул обратно. Дождь хлестал так, что не видно было даже места, откуда мы прибежали, не говоря уже о том, чтобы рассмотреть что-то вдалеке.

– Это аномалия, – произнес он, потирая ладони друг о друга. – Смирись. Мы застряли.

По нему видно было, что он тоже замерз: драх его знает, как там обстоят дела с драконами, которые не могут запустить магию. Может у них терморегуляция нарушается, и они в обмороки падают? Но в обморок Люциан вроде не собирался, а вот губы у него слегка посинели. Предполагаю, что я выглядела не лучше. Учитывая, что я была в насквозь мокрой одежде, меня уже начинал бить озноб.

Заметив это, он произнес:

– Раздевайся!

– Ну уж нет, – возмутилась я.

– Ты простыть хочешь?

– У нас есть целебная магия...

– Сейчас у меня вообще никакой магии нет! – рявкнул Люциан, и я подскочила. – Драхство! Прости, Лена. Для меня это полный...

Он не стал договаривать, а я вдруг осознала. Это у меня отсутствие магии воспринимается, как отсутствие вылетевшего вайфая, а у того, у кого она с рождения – наверняка, как отсутствие руки, ноги или других жизненно важных органов. Люциан запустил пятерню в мокрые волосы, а я огляделась. В этом доме не осталось ничего, во что можно было бы завернуться, кроме драной портьеры. Наверняка с насекомыми. Уж не знаю, с какими, но проверять не хотелось.

– Поищи тряпки на кухне, – скомандовала я. – Может, полотенца или еще что-то. Скатерти... если здесь что-то осталось.

– А ты что будешь делать?

Я подошла к стулу, которому уже ничего явно не повредит, и изо всех сил врезала по нему ногой. Можно было и не изо всех сил, но я перестраховалась. Стул разлетелся в щепки, из него что-то вылетело (мелкое и живое) и упорхнуло на второй этаж. Да, с насекомыми я была права, но моя правота мне сейчас не поможет, а вот добытый трением огонь – вполне.

– Ты что делаешь? – поинтересовался Драгон, когда я принялась тереть две более-менее крупные деревяшки друг о друга.

Ну конечно, дракону его положения не положено о таком знать. С другой стороны, вряд ли тут вообще кому-то положено о таком знать. Зачем в магическом мире добывать огонь трением, правда.

– Нужно высечь искру, чтобы разжечь костер, – терпеливо пояснила я. – Тогда мы сможем согреться и высушить одежду.

Я посмотрела на дерево, которое бряцало и скрипело между моими ладонями, но по-прежнему даже не думало загораться.

– Если сможем.

– Давай я попробую.

– А мне что делать?

– А ты иди на кухню. За тряпками.

«Место твое на кухне, женщина!» – подумалось мне, но комментировать я не стала. Пошла искать кухню, пока дом содрогался от грома и молний, а Люциан добывал огонь трением. О том, что будет, если молния шибанет в крышу, я старалась не думать. С другой стороны, костер тогда точно будет хороший. Согреемся сразу же.

Кухня обнаружилась в конце жутковатого, ощерившегося гнилыми зубами дверных проемов коридора. От нее мало что осталось, и я принялась осторожно выдвигать ящики. Один за другим. Очень медленно и потихоньку: мало ли, что тут еще водится? Ничего не водилось. То ли все съестное уехало из этого дома вместе с хозяевами, то ли его уже подъели, но никаких местных грызунов не обнаружилось.

Осталась только пыль, моль, паутина и пауки.

М-да.

На шестой полураздолбанной полке мне повезло: я дернула дверцу, и на меня вывалилась грязная банка вместе с какой-то тряпкой. Это больше напоминало грубый отрез ткани, чем скатерть, но, перетряхнув его и обнаружив, что в нем ничего не живет, я воодушевилась. Подхватив ее поудобнее вместе с банкой, вернулась туда откуда пришла и обнаружила, что Драгон уже запалил костерок в кладке полуразрушенного камина. Дыму, правда, уходить было некуда, он пер прямо в комнату, но и на том спасибо.

– Класс, а теперь...

Что «теперь», я договорить не успела: Люциан вывернулся из пиджака, из рубашки и принялся за штаны. Подавив желание запустить в него банкой, я резко отвернулась.

– Ты что делаешь?! – повторила его же вопрос.

– А на что это похоже? Собираюсь греться и сушить одежду. Без меня она точно высохнет быстрее, но, что немаловажно, без нее гораздо быстрее высохну я. И ты тоже, если перестанешь от меня шарахаться. Раздевайся, Лена.

Можно было, конечно, гордо отказаться, но я по ощущениям уже превратилась в сосульку. В мокрую облезлую сосульку, которой светит воспаление легких, поэтому я поставила банку на пол и, прикрываясь найденным богатством, как получалось, принялась раздеваться. В туфлях хлюпало, и я наклонилась за ними, чтобы их поднять и вылить воду, когда услышала:

– Ты знаешь, что с такого ракурса открывается отличный вид?

– Ты знаешь, что я нашла банку? – поинтересовалась я, резко выпрямляясь и оборачиваясь.

Люциан синим уже не был, от жара огня у него покраснелись щеки, придавая ему какой-то совершенно залихватский хулиганский вид. На щеки я и старалась смотреть, и в целом – на его лицо. Даже несмотря на то, что мне уже доводилось видеть его грудь и все, что ниже, повторять это рассматривание сейчас я не собиралась. Тьфу ты, вообще не собиралась!

– При чем тут банка? – поинтересовался он.

– При том, что я могу ей в тебя запустить!

– Не будь злокой, Лена, – весело произнес Люциан. Притянул меня к себе так быстро, что я даже банку схватить не успела, а потом разом завернул нас в найденную тряпку, из-за чего мы оказались очень близко. Лицом к лицу. Телом к телу.

– Тебе это нравится, да? – разозлилась я. – Нравится, что мы оказались здесь?! Что здесь ничего не работает?!

– Определенно... да, – сообщил он. – Где бы еще мы с тобой так мило и так тесно пообщались?

– Ты не исправим, – я закатила глаза.

– Может быть. Но я совершенно не хочу исправляться.

Люциан смотрел мне прямо в глаза, и от этого кружилась голова. От этого, от всего пережитого, или от того, что я начала, наконец, потихонечку согреваться? В его руках и какой-то пыльной тряпке, на краю света чужого мира, вообще непонятно где.

Из мыслей меня вывело, хотя я бы сказала, выкинуло кое-что твердое, упершееся мне в живот. Я настолько охренела от такого поворота событий, что не нашла ничего лучше кроме как сказать:

– Не хочу тебя расстраивать, Люциан, но у тебя встал!

Вот зачем я это сказала? Уголки его губ поползли вверх, словно он только этого и ждал.

– В твоём мире это повод для расстройства, Лена?

Я бы его стукнула, если бы не стояла так крепко к нему прижатая. В одном-единственном непонятого происхождения куске ткани, сбросив который, я окажусь голая. Перед ним. Неизвестно, что хуже.

– Кроме того, я не собираюсь оправдываться за то, что так реагирую на тебя.

Я подавила желание закатить глаза.

– Ты так реагируешь на любое двуногое женского пола.

– Спасибо за веру в меня, конечно, но нет. В последнее время я так реагирую исключительно на тебя.

Мне нужно было сказать что-то язвительное, но слов почему-то не нашлось, по какой-то причине. На миг, всего лишь на миг я допустила короткую паузу в нашей перепалке, а Люциан уже накрыл губами мои губы. Знакомо и словно в первый раз, с привычным ему напором, и в то же время по-другому как-то. Я замерла в шоке, потому что голова закружилась уже совсем по другому поводу. Потому что он целовал меня, не закрывая глаз. Потому что золото из них втекало в меня, его родное немагическое золото, и я не могла перестать смотреть на него.

Под его пальцами горела кожа, которая пару минут назад казалась мне холодной, как у болотной лягушки. В ушах грохотал пульс, а еще звучали его слова: «В последнее время я так реагирую исключительно на тебя», по телу бежал ток, собираясь разрядами в самом низу живота. Горячей пульсацией предвкушения продолжения, особенно когда он с легким нажимом провел языком по моей губе, выпивая мой выдох.

Ладонь Люциана совершенно бесцеремонно переместилась на мои ягодицы, и это отрезвило в последний момент.

– Нет. Нет! Ты что делаешь?! – Я уперлась руками ему в грудь, пытаюсь его оттолкнуть, но попробуй еще сдвинь эту скалу.

– Что я делаю, понятно нам обоим, – хрипло произнес он, обжигая губы своим дыханием, а спину – скольжением пальцев вдоль позвонков. Мне в этот миг невыносимо захотелось выгнуться, и я рвано вздохнула.

– Я сказала: нет. Я не...

– Почему – нет? Ты меня хочешь, Лена. Это уже даже не предположение, – он провел пальцами по моим губам, и ткань поехала вниз. Шлепнулась к нашим ногам, теперь мы стояли полностью

обнаженные, и вспышки молний за окном путались в его прядях, конкурируя с отблесками разведенного огня.

Я действительно его хотела. Отрицать было глупо. Не я! Это проклятое тело, которое мне досталось в нагрузку с Ленор, но именно в этом теле я сейчас и была! Оно горело и плавилось, оно жаждало продолжения, того самого, о котором я буду жалеть всю оставшуюся жизнь, потому что это неправильно! Я с Валентайном, я не могу хотеть Люциана, не должна, это ее жизнь, ее желания, не мои!

– Хватит! – Я рванулась и отступила назад, подхватывая ткань и заворачиваясь в нее чуть ли не с головой.

Снова упорно стараясь не смотреть вниз, вообще избегая его взгляда.

– Да почему хватит?! – процедил он. – Я не пойму, почему ты так упорно сопротивляешься тому, чего хочешь!

– Я с Валентайном, – охладила его пыл. – И ты прекрасно это знаешь.

На его лице заиграли желваки.

– Ты с Валентайном, – зло произнес он. – Да что в нем такого, что ты его за все прощаешь!

– За что – за все?! – огрызнулась я. – На себя посмотри! Ты что ли безгрешный!

– Я по крайней мере не...

– Я его люблю!

После этих слов наконец воцарилась тишина. Такая, которую с радостью раскаленного ножа разрезал гром, шарахнувший прямо над крышей. Дом содрогнулся, а Люциан сжал кулаки.

– Ты его любишь, – повторил он. – И что – это навсегда?

– Представь себе, Люциан! Любовь – это навсегда. Она не про обстоятельства, обиды и прочие мелочи. Она про близость, про настоящую близость... – я запнулась, закусив губу. – Про верность. Про...

– Про верность, – хмыкнул Люциан. – Супер, как ты бы сказала. Просто супер, Лена!

Я попыталась вздохнуть и унять бешено колотящееся сердце, которое в этом теле явно не могло понять, почему мы не можем продолжить. Все остальное тело тоже не могло, кровь кипела, кожа

стала чувствительной, желая вернуть и продлить его прикосновения, сделать их более откровенными.

Чувственными.

Глубокими.

– Ты знаешь, что в тебя влюблена Ленор. Не я, – я обхватила себя руками, плотнее натянув ткань. – Я не могу тебе дать то, чего ты хочешь. Это тело... оно так и будет на тебя отзываться, но тело – это не я. Я гораздо больше, чем этот ходячий кожаный мешок. Чем раньше ты это поймешь, тем лучше.

Вместо ответа Люциан шарахнул по полуразвалившейся кладке камина. Изо всех сил. Снова, снова и снова. Я вздрагивала всякий раз, хотя прекрасно понимала, что он меня не ударит. Просто мне каждый раз хотелось перехватить его руку и прижаться губами к сбитым костяшкам, но это же будет... это будет конец. Конец всему. Я вдруг неожиданно отчетливо осознала, что просто хотеть и помешать ему причинять себе боль – это совершенно разные вещи.

Но я не могу... не могу его... что?

– Хватит, – я все-таки перехватила его запястье, ужаснувшись тому, во что превратилась его рука. – Люциан, здесь нет магии, и...

– Мне все равно, – он стряхнул мои пальцы. – А тебе вовсе необязательно делать вид, что тебе не все равно, Лена.

– Я никогда не делала вид...

– Ты все время только и делаешь, что делаешь вид. Сначала – что ты Ленор Ларо. Потом – что ты смертельно обижена на Валентайна. Вопрос только в том, что для тебя самой правда. Ты хоть знаешь, кто ты вообще такая?!

Прорывав мне все это в лицо, он резко обошел меня и направился к той самой портьере, которая прорезами прикрывала окно. Дернул ее с такой силой, что на него полетела пыль, крепление не выдержало и с хрустом и грохотом обрушилось на прогнутые доски, вспоров еще и их. Люциан содрал ткань, которую я подозревала в наличии всяких-разных крылатых жителей (парочка оттуда и правда улетела) и закутался в нее, завязав концы узлами. Из-за взъерошенности и сверкающих глаз в таком наряде он был больше похож на первобытно-пещерного принца, чем на драконьего.

Но ему шло. Ему вообще все шло.

Я обрубилa подобные мысли на корню, как и свое сожаление о случившемся. Хотя меня все еще слегка потряхивало от возбуждения, я поплотнее завернулась в импровизированную тогу и пошла собирать свою одежду, чтобы разложить перед камином. Хотела разложить и его, но Люциан перехватил у меня рубашку и пиджак и сделал все сам. Молча.

Потом мы молча сидели, слушая, как дождь барабанит по крыше и стеклам, каким-то чудом уцелевшим полностью. Когда он начал стихать, а тучи, наконец, решили расползаться, уже стемнело.

– Переночуем здесь, – коротко сказал он. – В ночь по такой местности идти не самое лучшее решение. Кроме того, одежда еще не до конца высохла.

Я была полностью с ним согласна и хотела ему об этом сказать, но не успела. Люциан поднялся, взял найденную мной банку и ушел на улицу. Вернулся с совершенно чистой и полной дождевой воды. Открыл окно, чтобы проветрить: дым уползал наверх, вырываясь наружу через какую-то дыру в крыше. Она там явно была, по дальней стене со второго этажа текло основательно.

– Ложись спать, Лена, – скомандовал мне. – Я подежурю.

– Мы можем меняться...

– Нет.

Я посмотрела в открытое окно, где помимо звезд маячили еще два полумесяца и один беременный недокругляшок местных лун. Спать мне и правда хотелось и, поскольку я не представляла, что еще сказать, просто сделала пару глотков из банки и свернулась прямо на дощатом полу. Не очень удобно, ну а кому сейчас легко.

За моей спиной раздалось какое-то невнятное рычание, Люциан приблизился, сел, уложил мою голову себе на ноги, а сам привалился спиной к каминной стене. Так, чтобы видеть окно и дверь.

«Прости меня», – мне очень захотелось сказать ему эти слова. Но я не представляла, за что я прошу прощения.

Поэтому просто вздохнула и закрыла глаза.

Глава 3

Люциан Драгон

«Я его люблю».

Как ножом по сердцу, честное слово. Кажется, если бы всадили в грудь кинжал и пару раз провернули, и то было бы не так больно. От

этой боли не получилось избавиться, когда он раз за разом бил кулаком в стену, ни тем более теперь. Саднящие костяшки напоминали о ней, как незалеченный порез. Хотя куда больше напоминала она: девушка, что спала у него на коленях, свернувшись калачиком в какой-то старой грязной тряпке. Прекрасная, как никогда.

Волосы Лены после дождя от влаги завились кольцами, и ему невыносимо хотелось запустить в них пальцы. Все то время, что он просидел, привалившись к стене, рассматривая ее и не смыкая глаз. Спать не хотелось, к счастью, да он бы и не смог. Оставить ее непонятно где без защиты при учете того, что у него не осталось даже крупницы магии.

Как такое вообще возможно?

Наверное, только эти мысли и помогали отвлечься. Люциан не представлял своей жизни без магии, его готовили ко всему, к чему угодно – но только не к тому, что основа основ, его сила, исчезнет в неизвестном направлении. А что самое паршивое, на военном факультете на первом курсе говорили о возможности оказаться в антимагических кандалах или с полуиссякшим ресурсом, но он на это просто-напросто наплевал. Вместо того, чтобы слушать лекцию, занимался какой-то ерундой.

Зря. Возможно, если выслушал бы магистра внимательно, сейчас бы не ощущал себя настолько беспомощным. Лена и то лучше него знала, что делать.

Хотя о таком должен был знать он!

Он, а не она, должен был знать про этот драхов огонь!

Запрокинув голову, Люциан осторожно подвигал затекшие ноги, но она даже не проснулась. Неудивительно, после всего случившегося. Спросить ее о том, что произошло рядом с юкками, он не успел, все закрутилось так быстро, что Люциан едва успевал за событиями. Потом было не до этого. А еще чуть позже вообще говорить не хотелось.

Он не удержался, убрал прядку с ее лица, рассматривая безмятежную, спящую девушку. Что там Альгор вообще сказал или сделал, что она вот так легко его простила? При мысли о темном, кровь закипела, пальцы сами сжались в кулаки. И разжались, когда Люциан коснулся ее нежной кожи, провел подушечками по обнажившемуся плечу.

Было в этом что-то совершенно бесстыдное, вот так к ней прикасаться, когда она не знает. Не чувствует. Но если она спит, значит, сейчас здесь может быть Ленор?

Люциан отдернул руку и больше почти не двигался до самого рассвета. До того, как в запыленные, размытые дождем окна заглянули первые лучи все еще относительно раннего осеннего солнца, а Лена завозилась у него на коленях. Ноги по ощущениям напоминали палки, но, когда она сладко зевнула и открыла глаза, он забыл обо всем. Дорого бы он заплатил за то, чтобы вот так проснуться рядом с ней, и чтобы она была его. Его, его и только его. А после любить ее до умопомрачения.

– Доброе утро, – сказала Лена, мигом становясь далекой и отстраненной.

– Доброе, – ответил он. – Сейчас проснешься – и будем выдвигаться. Лучше не терять времени, драх его знает, где мы вообще.

– Да я уже проснулась. Сейчас только отлучусь ненадолго.

Костер-камин за ночь потух, осталась одна зола и запах гари от бывших стульев, которые он разломал на растопку. К счастью, одежда высохла, и они разбрелись по разным комнатам, чтобы переодеться. Его не оставляло ощущение чего-то безвозвратно упущенного, но поймать это чувство окончательно Люциан просто не мог.

Дождевая вода в банке была единственным припасом, поэтому время терять не стоило не только из-за светового дня и неопределенности, но и из-за отсутствия еды. Поскольку магического резерва не было, ему самому грозила усталость, и очень быстро. После бессонной ночи особенно.

Во время дежурств в гарнизоне магию у него никто не забирал, но Люциан отлично помнил, как это бывает, только что ты на ногах и бодрячком, а потом начинает выключать.

Из дома они вышли так же молча. Огляделись. Вправо и влево простиралось поле, заросшее густыми колосьями тарги. Зерновое, которое используют для помола и выпечки, но дикое: видно было, что здесь уже давно никого нет, никто за ним не ухаживает. Дорога вдоль поля вся заросла травой, не примятой ни с одной, ни с другой стороны, сразу за домом начинался лес.

– Пойдем вдоль поля, – Люциан глянул на солнце. – Даррания... то есть Даррания, к которой мы привыкли – вон там. Где-то. Понятия

не имею, сколько нам идти до ближайшего поселения, но как только заработает магия, откроем портал.

Лена кивнула.

– Если устанешь, скажи. Сделаем привал.

– Не устану, – ответила она. – Я тоже хочу отсюда как можно скорее выбраться.

«Как можно скорее избавиться от тебя», – подумал Люциан. Мысленно дал себе пинка и зашагал по не успевшей высохнуть пропитанной дождем земле. Ноги проваливались в грязь – с ботинками точно придется попрощаться, но изо всех бед эта явно было наименьшей.

– Как нас вообще выкинуло сюда порталом, если здесь магия не работает? – задала логичный вопрос Лена.

И правда, как?

– Не представляю, – он покачал головой.

– Портал – это же стопроцентная магия. Значит, мы не должны были сюда попасть.

– Аномалии тех мест, возможно. То есть сюда нас выкинуло, это был магический потенциал с той стороны. А здесь уже все. Нет даже искры.

Лена вздохнула. Пожевала губы.

– Ты не спал всю ночь?

Люциан усмехнулся:

– Не бойся. В обморок не упаду.

Она тоже хихикнула, и он нахмурился:

– Ты чего?

– Да ничего. Просто вчера думала, что с тобой делать, если ты упадешь в обморок. А тут ты... о том же. – Только что она улыбалась, и вдруг ее улыбка погасла. Мгновенно. Как вспышка молнии.

Дальше они снова шли в молчании, и дорога казалась бесконечной. Трава наверняка хлестала ее по ногам, и Люциан с трудом сдерживался, чтобы не предложить Лене взять ее на руки. Прекрасно понимая, что она не согласится. Пошлет его куда подальше. А то еще и в поле убежит, с нее станется.

Потом поле закончилось, а трава нет, но, стоило им завернуть вдоль относительной дорожки к лесу, как вдалеке возникло искрящееся сияние. Оно то возникало, то схлопывалось, то возникало,

то схлопывалось. Люциан на мгновение даже остановился, потому что прекрасно знал, что это такое. Так выглядела попытка создать портал человеком с очень слабым магическим ресурсом. Выглядела бы. Будь это там, где есть магия.

Но здесь... здесь это означало, что кто-то с очень сильным ресурсом пытается прорваться к ним. Более того, по летящим в стороны серебряным искрам, с такого расстояния напомиавшим рассыпающиеся точки, Люциан сразу понял, кто. И Лена поняла тоже, потому что, судорожно втянув воздух, опрометью бросилась туда.

Лена

Я вроде как всю ночь проспала и должна быть довольной и выспавшейся. Потому что это Люциан дежурил, чтобы я могла спать, но в голове какая-то вата и туман. Еще и странное ощущение, что я просто забыла что-то важное, а что – не могу вспомнить. Муторное неприятное ощущение только усилилось, когда я увидела вдалеке нечто отдаленно напоминающее искрящий портал. Искрящий темной магией.

Увидела и припустила к нему, потому что кто мог устроить нам такое приключение, если не Адергайн? Валентайн предупреждал меня, что люди и драконы для него игрушки, а я не верила. Что, если он сейчас играет с нами, как кот с мышками? Хотя мы с Люцианом для него наверное даже не мышки, а так, букашки-таракашки. Перед глазами слишком яркая картина: изломанные крылья, кровь, невидящий взгляд, и я лечу к этому portalу, не разбирая дороги. Вообще не представляя, что буду делать, если там Адергайн, но собираю в воспоминаниях все, чему меня учили.

Искры тают и рассыпаются, рассыпаются и тают, а потом их вдруг становится больше, больше и больше. Я почти подлетаю к нему, оглядываясь в поисках хотя бы чего-то... Чего? Не с корягой же на местного темного лорда идти, когда пространство все-таки рвется.

Стоящий по ту сторону Валентайн выглядит как сама смерть: глаза черные, текущее с его пальцев серебро смешивается с темной магией, где-то на заднем плане мельтешат незнакомые высокие своды и военные. Очень много военных.

– Лена, быстро в портал! – командует он. – Я не смогу долго его держать.

Меня упрашивать не надо, но я оборачиваюсь: Люциан где-то там вдалеке. Он за мной не бежал. Такое ощущение, что он вообще шаг замедлил.

– Люциан, быстрее! – кричу я и машу руками. – Быстрее! Портал нестабилен!

Он ничего не отвечает, как будто это его не касается, даже не ускоряет шаг.

Вот... драконий дебил!

– Люциан!

– Лена! – почти рычит Валентайн.

Он не может сюда шагнуть, я понимаю, что с порталом любой силы будет то же самое, что и с нашим. А меня просто на части рвет. Я не хочу тут оставаться, в этой глуши непонятно где, особенно после всего, что случилось. Но и не хочу оставлять Люциана одного, пусть даже на него опять нашло временное драконопринцево помешательство.

– Закрывай, – говорю я. – Закрывай, мы доберемся до места, где магия работает, а потом вернемся.

Мне невероятно тяжело ему это говорить, и еще тяжелее отступить. Но я все-таки это делаю. А потом разворачиваюсь и бегу назад. Мне хочется от души пнуть Драгона в причинное место – за то, что он умеет быть таким идиотом в самый неподходящий момент. За то, что на него находит, когда мы на грани выживания! Ведь вроде нормальный дракончик утром... был! А сейчас!

Я подлетаю к нему с той же скоростью, что до этого бежала к portalу, от души колочу кулаками по груди. Разумеется, нашел, когда показать характер! Несмотря на все то, что видел! Несмотря на то, что устроил Адергайн! Про Адергайна я ему, конечно, не рассказываю, но продолжаю колотить по мощной драконопринцевой груди. Которая сейчас как камень! И мозги у него как камень!

– Ты... ты! – шиплю я, понимая, что во мне сломался внутренний напряжометр, и меня несет. Остановиться я уже не могу. – Ты что, не понимаешь, что нам нужно вернуться?! Совсем не понимаешь? Вот вообще не понимаешь, да!

Люциан наконец перехватывает мои руки и как-то криво усмехается. А после кивает за мое плечо и выплевывает:

– Не переживай так, Лена. Теперь ты точно в безопасности.

Сначала я хочу поинтересоваться, что за бред он несет, и только потом оборачиваюсь. К нам довольно быстрым шагом приближается злющий, как сто один Люцифер, Валентайн.

Прежде чем я успела выставить руки в разные стороны, чтобы их друг к другу не подпустить, Валентайн уже приближается и шагает ко мне вплотную:

– Что непонятного в словах: срочно в портал, Лена?! – Его взгляд все еще темный, хотя я точно знаю, здесь магии нет.

– Не рычи на нее! – взрывается Люциан.

Это катастрофа.

Катастрофико, как сказали бы на испанском. Потому что Валентайн переводит взгляд на него, и в его глазах выражение, от которого пеплом рассыпаются даже самые стойкие. Что касается Люциана, он просто резко втягивает воздух, явно готовый повторить то, что сказал. От них просто волны агрессии расходятся, и это будет страшнее магии.

– Брейк! – говорю я, все-таки выставляя руки в стороны. – Брейк! Брейк! У нас здесь экстренная ситуация, которую надо решать! Потому что лично я хочу вернуться домой живой, а на меня напал Адергайн.

– Что?! – Два боевых дракона забывают друг о друге и мигом переключают все внимание на меня.

Молодец, Лена, держи медальку по предотвращению немагического конфликта.

– Адергайн, – повторяю, как заклинание. Пока это имя работает, пусть работает. – То, что ты там видел, Люциан – это был Адергайн, я как-то не успела тебе рассказать.

– Что он хотел? – ошарашенно спрашивает Драгон.

– Нам надо возвращаться, – перебивает его Валентайн.

Судя по тому, что он переключился в режим решения «что делать со всемогущим папой», катастрофико откладывается. Можно глубоко дышать и считать облачка по пути в магическую зону.

– Возвращаться – куда? – интересуется Люциан. – Где мы вообще?

– Вас выбросило в предместья Аварда.

– Куда?! – на сей раз хором с ним спрашиваем мы.

– Немагические земли. Сведения о них засекречены.

– Какого... – начинает было Люциан, но Валентайн кивает в сторону, в которую мы шли.

– Здесь полдня пути.

Полдня пути. Ну ладно хоть не сутки. Не неделя. И вообще, я хочу домой и поспать. Желательно, не думая больше про Адергайна и про то, что он сотворил с пастухом. Хотя сдается, снится мне эта картина будет очень и очень долго.

Люциан сжимает зубы, но мы все-таки выдвигаемся, и это радует. Теперь уже немагический конфликт сто пудов разрешен, можно и правда считать облачка. Но по дороге можно же поинтересоваться, что это за предместья Аварда.

– Почему здесь нет магии? – спрашиваю я у Валентайна.

Тропинка совсем узкая, поэтому приходится идти гуськом. Валентайн первым, я за ним, замыкает Люциан. Паровозик, блин. Со взрывчаткой.

– Аномальная зона. Такая же, как та, что нарушает работу порталов на землях, где находится алтарь Горрахона. Было предположение, что эти зоны имеют примерно одинаковую структуру первоначальных искажений, и что они каким-то образом связаны между собой, – комментирует Валентайн. Судя по его каменной спине и плечам, он все еще очень напряжен. И очень зол. – Теперь это уже не предположение.

– Я не пойму, почему нужно об этом молчать, – доносится из последнего вагона.

Я мысленно морщусь. Вот тоже не пойму, почему нельзя помолчать и не злить злющего Валентайна?

– Потому что отсутствие магии порождает панику, – резко произносит Валентайн. – Хочешь, чтобы вся страна сходила с ума в предположениях, способно ли это распространиться на магические земли?

– А оно способно? – вырывается у меня.

– Рост зоны остановился примерно три столетия назад. С тех пор изменений нет.

– Чешуябля, – выдает Люциан. Совершенно не подозревая, что последняя часть его слова... она такая... родным повеяло. Но раньше я такого ругательства не слышала, и в голове проносится мысль: может, его Соня плохому научила? Воспоминания о Соне мигом возвращают в момент, из которого меня выдернуло вчера. Экскурсия, алтарь Горрахона, магистры и адепты...

– Там все нормально? – интересуюсь. – Оллихарда удар не хватил? Меня еще не отчислили?

– Не смешно, Лена! – вот сейчас Валентайн натурально рычит, останавливаясь и оборачиваясь так резко, что я влетаю носом в его мундир. Только сейчас понимаю, что он в мундире. В мундире Даррании. Я не успеваю сказать что-либо в свою защиту, в частности, даже то, что мой сарказм – это тоже защитная реакция, а он уже чеканит слова: – Ты хоть примерно представляешь, что произошло? Колоссальный выброс темной магии. Мертвый пастух. Исчезновение наследника Даррании...

– Я не наследник, – хмыкает Люциан. – Мы с отцом по этому вопросу договорились.

Валентайн награждает его убийственным взглядом:

– Ваша договоренность больше не в силе. Ферган снова объявил тебя наследником после ситуации в гарнизоне.

– Как... что?! – Люциан впивается в него взглядом. – Какой ситуации?

– Нападение темных. Мгновенное. Точечное. Выживших единицы, и за их жизнь сейчас сражаются лучшие целители Хэвенсграда.

После слов Валентайна Люциан натурально бледнеет. Я никогда не видела его таким, хотя у самой волосы встают дыбом от этих слов. Особенно когда Валентайн добавляет:

– В Даррании объявлено военное положение.

Глава 4

Хорошие новости заключались в том, что никто никого не убил и даже не попытался подраться. Еще в том, что мы благополучно добрались до мест, откуда Валентайн открыл портал в Дарранию. Люциан открыл свой и ушел в него один. Он вообще ни слова нам не сказал с той самой минуты, как узнал про случившееся, а на все мои попытки о чем-то поговорить (хотя о чем тут поговоришь?) не реагировал.

Я его понимала. Потому что сама чувствовала себя так, будто я зашла внутрь колокола, когда в него решили позвонить. Валентайн рассказал о том, что они среагировали почти мгновенно, как только он почувствовал прорыв, но подоспевшим войскам и ему спасти уже было особо некого. Гарнизон был разрушен, дальше темные пока не

пошли. Почему – скорее всего, потому что это был акт демонстрации силы.

Или отвлекающий маневр. Об этом уже я сама подумала, когда вспомнила свою встречу с Адергайном. Валентайн меня очень подробно о ней расспрашивал, но у меня практически все вылетело из головы. Кроме того пастуха, юкк и явления самого темного лорда, тьфу, Верховного эрда. Мне смутно верилось в то, что Адергайн стал бы устраивать все это ради встречи со мной. Только ради встречи со мной. Скорее всего, Валентайн был прав про демонстрацию силы, а я просто удачно подвернулась как возможность.

Неудивительно, что я чувствовала себя оглушенной. Оглушенной и опустошенной. Потому что, несмотря даже на то, что в городе мы не побывали, переместились сразу в наш дом, а еще на то, что Валентайн снова прикрыл меня от очередного допроса, я все равно смутно представляла, что будет дальше. Военное положение звучало слишком страшно.

Когда мы уходили на эту экскурсию, моей основной проблемой была Ленор. Еще немного Люциан, который не оставлял попыток меня... даже не знаю, как это назвать. Сделать своей, наверное. Сейчас это все отодвинулось на второй план, представив угрозу реального нападения темных, после которого мало никому не покажется. Я слишком хорошо изучила историю, а еще слишком хорошо знала о силе драконов, чтобы понимать: это может обернуться катастрофой.

Если Адергайн реально решит напасть, если драконы снова схлестнутся, как в той исторической войне, используя всю свою реальную силу... Но он же не идиот! Он же должен понимать, что править ему будет нечем. Даже когда мечтаешь о мировом господстве, чувствуя, что у тебя в руках сосредоточены вся власть и могущество, о таком точно забывать не следует. Или он на что-то еще рассчитывает?

Вопрос только в том, на что.

– Надо было спросить, – ехидно подала голос Ленор, когда я сгрызла до мяса ноготь на мизинце.

– Вот знаешь, твои шуточки сейчас вообще не в тему!

– Да мне-то, по ходу, терять уже нечего. Он настолько серьезно настроен, что как только ему понадобится ты, меня сразу отправят вслед за пастухом, ну или распылят, как ту юкку.

– Что, Валентайна уже не боишься? – поинтересовалась я.

– Как по мне, так одна хрен разница.

Когда Ленор начинала говорить как девушка из моего мира, я чувствовала с ней странное и вполне объяснимое родство. Гораздо большее даже, чем далось нам по происхождению. Хотя временами несла она полную чушь. Вот как сейчас.

– Валентайн на нашей стороне, – напомнила я.

– На чьей – на нашей?

– Меня. Тебя. Даррании. Он собирается найти способ, чтобы мы могли...

– Ой да брось, Лена! Он темный! А темные всегда исключительно на своей стороне, такова их природа. – Ленор философски хмыкнула. Почему-то мне представилось, как она сидит в той самой комнате в родительском доме и подпиливает ногти.

– Этот темный защищает то, что, в общем-то, защищать не обязан. Страну, в которой его так до конца и не приняли.

– Не знаю, что насчет конца, – фыркнула она, – по-моему, его как раз приняли хорошо. А в целом Валентайн Альгор защищает то, что считает своим. Дарранию. Тебя. Пока вы принадлежите ему.

Что. За. Бред!

– У тебя там крыша поехала в заточении? – резко поинтересовалась я.

– Да нет. Я просто предупреждаю, чтобы потом не было мучительно больно.

– Предупреждаешь о чем?!

Ответить Ленор не успела, потому что вошел Валентайн. Я мгновенно поднялась с кровати, на которой просидела, кажется, вечность – так и не притронувшись к еде даже несмотря на то, что не ела уже очень давно. Подбежала к нему. Он выглядел осунувшимся, а еще... темным. Чешуя на скулах проявилась так четко, словно собиралась там остаться навечно, в глазах вспыхивали и гасли черные искры.

Я приподнялась на носочки, коснулась губами его губ, вложив в этот поцелуй всю свою нежность и поддержку. Валентайн ответил так жадно и рвано, словно хотел выпить не только мое дыхание, а меня всю. Потом так же молниеносно отстранился, заключая мое лицо в ладони и вглядываясь в глаза.

– Я представить не мог, что они разрешат экскурсию к алтарю, когда сработал прорыв. – Процедил он. – Просто не мог представить. Иначе бы я ни за что тебя не оставил, Лена...

– Там ты был нужнее, – мягко произнесла я. – Со мной все равно ничего не случилось. И, как ты правильно сказал, представить такое не мог никто.

Оказывается, когда стало известно о прорыве, Валентайн уходил на границу в полной уверенности, что экскурсия отменяется. Но власти решили ничего не сообщать в Академию, больше того – даже не намекнули, и мы всей дружной толпой потопали просвещаться, когда гарнизон уже был разрушен. Справедливости ради, в тот момент они еще об этом не знали, но это, конечно, был полный триндец. А впрочем, ничего нового. Тогда вышестоящие еще предполагали, что о прорыве можно будет никому не сообщать, зачем лишний раз наводить панику.

Почему-то меня это абсолютно не удивило, а вот Валентайн явно до сих пор был в ярости, поэтому я решила немного его переключить:

– Как усиление границ?

– Сделано. По всей протяженности войска, остальные наготове. Завтра собираемся с Ферганом в Цитадели. Он, его советники, архимаги.

– Ого. А ты сам что думаешь? Зачем это Адергайну? Будет война?

– Я уже ничему не удивлюсь, – произнес он, а потом вдруг судорожно сгреб меня в охапку и прижал к себе. – Не могу даже представить, что позволил ему подойти к тебе близко. Каждый раз, когда думаю об этом...

– Давай не будем об этом думать, – я мягко обняла его в ответ. – Проблемы надо решать по мере поступления, а тебе сейчас лучше отдохнуть. И мне тоже. И, может быть даже, поесть.

Он вскинул голову и нахмурился:

– Ты до сих пор не поела?

– Только это, – я показала обгрызанный ноготь. – Но с удовольствием поем вместе с тобой, если ты любишь холодное.

Впрочем, ужин оказался коротким и быстрым: мы оба настолько вымотались, что быстро покидали в себя еду, упали в постель и отключились практически сразу же. Я провалилась в темноту без

сновидений, глубокую и бесконечную, чтобы вновь вынырнуть в Темных землях. И снова увидеть Люциана.

С изломанными крыльями, с угасающей в невидящих глазах магией.

Люциан Драгон

Иногда жизнь разделяется на до и после. Так случилось, когда мама побежала спасать Сезара. Он видел ее в тот день только за завтраком, и в последний раз. Живой. Он помнил ее застывшие черты, спокойное, умиротворенное лицо, когда на прощание с тэрн-архой Даррании собралась вся аристократия, а обычные люди рыдали за стенами собора. Отец объявил месячный траур, но его траур по матери продолжался гораздо дольше. Который только-только начал развеиваться с появлением Лены.

Теперь он смотрел на умиротворенное лицо Этана.

Странное дело, но после смерти что драконы, что люди, становятся такими спокойными, такими светлыми, словно все лучшее, что в них было, навеки запечатлевается на их лицах. Люциан смотрел на него и не мог отвести взгляд, мимо него ходили, на него смотрели с опаской, он чувствовал. Но не мог заставить себя пошевелиться и отойти, словно сама мысль о том, что ему придется его здесь оставить казалась кощунственной.

Все самое дорогое у него забирала темная магия.

Сначала мать.

Теперь – друга. Десятки тех, с кем он участвовал в построениях в гарнизоне. Кальварен Михт. Парни, с которыми они отжимались на спор, кто больше. Дракон из друзей Амира. За жизнь Сайтанхорда сейчас еще боролись, как ему доложили, но она тоже висела на волоске.

Всех погибших доставили в Хэвенсград (тех, от кого остался не только тлен), а среди выживших целители потеряли уже четверых. Всего этого могло бы не быть, если бы отец прислушался к нему и, в конце концов, отправил лозантирова Альгора совершенствовать защиту и усиливать границу заранее. Если бы он отправил туда подкрепление заранее.

Внутри, в темном клубке глухой скорби рождалась звериная ярость, поэтому когда к нему приблизились со словами:

– Тэрн-ар Драгон, тэрн-арх требует вас к себе. Немедленно, – он обернулся, окатив военных таким взглядом, что они мигом подобрались.

– Подождет, – процедил сквозь зубы.

– У нас приказ. Мы вынуждены просить вас пройти с нами, или...

– Или что? – холодно спросил Люциан. Отвернулся, снова вглядываясь в лицо Этана.

Он должен был остаться там. Он бы сумел их сдержать до прихода Альгора. Может быть, не так, как отец, но, по крайней мере, исход был бы совсем другим.

Внутри жгло, пекло, выворачивало. Пришлось сделать несколько глубоких вдохов, прежде чем его отпустило, и он сумел покинуть похоронный зал. Прошел между рядами тех, кто когда-то вместе с ним сидел за столами или стоял в очереди на раздаче еды. Между плачущих родственников: часть военных была из Хэвенсграда, остальным должны были организовать порталы за счет Даррании. К Этану еще никто не приехал.

Военные следовали за ним, но он шел быстро. Этот огонь в груди, который грозил превратить его изнутри в пепел, то вспыхивал полотном пламени, то гас, превращаясь в холодный опасный фитиль ненависти.

Отец дожидался в обычном зале для приемов, расселся там своей монаршей драконовой тушей, взирая на всех сверху вниз.

– Оставьте нас, – приказал через роаран, и всех просто мигом сдуло за двери.

Мощнейшее *Cubrire Silencial* накрыло зал, и отец рыкнул:

– Явился, наконец! Уже думал, не дождусь.

– Если бы ты думал, они бы все не лежали там! – вырычал Люциан в ответ.

– Да как ты смеешь...

– Я говорил тебе о том, что там происходит! Ты мог принять меры! Вместо этого предпочел от меня отмахнуться. Это ты все это допустил. Правитель из тебя...

Атаку отца он почувствовал сразу, и даже успел выстроить щит. Но сила Фергана врезалась в него с такой мощью, что отдачей ударило в грудь, его снова швырнуло на пол. От боли потемнело перед глазами, но сейчас рядом не было брата, чтобы за него заступиться. Вот только

в этот раз Люциану хотелось лишь одного: ударить в ответ. За Этана. За всех них. За то, что из-за идиотских утаиваний пострадали люди.

Сквозь боль и растущую внутри ярость он собрал все силы и на выдохе прошептал боевое заклинание. Вложив в атаку всю силу движения, голоса и магии. Ферган явно не ожидал: его полоснуло. Толкнуло назад, драконья туша врезалась в стену так, что содрогнулись своды. Камень переговоров отлетел в центр зала к ногам Люциана, который успел подняться. На это, правда, ушли все силы, его разве что не шатало, но выражение морды отца того стоило.

– Никогда больше не смей меня бить, – процедил он. – Или очень сильно об этом пожалеешь.

– Ты мне угрожаешь? – взревел роаран.

– Ставлю перед фактом. – Люциан не удержался и пнул камень с такой силой, что он срикошетил о стену и прилетел отцу в бок. – Я не изменил своего мнения и наследовать твой престол не собираюсь. Отдавай его Анадоррскому. Сезару. Папочке Аникатии. Да кому хочешь!

Его повело, но он удержался, сделал довольно уверенный шаг. Следом второй.

– Ты станешь наследником! – снова взревел Ферган.

– Мечтай.

– Или я уничтожу Ленор Ларо.

Надо было уйти. Надо было просто выйти за дверь. Пока хватало сил, и пока он мог идти так, чтобы его не болтало из стороны в сторону. Из носа хлестала кровь – от воспитательных мер отца и после мощи ответной атаки, она капнула на пол. Люциан смотрел, как несколько клякс расплылись по холодному мрамору. Такому же холодному, как его голос, когда он ответил:

– Рискнешь перелететь дорогу Альгору, когда он тебе так нужен? Вперед. – Люциан очень старался, чтобы прозвучало равнодушно. Не прозвучало.

– Альгор всего лишь марионетка, он нужен мне только пока мне это выгодно, – не менее холодно отозвался Ферган. – Его девчонка мне и вовсе не нужна. А после случившегося с особенностями ее магии очень, очень просто сделать так, чтобы она оказалась в тюрьме, из которой уже никогда не выйдет.

Впервые в жизни ему захотелось придушить отца. Люциан никогда не испытывал такого чувства: Ферган уже угрожал Лене, но никогда раньше он не угрожал ей так. В прошлую их ссору по поводу престолонаследия он говорил о том, чтобы выслать ее в Мертвые земли. Сейчас же...

– Что ты имел в виду, когда назвал Валентайна Альгора марионеткой?

– Это тебя не касается. Пока, – отец сделал акцент на последнем слове. – Так что подумай над тем, что ты хочешь, основательно, Люциан. И если решишь взять на себя ответственность за свою страну, завтра утром будь готов вместе со мной отправиться на заседание в Цитадель.

– Надеюсь, ответственность за свою страну в первую очередь возьмешь ты, – выплюнул он.

Только оказавшись за дверями, смог вдохнуть полной грудью, прошел мимо застывшей стражи, чьи перчатки облегали древки гард так плотно, словно сливались с ними.

Голова раскалывалась, виски будто зажало в стальных раскаленных тисках, но сквозь эту боль, как ни странно, думалось проще. «Я правитель», – как-то сказал ему отец, объясняя свои мотивы. Что же, если Ферган хочет видеть его своим наследником, придется играть по его правилам. Или, вернее будет сказать, использовать его методы?

Люциан глубоко вздохнул, сдвинул виски и, пошатываясь, направился в сторону лестницы. Сил на то, чтобы открыть портал даже с помощью виритта, уже не осталось. Завтра он пойдет в Цитадель, как наследник линии Драгон. Завтра же он поговорит с Альгором.

Если речь идет о безопасности Лены, он готов говорить хоть с самим Адергайном. Хоть с Лозантиром.

Потому что допустить, чтобы что-то произошло с ней, потерять ее он не может. Только не ее.

Он никому не позволит причинить ей вред. Ни свету. Ни тьме.

Глава 5

Женевьев

Из кабинета Амильены Эстре Женевьев вышла уже ближе к ночи. Днем ректор побывала везде: в Министерстве образования Даррании,

на совете попечителей, который возглавлял Иван Драконов, провела с десяток встреч с родителями именитых адептов.

Ничего удивительного, что им с Оллихардом и Берроузу досталось эхом от того, что досталось самой Амильене. После таких разговоров хочется только одного: лечь спать и ни о чем не думать, а ни о чем не думать вряд ли получится. Учитывая, что надо готовиться к завтрашнему занятию, несмотря на ситуацию в стране. И это не считая того, что отец в приказном порядке требовал ее к себе.

К счастью, его приказы теперь Женестье могла игнорировать, а вот то, что привычный мир снова, раз за разом рушится – нет. Она думала, что забыть Сезара будет легко, ведь сила и упорство всегда были ее отличительными чертами, но одного взгляда на Софию Драконову, а теперь уже на Софию Драгон хватило, чтобы понять: ничего еще не в прошлом.

Софию ей ненавидеть было не за что, но смотреть на нее спокойно Женестье не могла. Просто вспыхивала при одном только ее появлении. Старалась не позволять эмоциям брать над собой верх: она ведь училась этому долгие годы, должна уметь совладать со своими чувствами – но не получалось. И чем сильнее Женестье старалась с ними совладать, тем сильнее они в ней вспыхивали. Горели, не позволяя забыть о том, что теперь Сезар женат на другой.

Что между ними уже давно ничего нет и не может быть.

Возможно, поэтому она не открыла портал сразу же, из порталного зала магистрериума, а вышла в парк. Ночью парящая на высоте Академия казалась осыпанной звездами, они словно искры магии куполом окружали громады замка.

В парке Женестье тоже не стала задерживаться, прошла по дорожке к арке, ведущей к краю земель Академии. С такой высоты было отлично видно Хэвенсград, который сейчас напоминал кукольный город. Большой кукольный город, очень большой.

Терялась внизу темная лента реки, огни города соревновались за красоту и ее внимание со звездами. Женестье приблизилась к самому краю, для нее не составило бы труда прыгнуть вниз. Раскрыть крылья, почувствовать полет, свободу, хоть на краткие минуты парения. Но это было запрещено. Правилами академии, нарушив которые сейчас, она очень порадует отца. Потому что не магистрам нарушать правила. Особенно – не проштрафившимся магистрам.

Женевьев как раз усаживалась на траву, когда услышала за спиной:

– Магистр Анадоррская...

И вздрогнула, подскочив и резко обернувшись. Напротив нее стоял парень: выше среднего роста, темноволосый. Один из ее адептов. Выглядел он так, будто собирался прыгать с этого края, но увидел ее и передумал. Или наоборот, увидев ее, собрался прыгнуть с этого края? Женевьев помнила, что он всегда садился на задние ряды. Странное дело, но при этом она всегда его замечала.

А вот он старался быть незаметным. Очень старался.

Тогда что он здесь делает сейчас? Особенно после отбоя.

– Вы разве не должны быть в своей комнате, адепт? – хотелось бы, чтобы голос звучал строго, но получилось устало.

– Должен, но я просто хотел убедиться, что все в порядке. У вас.

Женевьев изумленно вскинула брови, а он поспешно продолжил:

– Вы не подумайте, просто я считаю, что в случившемся вы совершенно не виноваты. И то, что произошло, не мог предугадать никто. Адепты Ларо и Драгон... они всегда отличались нестандартными решениями. Поэтому я пришел сказать, что вы отлично справились там, на месте.

Если бы были силы удивляться, Женевьев, наверное, удивилась бы. А так только мысленно махнула рукой. Эстре тоже можно было понять, ей влетело на всех уровнях. Несмотря на то, что они понятия не имели о случившемся в мире, их никто не предупредил, крайними всегда остаются вышестоящие. Причем чем выше ты стоишь, тем больше ты крайний. Это только снизу кажется, что все шишки достаются исполнителям. На самом деле все с точностью наоборот, чем выше должность, чем больше власти – тем выше ответственность. И если не обладая ничем ты отвечаешь только за себя, то становясь тэрн-архой отвечаешь уже за всю страну.

Это знание Женевьев впитала с детства, возможно, именно поэтому так легко справилась с выволочкой от Эстре. Гораздо легче, чем Берроуз и Оллихард, хотя им было вдвойне сложнее. Они мужчины. Мужчинам всегда сложно принимать замечания от женщин.

Подумав об этом, Женевьев улыбнулась. А еще было на удивление приятно услышать слова поддержки. Хотя там, на месте, казалось, что творится какой-то кошмар, ей действительно удалось организовать и

адептов, и магистров, явно пребывавших в шоке. Сказался опыт подготовки к будущему замужеству и общение со взрослыми ребятами в приюте. И, несмотря на то, что усилия организованного ей поискового отряда остались тщетными, приятно было все равно.

Очень.

– Благодарю, – тепло отозвалась она, – но все же вам лучше вернуться к себе, адепт. Ректор Эстре сейчас очень скоро на расправу, а вам явно не добавят хорошего настроения штрафные баллы.

– Я мог бы вас проводить.

– Что? – Женевьев переспросила, потому что ей показалось, что она ослышалась.

– Я мог бы вас проводить, – повторил парень, – домой. Если вдруг решите немного прогуляться по Хэвенсграду.

Не ослышалась.

– Это лишнее, – отрезала Женевьев, вот сейчас голос сам по себе стал холодным. – Возвращайтесь к себе. Немедленно. В ином случае я буду вынуждена сообщить, что вы нарушаете правила Академии.

Парень нахмурился.

– Это из-за того, что я... – он нахмурился еще сильнее. – Погодите. Вы меня не помните, да?

– Разумеется я вас помню. Адепт Лорхорн, второй курс, общий факультет, – отчеканила Женевьев. – Этого достаточно, чтобы сообщить о вашем неподобающем поведении. Вы остаетесь?

Парень неожиданно зло зыркнул на нее, а после развернулся и быстрым шагом направился в арку, ведущую в парк. Женевьев подождала, пока он скроется в темной каменной пасти и последовала за ним. Сил на то, чтобы думать о странностях поведения Лорхорна, уже не осталось.

Лена

В другой раз выходные могли бы пройти совершенно иначе. Но учитывая, что я первый свой выходной бродила с Люцианом по антимагическим землям, которые были строго засекречены в Даррании, а проснулась с таким жутким ощущением, будто снова пообщалась с Адергайном, оставшееся на отдых время как-то уже совершенно не радовало.

Не порадовало даже легкое касание губ Валентайна, его негромкое:

– Лена. – И вся наша спальня в букетах цветов.

Это я обнаружила, когда открыла глаза. Цветов было так много, что от них кружилась голова – видимо, Валентайн позаботился об украшении комнаты, когда я спала. Мне, конечно, было безумно приятно, потому что я никогда не просыпалась среди цветов, но если бы мне не снилось то, что снилось, если бы не произошло все то, что произошло, я бы, наверное, порадовалась. Сейчас же я только автоматически улыбнулась и прошептала:

– Спасибо.

Валентайн нахмурился, и я его понимала. Я бы, наверное, тоже расстроилась, если бы в ответ на мой сюрприз ограничились таким вот «спасибо».

– Все будет хорошо, – произнес он, по своему истолковав мою неразговорчивость. – Я обещаю.

Я кивнула, прижала его ладонь к щеке, наслаждаясь этой короткой лаской. Хватит, Лена, пора возвращаться в жизнь. Иначе Адергайн выиграет быстрее, чем все успеют сказать «ик». Как бы он ни хотел меня использовать, что бы он там ни задумал, чем больше я буду погружаться в эти темные мысли, тем быстрее ему подыграю. Сон – ну так он на то и сон, то, что я увидела у алтаря Горрахона отпечаталось в моем сознании и вернулось во сне. Хватит об этом думать.

Хватит!

– Мы успеем позавтракать вместе? – уточнила я. – Или тебе уже пора?

– Не только позавтракать, – Валентайн накрыл мои губы своими. Такое странное, забытое чувство... как будто я его не испытывала очень-очень давно. Или вообще делала это впервые. Я сама не поняла свои ощущения, а еще странную, тянущую боль в душе. Как будто от этого поцелуя мне захотелось плакать.

Да что со мной происходит вообще?!

Я ответила на ласку, перебираясь к нему на колени, прижимаясь всем телом. Мне так отчаянно хотелось чувствовать себя живой, чувствовать этот свет, который объединял нас, я так хотела, чтобы он тоже чувствовал это... мою нежность. Мое внимание. Мою любовь.

Сама не заметила, как со скул мои руки переместились к нему на плечи. На реакцию его тела, на твердость между моих бедер, мое тоже отозвалось однозначно. Знакомым ощущением близости, тянущим

предвкушением наслаждения, жаром. Не размыкая наших губ, когда его дыхание, кажется, уже становилось моим, а мое – его, я приподнялась и так же медленно опустилась. Чувствуя каждый миллиметр этого проникновения, каждое мгновение, когда он заполнял меня собой до предела.

Я его очень хорошо помнила, и эту сладость, и то, что надо привыкнуть к его размеру. Первые мгновения. В глазах Валентайна светились черные искры, словно капли из расширившихся зрачков. Чешуя бежала по коже, я чувствовала ее под пальцами. На широкой мощной груди, подушечки даже скользнули по ней.

– Так и должно быть? – гортанно спросила я. Ощущая холод серебряных чешуек, кажется, впитывающийся в меня.

– Да. Я просто слишком много использовал магию, – его голос был хриплым, а зрачки грозили утонуть в клубящейся тьме, – но ты мой свет, Лена. Помни это всегда. Ты – мой свет.

Я задержала дыхание, глядя на то, как в серебристом свечении чешуи сплетаются наши волосы, темное и светлое.

– Я – темная сторона Ленор, – напомнила я.

– К Лозантиру Ленор! – прорычал Валентайн так резко, что я вздрогнула, а после он одним движением опрокинул меня на спину.

Это было больно. Сладко. Грубо и жестко, он брал меня так, как если бы я ему сопротивлялась, но я не сопротивлялась. Во мне не было сил на сопротивление, я просто кричала, царапая ногтями плечи, на которые еще не успела заползти чешуя. Наслаждение на грани боли, когда он врвался в меня резкими сильными движениями. Такое же почти болезненное удовлетворение, а после – повторение, когда меня развернули на живот.

– Хочу тебя везде, – голос Валентайна был низким, как никогда. На ум пришло сравнение с рокочущим вулканом, а после все мысли вылетели из головы, потому что его пальцы скользнули между моих ягодиц. Влажные от меня же, я даже дернулась, когда он с нажимом проник ими в тугое колечко, растягивая. И застонала, когда вторая ладонь заскользила между моих ног.

Мы с ним не первый раз занимались сексом, но почему-то именно этот оказался диким, порочным, звериным. Не считая того, что он никогда не брал меня так... даже не предлагал. Сейчас же, упираясь локтями в неожиданно ставший жестким матрас, полностью перед ним

раскрытая, упивающаяся этими бесстыдными ласками, я кусала губы и стонала, падая в эту бездну.

Позволяя ему делать с моим телом все, что он хочет...

Моим... ее... неважно. Как правильно он сказал, к Лозантиру Ленор!

От полного проникновения я закричала. От резкой растянутости сзади, в каком-то смысле это снова был мой первый раз, от напряжения, горячей неудовлетворенности внутри – там, где сейчас двигались его пальцы. Валентайн все делал медленно. Сейчас так медленно, что мне хотелось кричать уже от невозможности влиться в это чувственное удовольствие, которое он намеренно тормозил.

– Быстрее... – хрипло прошептала я, упираясь лбом в скрещенные руки. – Быстрее! Пожалуйста...

Горячее дыхание обожгло шею, кожу спины чувствительно царапнула чешуя. А следом там, где только что была она, прошелся его язык. Чувственно, горячо.

– Скажи, что ты моя, Лена, – потребовал он. – Хочу это слышать.

– Я... – Голос сорвался от издевательски-медленных движений внутри. – Я твоя...

Прошептала еле слышно.

– Громче.

– Я твоя.

– Еще!

– Я твоя! – почти выдохнула вместе со стоном. – Я твоя, Валентайн... хочу тебя. Хочу тебя в себе. Хочу...

Свободной рукой он потянул меня за волосы, заставляя запрокинуть голову. От острого ритма порой темнело перед глазами, но Валентайн явно не собирался быстро меня отпустить. Двигаясь резко сзади, он замедлял движения пальцев, и наоборот. В какой-то момент мне показалось, что я не выдержу, сорву горло или потеряю сознание от этой бесконечной порочно-болезненной чувственной пытки, порой – что умру от оргазма, который меня накроет. В отместку ему сжималась, выгибалась, насколько могла, сдавленно всхлипывала, чувствуя, как отзывается его тело, как с губ Валентайна срывается рваное рычание.

Мгновение напряженной пульсации внутри, его пульсации, и сильного надавливания пальцев на ту самую чувствительную точку – и

перед глазами потемнело. Удовольствие обрушилось с такой мощью, что все, что я успевала – это дышать и чувствовать его волны, превратившее все мое тело в оголенный, дрожащий, бесконечно сокращающийся нерв.

Я бы рухнула на постель – руки стали просто ватными, но Валентайн меня подхватил, усаживаясь и прижимая к своей груди. Мы все еще были слиты с ним воедино, и я содрогалась в его объятиях снова и снова, снова и снова, снова и снова. Пока он ласкал мою грудь, ласкал меня снизу, срывая с губ новые стоны и крики.

Так, если бы просто не мог мной надыхаться.

После такого секса ноет все тело. Некоторые места – особенно, но я себя чувствую такой расслабленной, какой не была уже давно. Словно с меня сбросили тяжесть, которую я таскала, как черепашка свой домик. Даже мысли об Адергайне становятся далекими и ленивыми. После душа я вытягиваюсь на постели, вдыхая городскую свежесть, тянущуюся из окна ранним утром. Впрочем, свежесть сейчас – к счастью. Такой жаркой осени еще поискать. Возможно, это непростительно и преступно – быть такой счастливой в такое время, но мне наплевать. Я так устала жить с постоянной оглядкой на темную магию, на присутствие Ленор, на планы Адергайна. Пошел бы он... в свои Мертвые земли.

– Лена. – Голос Валентайна раздается совсем рядом, а после моих губ касается ягода. Я размыкаю веки, чтобы сцапать ягоду у него из рук, не забыв прихватить губами палец. У него темнеют глаза, а я, прожевав сочную темно-вишневую мякоть, сообщаю:

– Если ты будешь меня кормить, опоздаешь на свое совещание. Или что там у вас.

– Не опоздаю, – он протягивает мне хлеб с тонкими ломтиками мяса.

– Боже, мне жевать лень, – сообщаю я в пространство.

– Боже?

– Да, у нас так... в общем, в мире, где я жила, тоже есть Бог. Но его не называют по имени, как вы Лозантира или Тамею.

Валентайн улыбается, и я улыбаюсь в ответ.

Как мне не хватало таких вот пробуждений!

Почему не хватало, и сама не знаю. Потому что в моих воспоминаниях у нас таких пробуждений целое лето. Включая Эллейские острова, но еще есть ощущение, что все это не то. Оно как будто из прошлой жизни или из фильма, я должна помнить эмоции, но я их не помню. То же, что было сейчас – настоящее. Оно внутри меня. В моем сердце.

Перехватив бутерброд из его рук, усаживаюсь на постели. В тонком пеньюаре, который ничего не скрывает, и не без удовлетворения отмечаю в его глазах восхищение. Желание. Страсть. Как будто между нами не было всего, что было менее получаса назад. Но я и сама недалеко ушла, от того, как его взгляд скользит по моему телу, внутри снова рождаются жаркие волны.

Почему я чувствую себя такой голодной? По нему. Мы будто лет сто не виделись.

Он сам как бог, когда обнаженный. Древнегреческий или древнеримский, хотя сейчас я понимаю, что он – мой персональный темный бог. Точнее и не скажешь. Мне тоже нравится его рассматривать, и когда он одет, и сейчас, когда полностью обнажен.

– Напомни мне, что завтракать лучше в столовой, и желательно в одежде, – сообщаю я ему.

Валентайн же неожиданно смеется. Так легко, что меня саму накрывает каким-то удивительным чувством облегчения. Будто порвалась последняя нитка напряжения внутри.

– Иди сюда, – говорит он, указывая на свои колени.

– Э-э-э, нет. Больше я на это не поведусь.

– Точно? – Он все еще улыбается.

– По крайней мере, сейчас.

Разливаю ранх по чашкам, стоящим на подносе. Протягиваю одну ему. Этот чай, тьфу, ранх, слишком крепкий и у него вкус, как у какого-нибудь земного улуна. Я такие не люблю и, кажется, не покупала и не просила, чтобы покупали – по крайней мере, не помню, чтобы мы раньше пили такое. Тем не менее он сейчас горчит на языке, пробуждая и встряхивая от расслабленного томного оцепенения.

Валентайна будто бы тоже. Он мгновенно становится серьезным, после чего говорит:

– Тебе все-таки придется пообщаться с военными.

– Да я не против...

– Но про встречу с Адергайном лучше не рассказывать.

– То есть как?

– То есть так. Тебя вынесло порталом в ступок темной магии, ты увидела погибшего пастуха. Уходящего в портал темного. Это все.

– погоди, ты не хочешь, чтобы я говорила правду?

– Я не хочу давать Керуану и Фергану оружие против тебя. Как думаешь, на что они спишут встречу с Адергайном при таких обстоятельствах?

– На то, что у него есть возможность делать все, что он пожелает, и он почему-то захотел увидеть меня?

– Это не смешно, Лена.

– Да я и не смеюсь. Просто со лжи начинаются очень большие нестыковки и очень большие проблемы. – Я замолкаю, потому что сама не сказала ему про Люциана. Про то, что с ним переспала Ленор. Валентайн же мрачнеет так, словно вместо бутерброда проглотил тучу. Или собственного отца. Мне кажется, вокруг нас даже темнее становится, несмотря на солнечный день.

Только не говорите, что он снова был в моих мы...

– Правда и политика не всегда совместимы, – холодно произносит он, – иногда ложь способна уберечь и принести благо.

Хорошо бы. Я выпихиваю Ленор с Люцианом из мыслей и возвращаюсь к еде.

Правда, Люциан оттуда надолго не выпихивается. Как назло, вспоминается сон и следом – то, что про Адергайна я вообще-то сказала при нем.

– Я рассказала про встречу с твоим отцом, когда Люциан был рядом.

– Драгон ничего не расскажет.

– Нет?

– Его допрос сегодня сразу после совещания, на котором он будет. Я с ним поговорю.

При мысли о том, что Валентайн поговорит с Люцианом, внутри все напрягается. Я все еще нервничаю, когда эти двое сходятся вместе, возможно, потому что однажды Валентайн приложил его прямо на занятии. И много-много адептов рядом ему не помешали.

– Могу поговорить я, – сообщаю негромко.

Ой, зря.

– Ты мне не доверяешь, Лена?

– Доверяю, конечно, но...

– Но?

– Я все время боюсь, что вы сцепитесь! – выдыхаю. – Вы же оба... горячие драконы, и каждый раз, когда вы сходитесь...

– Мне есть, что делить с этим мальчишкой? – жестко интересуется Валентайн.

– Что? – я вскидываю брови. – Нет. Нет, конечно же нет!

– Тогда можешь не переживать на этот счет.

А если бы было, что?

Эту мысль я тоже быстро выпихиваю из сознания и тут же интересуюсь:

– Скажи, видение у алтаря Горрахона можно воспринимать как что-то серьезное?

– О каком видении ты говоришь?

– Видение смерти.

Валентайн становится еще более серьезным.

– Чью смерть ты видела, Лена?

– Значит, можно?

– Алтарь и окрестности – аномальная зона. Близкая к антимагическим землям, к тому же. Там возможны и другие аномалии.

– Например, какие?

– Например, временные. Подключение к потоку времени. К возможному варианту развития событий.

Меня определенно радует слово «возможному».

– То есть то, что я увидела, может быть реально, а может и не быть?

– Чью смерть ты увидела? – Он подается вперед, и я брякаю первое, что приходит в голову:

– Сони. Просто... это было так ярко, что я испугалась. Ощущения были такие, будто это уже произошло. А сегодня мне снова это приснилось.

– Вероятностная реальность, – произнес Валентайн, – один из вариантов будущего. Который можно изменить.

– Как?

– Каждый раз, принимая решение, мы делаем выбор. От того, какой выбор мы сделаем, зависит наше будущее.

– Ну это логично. Но есть ли какой-то способ повлиять на случившееся... тьфу, на то, что должно случиться, более конкретно? Например, зная, как поступить сейчас, чтобы этого не произошло.

– Пока нет каких-то дополнительных фактов – вряд ли.

– А дополнительные факты – это...

– Это когда светлые, например, начинают видеть призраков. Для них это знак приближения смерти, для меня – факт. Лена, – он взял меня за плечи и заглянул в глаза, – клянусь, Адергайн никогда больше к тебе не приблизится. Ни к тебе, ни к твоей подруге. Я обещаю вас защитить. Что бы ни произошло, что бы ни творилось вокруг, ты у меня всегда будешь на первом месте. Она – рядом с тобой.

Я глубоко вздохнула, а Валентайн произнес:

– Проблему с Ленор мы тоже решим. Сейчас немного разберемся с тем, что устроил Адергайн, и я вплотную займусь этим. Тем более что я нашел способ разделить вас так, чтобы никто не пострадал.

– Так – это как? – уточнила я.

– Мы сделаем временное разделение, о котором говорила Эвиль, а после я создам для Ленор новое тело. На основе твоего. Того, в котором ты сейчас находишься. Это древний и очень мощный ритуал, за который не брались со времен первого эрда, но это единственный способ нормально вас разделить. Не навредив ни тебе, ни ей.

– Но это же...

– Это темная магия, да, – хмыкнул Валентайн. – Но я справлюсь. Я сделаю все, чтобы ты была счастлива.

Глава 6

Люциан Драгон

– Мы должны ответить, – произнес Иван Драконов.

Папаша Софии никогда не вызывал у него приятных чувств, а сейчас особенно. С другой стороны, собственный папаша приятных чувств тоже не вызывал, так чему удивляться. Хотя бородатый масштабный мужик интересовал его гораздо меньше, чем сидевший справа от Керуана Валентайн. Вот вроде бы Верховный архимаг – не он, а выглядит совершенно наоборот. Даже концентрация внимания вся на нем. Чуть ли не больше, чем на Фергане.

Ферган, явно желая покрасоваться силой, в очередной раз явил миру свою проекцию. Которая восседала рядом с Люцианом, излучая властность и снисхождение одним своим присутствием.

– Если оставить все как есть, мы не сможем смотреть в глаза дарранийцам, – продолжал Драконов. – Равно как и дадим Адергайну понять, что он может повторить подобное в любой момент.

– А у вас есть, что ему противопоставить? – голос Альгора прозвучал как удар боевого хлыста.

Драх его знает, почему Люциан сейчас вспомнил именно его. А еще то, как чуть не ударил им Лену. Ударил бы? Он даже в страшном сне такое представить не мог. Но тогда, когда эта магия дрожала на его пальцах...

Он снова перевел взгляд на Валентайна, на котором теперь скрестились все взгляды. Очень пристальные. Изумленные, гневные, раздраженные. И все – от архимагов, отец демонстрировал свое непробиваемое снисхождение.

– Вы считаете, что мы не способны дать темным отпор? – резко поинтересовался Керуан, явно боявшийся, что обосрался перед Ферганом.

– Я считаю, что нужно как минимум представлять, что мы можем ему противопоставить, – безапелляционно произнес Валентайн. – По-хорошему, не только представлять, но и собрать этот резерв. Бросить его весь на Мертвые земли. Оставив неприкрытым собственный тыл. Мирные города, гражданских, да и военных в том числе. Всем прекрасно известно, что резервы темных находятся в самой глубине Мертвых земель. В самом их сердце. Чтобы пройти туда, придется пролить кровь сильнейших, как я уже сказал, оставив без защиты беззащитных. Вы это предлагаете, Драконов?

Иван побагровел. Так, что его плотный воротник, казалось, сделался уже и начинает его душить.

– Мы не имеем права просто стерпеть это... – начал было он, снова повернувшись к остальным, но его перебил Ферган:

– Не стерпим. Но в данном случае я согласен с архимагом Альгором. Чтобы напасть на гарнизоны темных, нам придется собрать лучших из лучших и бросить их в самое сердце Темных земель. Адергайн прекрасно это знал, и он продемонстрировал нашу уязвимость. Для всех. Как для своих воинов, так и для дарранийцев. Но это не значит, что мы позволим подобному повториться. Все необходимые меры безопасности приняты, все посты усилены. К границам стянуты лучшие войска, которые находятся в полной боевой

готовности. Усилены патрули в ближайших ко вражеской территории городах, готовность порталной эвакуации – мгновенная.

С чего бы отец решил поддержать Валентайна? В ушах еще звучали его слова «Валентайн Альгор – марионетка». Что еще Ферган не договаривает? Что он затеял? После бессонной ночи (вчера так и не удалось заснуть) голова была мутная. Люциан не мог перестать думать про Этана, про тех, что уже никогда не вернуться. Постоянно возвращался мыслями в прошлое и думал – смог бы что-нибудь изменить, останься он там? А потом думал про Лену. Про то, как она бросилась к Альгору. Вот что в нем такого, что ему она прощает абсолютно все? Даже трах с Ленор на протяжении половины лета!

С каким-то болезненным чувством Люциан продолжал смотреть на Альгора, и тот, наконец, посмотрел на него. В упор. Глаза в глаза.

– Я настаиваю. Какой-то ответ должен быть, – снова произнес Драконов. – Возможно, выставить ультиматум. Пусть отдадут тех, кто участвовал в нападении на гарнизон, или...

– Или вы объявите Адергайну войну? – устами Альгора прозвучало издевательски.

– Архимаг Альгор! – снова резко произнес Керуан.

– Я предлагаю переговоры. На нейтральной территории. – Люциан осознал, что произнес это, только когда в зале для переговоров воцарилась тишина. Только хлопнул синий флаг под порывом ветра из распахнутого настежь окна.

– Переговоры с темным? – изумленно приподнял брови Андрэ Сималон. Он заступил на место Равена не так давно, и явно с подачи Драконова. Потому что даже на сегодняшней встрече постоянно смотрел ему в рот.

– Один из них сидит рядом с вами, – насмешливо произнес Валентайн. – И, как вы могли заметить, со мной вполне можно вести переговоры. Если Адергайну есть что сказать, он придет. Если нет – мы узнаем хотя бы об этом.

– С ним не о чем говорить! – чуть ли не взрычал Драконов.

– С вами тоже не всегда интересно, Иван, – спокойный голос Валентайна прозвучал, как падение могильной плиты.

– Я согласен с сыном, – произнес Ферган. Его проекция сдвинула брови, роаран на столе прозвучал чуть громче обычного. Тэрн-арх явно был недоволен тем, что инициатива принадлежит не ему.

Альгор же снова взглянул на Люциана в упор, но теперь уже совсем по-другому. Гораздо более пристально.

– Этот разговор должен состояться, чтобы мы могли дать комментарии. Достоверные комментарии, все объяснить тем, кто сейчас напуган. Поверьте, военное положение никому еще никогда не добавляло оптимизма. Переговоры можно провести на Золотых островах.

– На землях драконов? – изумился Керуан.

– Да, официально Золотые острова не входят в состав Даррании. Лучшего места не найти.

Земли, куда уходили решившие принять звериный облик драконы, действительно считались нейтральными. Жили на тех островах исключительно дарранийцы в драконоформе, но в отличие от тех же Эллейских островов, они более не связывали себя и свои территории обязательствами. Гостей принимали охотно, сами же предпочитали оставаться там. Говорят, многие смогли повторно завести семьи или же улетали целыми семьями. Малыши в таких парах рождались уже дракончиками.

Драконов собирался еще что-то сказать, но Керуан остановил его повелительным жестом.

– Мои службы свяжутся с Золотыми островами, – произнес Ферган. – На вас, договоренность с Адергайном Ниихтарном.

Он говорил с Керуаном, но смотрел на Альгора. Неудивительно.

– Сроки: до конца следующей недели. Траурной недели. – Тэрнарх поднялся, давая понять, что встреча завершена. – Обо всех этапах переговоров докладывайте мне лично.

Отец выглядел как-то ну очень расслабленно. Словно только и ждал этого всего, чтобы... чтобы – что?

Вслед за ним начали подниматься остальные. Злой как стадо драхов Драконов, Керуан, поспешивший следом за отцом. Сималон побежал за Драконовым, а вот Альгор... Альгор не спешил уходить. Напротив, поднявшись, смерил Люциана тяжелым взглядом и кивнул:

– Поговорим.

– Поговорим, – отозвался Люциан, поднимаясь. Странное дело, он хотел побеседовать с Альгором перед допросом о случившемся, а тот, оказывается, тоже хотел.

В Цитадели, во Дворце правления людей Люциан был впервые, поэтому сейчас не удержался от того, чтобы окинуть беглым взглядом коридор, по которому они шли. Просторный, широкий, расстилающийся ковровой дорожкой, начищенной и пахнущей свежестью, а еще позолоту. Она здесь была повсюду: в чашах настенных светильников, где осенними и зимними вечерами, должно быть, пляшут магические огни. Вдоль стен, на ручках, в оформлении люстр.

Драконы меряются золотом магии, а люди – его блеском. Почему-то циничная мысль пришла в голову в тот момент, когда Валентайн распахнул дверь в свой кабинет. Золота мигом стало меньше. Точнее, его вообще не стало. Как и света. Портьеры были задернуты так плотно, что самое время ложиться и подышать от тоски.

– Садись, – Валентайн кивнул ему на кресло. Сам занял свое и сцепил руки на уровне лица. Альгор прошептал заклинание, и комнату на миг заволокло тишиной, как в толще воды.

Не *Cubrire Silencial*. Что-то темное. Но схожее по действию.

– Большинство заклинаний возникли в Эрде изначально, – словно прочитав его мысли, произнес Альгор. – *Cubrire Silencial* – слабая, уязвимая вариация.

– Учту, – произнес Люциан, пропустив мимо ушей снисходительную шпильку темного. – Так о чем ты хотел поговорить?

– Сегодня во время допроса тебе лучше молчать о встрече Лены и Адергайна.

Это прозвучало как угроза или приказ. С другой стороны, Альгор разговаривал так со всеми в принципе.

Что она в нем нашла?

Или с ней он другой?

Ревность вцепилась в сердце зубами, когда Люциан с каким-то извращенно-болезненным чувством представил, как рука Альгора, сейчас покоящаяся на столе, отводит волосы с ее лица. Или, что еще хуже, скользит по ее обнаженному телу. Касается ее... везде.

Он сцепил зубы и посмотрел темному прямо в глаза.

– Ты сам понимаешь, чем это может для нее обернуться, – соизволил продолжить тот. – Особенно в сложившихся обстоятельствах.

– Я никогда не наврежу Лене, – ответил он.

Глаза Альгора опасно сверкнули, но больше тот ничего не сказал. Собирался убраться заклинание, когда Люциан произнес:

– Поэтому я хочу предупредить тебя о планах отца. Он использует тебя. Ради чего – непонятно, но все, что касается тебя, касается и ее тоже. Не представляю, что он имел в виду, просто будь внимателен. И береги ее.

С тем же успехом можно было глотать раскаленные гвозди. Он до сих пор не мог смириться с тем, что Лена просто забыла все. Все эти месяцы с Ленор, все то, что произошло... но это, наверное, к лучшему. Если она смогла отпустить эту боль, это же хорошо. Для нее. Он должен радоваться. Но радоваться не получалось, наоборот.

Внутри словно все разъедало. Темной магией.

«Я не могу отдать ее ему. Не могу от нее отказаться».

Она не игрушка. Только ей решать.

Все это настолько рвало на части, что Люциан поднялся и поспешно направился к дверям. Чтобы услышать ударившее в спину:

– Драгон. Спасибо.

Он даже не обернулся. Сердце словно превратилось в кипящий сгусток, который плавился и собирался воедино, снова и снова. Он с трудом удержался, чтобы не садануть в стену кулаком, как делал это в том домике. Губы до сих пор хранили вкус того поцелуя. Настоящего. Не поцелуя Ленор.

Это Лена его целовала.

Лена тянулась к нему.

Ее тело отзывалось на него, а она несла какую-то чушь про Ленор! Какого драха!

Он снова глубоко вздохнул. Глубоко выдохнул. Может быть, она права. Может быть, потому что нельзя так целовать одного и быть с другим. Отдаваться другому. Позволять выпивать себя до края...

Люциан зажмурился, снова несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, сбрасывая напряжение, и только после этого направился дальше по коридору.

Глава 7

Лена

Сидя в доме у Макса, я сгрызла почти все ногти до корней. С таким даже в местные салоны красоты идти стыдно, но я как-то задумалась. Про Адергайна и все такое. Учитывая, что Макс тоже был

хмурый, потому что Алина на него за что-то обиделась, а ночевавший у него Ярд едва ли пару слов сказал за все время нашего общения, выдергивать меня из мыслей было особо некому. Вот я и думала. Всякое. Про вероятностные реальности, в одной из которых Люциан умирал. Как ни старалась, не могла выкинуть это из головы. Ни разговор с Валентайном, ни свой сон. То, что брат был не в духе, тоже не добавляло нашему общению дружелюбия.

– Я чуть с ума не сошел. Из-за тебя, – заявил он, сурово сдвинув брови. – Тебе же сказано было – никуда не отходить. Кой драх тебя понесло скакать по траве, как юкку?

Ну знаете ли...

– Потому что я у алтаря увидела кое-что!

– Голую задницу Оллихарда? – зло хмыкнул брат. – Это все равно не причина!

Я даже язык прикусила, чтобы не рассказать, что именно я видела, но поняла, что не готова. Во-первых, мне сейчас показалось, что если это озвучу, оно станет более реальным. А во-вторых, с Макса станется явиться с таким к Люциану. Тогда это станет еще более реальным, потому что ничто так не приближает смерть, как осознание этой самой возможности.

А я? Что я? Я должна ему рассказать? Имею ли я право не рассказывать, даже если это просто вероятность?

– Ленор! – рывкает Макс. – Ты меня слушаешь?

– Слушаю, – отвечаю я. – Только тон сбавь.

– Обязательно. Как только ты объяснишь, что на тебя нашло.

– Я уже сказала. Видение с темной магией меня напугало, мне надо было побыть одной. Потом меня вышвырнуло в земли без магии, и я очень долго шла.

– Вы, – поправляет брат. – Вы с Драгоном очень долго шли. Потом Валентайн провалился к вам в портал, и вы не успели до него добежать. Чудесная история!

– Какая есть, – огрызаюсь я. Мне уже начинает надоедать, что Макс цепляется ко мне из-за этой курицы, которой от него нужны только деньги. Тьфу, только магия.

– Мне кажется, что ты от меня что-то скрываешь.

– Тебе кажется.

Ярд скептически хмыкает.

– Да отстань ты от нее. Сейчас все на нервах.

– Тебя не спросили! – почти рычит Макс.

– То, что твоя девица не получила очередной подарочек и надулась – еще не повод рычать на остальных.

– То, что твоя девица тебя вообще не вспомнила после совместной ночи – еще не повод говорить мне, что я должен делать!

Ярд вскакивает. Я его в жизни никогда таким не видела: злым, кулаки сжаты.

– Еще одно слово, и...

– И? – интересуется Макс, поднимаясь и шагая к нему.

– И я полью вас водой, – сообщаю я. – Пойдете переодеваться и сушиться.

Брат зло зыркает на меня, так зло, что мне полагается втянуть голову в плечи и притихнуть. Вместо этого я поднимаюсь тоже:

– Я пришла к тебе, потому что ты мой самый близкий и родной человек. Чтобы тебе рассказать все первому. Если у тебя плохое настроение, настолько плохое, что тебе не до меня и ты срываешься на лучшем друге, просто скажи, и мы побудем где-нибудь в другом месте.

Макс собирается ответить что-то резкое, но первым говорит Ярд:

– Отличная идея! Я, пожалуй, пойду.

Он выходит из гостиной так быстро, что нас окатывает порывами воздуха.

– А ты что стоишь? Можешь идти. Следом за ним, – сообщает братец. – Собиралась же.

Мне бы и правда уйти, вместо этого я приближаюсь к нему и кладу руки ему на плечи.

– Я очень рада, что все обошлось. И что сейчас я могу просто стоять рядом и говорить с тобой. Обещаю больше не скакать по траве, как юкка, и не заставлять тебя волноваться.

Брат все еще хмурится, но постепенно складка на его лбу начинает разглаживаться.

– Я, между прочим, глава семьи, – серьезно произносит он. – И я несу за тебя ответственность. Имей это в виду, Ленор. Не прощу себе, если с тобой что-нибудь случится.

Я улыбаюсь и обнимаю его, и, хотя Макс напряженный, как каменная глыба, отталкивать меня он не спешит. Наконец даже обнимает в ответ.

– Я тоже тебя люблю, – говорю я. И это чистая правда.

Год в этом мире подарил мне больше друзей и близких, чем вся моя жизнь в том, который я считала своим. Возможно, дело в том, что он никогда моим не был, так меня и не принял. А может быть, я просто где-то в глубине души знала, что все так или иначе закончится здесь, поэтому особо ни к кому не привязывалась. Ни к кому, кроме Сони, и к ней я тоже обещала сегодня зайти.

Еще я обещала ей помочь увидеть маму. Но, учитывая, сколько Валентайн уже для меня сделал и что еще собирается сделать, я просто не вправе просить об этом его. Каждое взаимодействие с темной магией, особенно такое – это шаг на пути в пропасть, и я не могу подталкивать его к ней своими руками. Возможно, Соня была права, когда говорила, что я могу сделать это сама. И если я действительно такое могу, почему бы не попробовать. Главное, все осторожненько узнать про этот ритуал. Осторожненько и так, чтобы не узнал Валентайн. От одного раза вряд ли произойдет что-то страшное, а я помогу подруге. Лучшей подруге, которая оказалась в этом мире из-за меня.

Тэйрен Ниихтарн

– Зачем ты это сделала? – Глаза Хааргрена метали пламя. Временами Тэйрен начинало казаться, что оно сейчас просто полетится сквозь его радужку, такое же всежигающее, как огонь, что течет в земных недрах. Но о своем решении она не сожалела, сожалела лишь о том, что не получилось. Потому что если бы получилось, сейчас бы рвал и метал братец. О-о-о, да! На это бы она посмотрела. На то, как рушатся планы великого Адергайна из-за напавших на его девчонку бьяниглов.

Бьяниглы поддаются дрессировке. Их можно обучить. Направить. Даже странно, что раньше ей не приходило такое в голову. Возможно, просто раньше Тэйрен очень хотела жить, сейчас же ей стало плевать на опасность. Защитить сына от Адергайна можно единственным образом: разрушив его планы.

– Захотелось, – Тэйрен пожала плечами. В цепи ее больше не заковывали, хотя в покоях закрыли. Они с Хааргреном оба прекрасно знали, что такой замок для нее не помеха, но они же оба прекрасно знали, что он найдет ее везде. Бежать от него – только время тратить. Время и силы.

– Захотелось?! – прорычал Хааргрэн. Шагнул к ней вплотную, но Тэйрен даже бровью не повела. Лишь коснулась пальчиком затянутой в броню чешуи скулы и усмехнулась, когда жесткие пальцы перехватили, сдавили ее запястье.

– Ой.

Хааргрэн руку не убрал, но хватку ослабил. Тэйрен облизнула губы: сегодня почему-то особенно остро хотелось его спровоцировать. То ли дело было в том, что она привыкла к их странному болезненному противостоянию, то ли ей просто стало скучно. Она бы поставила на второе.

– Накажешь меня? – улыбнувшись, прошептала она, шевельнув пальцами в тисках его захвата. – И что ты сделаешь на этот раз? Трахнешь меня при своих слугах? Соберешь всех, выставишь рядами, и трахнешь? Высечешь плетьюми? Убьешь?!

По живой, нетронутой чешуей части лица Следопыта прошла судорога. Он разжал пальцы, и Тэйрен поднесла руку к губам, скользнув кончиком языка по пылающему следу захвата.

– Я не смогу тебя защитить, Тэйрен, если Адергайн узнает о твоих попытках убить эту девчонку.

От неожиданности она даже замерла. Замерла, а потом расхохоталась: настолько дико и противоестественно прозвучало это его «защитить».

– Обойдусь, – хмыкнула она.

Опустила руку и отошла к окну, рассматривая бесконечные пустоши Мертвых земель в арочном проеме. Когда-то она думала, что этот мир не для нее. Когда-то верила, что мужчина, которому она отдала свое сердце, никогда от нее не откажется. Будет любить ее вечно.

Ну что ж, наивность отлично лечится предательством и болью. Разлукой с сыном, изгнанием и забвением. Нет, такой ошибки она больше не повторит. Доверять можно только себе. Особенно – в Мертвых землях. Хотя что земли брата, что Даррания, не так уж они и отличаются. А их правители стоят друг друга.

– Если эта девчонка так нужна Адергайну, – неожиданно произнес Хааргрэн, – не лучше ли понять, для чего? Чтобы использовать ее в своих целях.

Второй раз он застал ее врасплох, только в этот раз Тэйрен обернулась, насмешливо прищурившись:

– Кого? Девчонку, которую мой брат может размазать по щелчку пальцев?

– Может, – невозмутимо ответил Следопыт, – но до сих пор не размазал.

– Просто потому, что она ему нужна для каких-то своих целей.

– Ты никогда не думала, для каких, Тэйрен? Почему именно она?

– Думать об обычной человеческой девчонке? – она вздернула бровь.

– Вот именно. Обычная человеческая девчонка. Каких сотни...

– Не совсем сотни. Именно эта завязана на Рэнгхорне. Она нужна ему, чтобы вернуть сына. Чтобы обратить его ко тьме, которой мой драгоценный племянничек так упорно сопротивляется.

– Предположим. Но что, если за этим стоит что-то большее? – Хааргрэн приблизился к ней, уперся локтем в стену над ее головой. – Что, если Рэнгхорн – это только часть плана? Если ему нужна именно она. Она сама.

С губ Тэйрен сорвался смешок.

– Я, конечно, понимаю твою одержимость людьми и их значимостью, Хааргрэн. Но это точно не про моего брата.

– Сколько времени ты провела рядом с Адергайном? – перебил он, пропустив мимо ушей шпильку про его слуг и отношение к ним. – В общей сложности пару лет? Когда вас вместе выводили показать двору или когда он демонстрировал тебе свое превосходство?

Слова достигли цели: Тэйрен скривилась. Обиднее всего было то, что Хааргрэн прав. Он проводил рядом с ее братом гораздо больше времени, чем та, что одной с Адергайном крови. Правящей крови.

– А я всю жизнь. Почти всю, – припечатал он. – И если твоя цель по-прежнему та же, присмотришься к этой девчонке повнимательнее. Что-то мне подсказывает, что совсем скоро она окажется в Мертвых землях и отнюдь не в качестве гостыи.

На этот раз Тэйрен нахмурилась. Слова Хааргрэна больше не казались полной бессмыслицей. Больше того, она вдруг задумалась – а что, если он прав? К бесценным, очень нужным вещам не относятся так, как Адергайн относился к этой девчонке, но если бы он показал свой к ней очевидный интерес, убереечь ее было бы гораздо сложнее. А

так есть Рэнгхорн, который любому за нее голову оторвет, и до поры до времени он ее хранитель. Но что будет потом? Зачем эта Лена нужна брату на самом деле?

– Вижу, ты задумалась. Хорошо, – Хааргрэн легко оттолкнулся от стены. – Продолжим этот разговор, когда будешь готова.

Со свойственным ему превосходством, он развернулся и направился к дверям.

– Не боишься, что этот разговор я передам Адергайну? – зло выплюнула она.

Хааргрэн обернулся. Уголок его губ дернулся ввысь, а после тут же вернулся на место.

– Я ничего не боюсь, Тэйрен. А вот ты снова стоишь перед выбором: чьей смерти и унижения ты хочешь больше? Моей? Или его?

Он вышел, хлопнула дверь.

Которую на этот раз никто не запер.

Глава 8

Лена

В столовую я утром не попала, а в аудитории сегодня царила непривычная тишина. Даже любители пообщаться и поперекрикиваться сидели тихо. Соня уже была на месте, и, заметив ее, я помахала рукой. Она ответила на приветствие, и, пока я поднималась к четвертому ряду, заметила, что ни Ярда, ни Люциана нет. Почему-то последнее особенно сейчас нервировало. Умом я понимала, что из Даррании ему никуда не деться, но что-то внутри все равно неприятно дергало. В частности, потому что сегодня сон повторился, впору хоть проси зелий каких. Расслабляющих. Может, у меня психологическая травма после встречи с алтарем Горрахона и Адергайном? А точнее, пусть это она и будет. Пожалуйста.

– Ты что такая нервная? – спросила Соня, когда я села рядом. – Все еще переживаешь из-за антимагических земель?

У-у-у, если это все так навскидку заметно, боюсь даже представить, что дальше будет.

– Ну да. Можно и так сказать. Не каждый день оказываешься без магии в мире, где все делается с ее помощью.

Я не сказала про видения даже ей. Не сказала и про Адергайна, но Соня, кажется, не особо стремилась узнавать подробности моего провала в непонятные края. Она очень обрадовалась, когда я сказала,

что займусь ритуалом сама, вот и сейчас первым делом сжала мою руку:

– Когда мы сможем начать?

– Мне нужно добраться до записей Валентайна. Попросить его дать их мне так, чтобы не вызвать подозрений, – вспомнив наш с Ярдом предыдущий эпик фейл, я поняла, что не решусь повторить эту невыполнимую миссию, даже если Валентайн мне откажет. Ну а с другой стороны, с чего ему мне отказывать? Я уже придумала, что сказать: хочу поизучать то, что живет во мне. Не думаю, что это звучит подозрительно, особенно учитывая наше с Ленор разделение на «светлый-темный». В конце концов, я могу делать это при нем, так вообще никаких вопросов не будет.

Вчера мы просто не успели поговорить: он опять ходил на границу, проверять, что там и как по всей линии, а когда вернулся, огорошил меня новостью про переговоры с Адергайном. Разумеется, рассказывать об этом было никому нельзя, и я была искренне благодарна, что он со мной поделился. Когда-то мы пообещали доверять друг другу во всем и всем делиться, поэтому такая откровенность значила очень и очень много. Мог бы ведь и не говорить – государственная тайна и все такое, а он... Словом, вчера было вообще не до темных материй. Как бы парадоксально это ни звучало: в последнее время, что в моей, что в его жизни их и так было слишком много.

– Хорошо, – нетерпеливо произнесла Соня. – Сегодня доберешься?

У меня возникло ощущение, что она поселилась в каком-то другом мире, в котором не происходило всего того, что произошло. Хотя вчера, когда я пришла к ней, узнала, что Сезар у Фергана, и что там тоже происходит что-то серьезное. Но обо всем этом подруга сказала в двух словах, между делом. Ощущение было такое, что исключительно для того, чтобы я отстала, не лезла со своими вопросами про Сезара.

– Постараюсь, – ответила я, стараясь не раздражаться. В конце концов я прекрасно знаю, через что Соня прошла и проходит до сих пор.

Не представляю, если бы я забеременела после насилия, как бы я себя вела. Наверное, встреча с мамой для меня была бы тоже важнее

всего. Уж точно хотелось бы на ручки и подальше от этого всего.

– Постарайся, пожалуйста, – она заглянула мне в глаза. – Ты же знаешь, как для меня это важно.

– Знаю, – я вернула ей серьезный взгляд, – и именно поэтому выполню свое обещание. Просто не дави на меня, хорошо. Ты же знаешь, что такое темная магия. Для этого нужно время.

– Знаю. Конечно знаю, – Соня ободряюще улыбнулась и сжала мою руку. – Я тебе верю, Лен. Кроме тебя у меня здесь никого нет.

Это «никого нет» резануло ножом по сердцу. Отчасти потому, что я сама себя здесь так чувствовала долгое время. До того, как вновь обрела ее. До того, как разрешила себе быть с Валентайном и поддаться этому чувству. До того, как начала по-настоящему общаться с Максом и узнала, что он вообще-то на самом деле мой брат. До того, как Люциан...

А вот это лишнее.

Я зачем-то оглянулась, но Люциан не заходил. Это я точно знала, не просочился же он порталом сразу на верхние ряды. Зато в распахнутые створки внезапно влетел Ярд, растрепанный, взмыленный и вообще такой, будто проснулся буквально пару минут назад. Он успел буквально за мгновение: рычание возвестило о начале пары, следом широкими шагами в аудиторию вошел магистр Холл. Обще-магический теоретик, как я его называла, поприветствовал нас, за ним вошла ректор Эстре.

Сегодня ее огненно-рыжие волосы выделялись особенно, на фоне черного костюма и такой же черной блузки, воротник которой был подхвачен черной же брошью. Я рассмотрела ее только благодаря сверкнувшему в лучах солнца черному камню.

Магистр тоже был в черном. Нас, адептов, в черное не заставили одеваться, оставили прежнюю форму. Но сейчас ректор Эстре, окинув нас взглядами, первым делом произнесла:

– Новой недели, адепты. Все вы знаете, что в Даррании объявлен траур. Те, кто погибли, защищая наши границы и пресекая предательскую атаку темных, навсегда останутся в наших сердцах.

– А ей точно стоит быть среди нас? – поинтересовалась Аникатия, сверкнув взглядом в мою сторону.

Ректор Эстре пригвоздила ее коротким:

– Все, кто здесь находится, имеют право здесь быть наравне с вами, адептка. В следующий раз за попытку меня перебить вы получите отработку. Сейчас же позвольте вернуться к тому, о чем я говорила. – Она обвела взглядом наши ряды. – В честь траура на все его время пламя магии в ваших значках будет приглушено. Покидать территорию академии произвольными порталами запрещено. Только с моего письменного разрешения или общими. Тем же, у кого здесь есть комнаты, настоятельно рекомендуется находиться на территории без лишних перемещений до особого распоряжения. Все понятно?

– Все, – недружно ответили еще больше притихшие все.

– В таком случае сейчас я приглушу ваши значки.

Ректор успела только поднять руку, когда дверь распахнулась, явив миру и всем собравшимся Люциана. С темными кругами под глазами, переполненными золотой магией сверх меры.

– Адепт Драгон, – ее голосом можно было убивать безо всякой магии, что расчетно-контурной, что заклинательной, – потрудитесь объяснить свое эффектное появление.

– Проспал, – коротко сообщил Люциан.

По аудитории, даже несмотря на всеобщее настроение, пронеслось несколько смешков.

– Чудесно. В таком случае вы прямо сейчас отправляетесь в мой кабинет, досыпать. Что касается остальных, считающие это смешным, поднимитесь.

Разом стало тихо. Очень-очень тихо. Настолько, что будь здесь муха, ее бы услышали все.

– Мне повторить или лично подойти к каждому смельчаку?

Начались неуверенные подъемы. Среди поднявшихся была Лиллея, из бывшей компании Люциана.

– Будете стоять до конца пары, – припечатала ректор, – чтобы академия знала героев, считающих смешным столь потребительское отношение к дисциплине, особенно на фоне всего того, что случилось.

Дальше она разглагольствовать не стала, махнула рукой – и значки на наших лацканах и правда погасли. Почти дотемна, те остаточные искорки магии, что в них были, сейчас едва тлели.

Вообще магия в значках адептов зажигалась автоматически, на первой паре первого курса, потому что этот дракончик представлял собой артефакт. Он связывался с внутренним резервом мага, и с

помощью расчетно-контурной магии высекал пламя нужного цвета. Значки оставались с нами на протяжении всего обучения, от первого и до последнего дня. За потерю обещалась звезда, в смысле, полная звезда. В Академии были случаи, когда значки не зажигались: это означало, что внутренний резерв адепта недостаточен, чтобы учиться здесь. Даже несмотря на все тестирования и успешные испытания, в таком случае его отчисляли.

Я успела посмотреть на Люциана, а вот он на меня не смотрел. Вышел вслед за ректором, дверь захлопнулась. Магистр Холл явно чувствовал себя не в своем гнезде, потому что нервно провел рукой по светлым волосам, откашлялся и произнес:

– Что ж, адепты, я рад видеть вас всех снова. Это наш второй и последний совместный год, и мы приступаем к углубленному изучению общей теории магии...

– Сестренка сегодня совсем не в духе, – донеслось до меня сзади.

Я обернулась на знакомый голос: эту бесценную информацию Лика сообщила сидевшей рядом с ней однокурснице. На меня же она посмотрела как-то насмешливо, а после и вовсе отвернулась. Я решила не разбираться в ее мотивах и вернулась к занятию, хотя из головы почему-то не шел Люциан. Он выглядел так, будто не спал всю ночь, а еще только и делал, что практиковался в магии. С какой радости меня вообще это волнует?!

– Ленор, – шепнул Ярда осторожно. Очень-очень тихо. – А что бы ты делала, чтобы завоевать понравившуюся девушку?

Я изумленно на него посмотрела, во-первых, потому что до настоящего дня он избегал говорить со мной на эту тему. Я до сих пор не представляла, кто эта загадочная девушка, которая ему так нравится и которая, как спалил Макс, даже его не узнала после... гм. А во-вторых, он на все эти темы советовался с моим братом. Видимо, те слова брата Ярда здорово зацепили, раз он решил обратиться ко мне.

– Начнем с того, что мне как-то никогда не приходилось завоевывать девушек, – ответила я. – Но если опустить эту незначительную деталь, узнала бы о ней все. Что она любит, чем увлекается... и смотрела бы в этом направлении. Цветы бы дарила.

Банально? Может быть. Но я еще не встречала ни одну девушку, которой не понравились бы цветы.

– А если она настолько недосыгаема, что о ней сложно что-то узнать?

– Совсем сложно? – уточнила я. – Наверняка же есть что-то очень важное, что вот прямо на самом видном месте лежит.

Если можно так выразиться.

– Например?

– Слушай, ну я же не знаю, кто она. Но если хочешь пример, я даже про Аникатию могу сказать, что она любит драгоценности и шмотки, а еще оскорбляет людей. То есть если бы ты хотел подъехать к Аникатии, тебе надо было бы зайти со стороны дорогих подарков, а заодно оскорбить кого-нибудь в ее присутствии.

– Я вот сейчас сам почти оскорбился, – фыркнул Ярд. – Что ты предложила мне Аникатию.

– Я предложила ее как наглядный пример, – ответила я. – Но мне даже в голову не могло прийти, что это она. Надеюсь, это и правда не она.

Ярд пихнул меня локтем в бок, в результате чего я слегка влетела в Соню.

– Прости, – шепнула одними губами. Подруга кивнула.

– Адепт Лорхорн, адептка Ларо. Вам тоже надоело сидеть? – поджав губы, осведомился магистр Холл. – Или вы хотите рассказать всем теорию поверхностных плетений вместо меня? Если так, я с радостью уступлю вам место.

– Простите, – произнес Ярд серьезно. – Это больше не повторится.

– Надеюсь, – сурово ответил магистр, – так вот, в поверхностных плетениях главное...

Я активировала перо и принялась заносить конспект в виритту. Судя по выражению лица друга, он о чем-то очень серьезно задумался, потому что, обычно сосредоточенный, записывающий все подряд, сейчас едва ли пару предложений черкнул. Видимо, вычислял, что же понравится его загадочной девушке. Я же старалась писать и не думать про Люциана. Ни в каких смыслах. Сегодня у нас с ним совместных пар больше не было, военники полностью уходили в свой факультетский профиль, а вот после занятий нас ждала отработка. И, если верить расписанию (привет, магистр Доброе утро завтра первой парой), еще и занятие драконьим.

Фу-ф-ф. Да, напряженненькая предстоит неделька.

Глава 9

Лена

Хвиинсты, конечно, маленькие животные, но срут как большие. В этом я убедилась, когда мы с Люцианом чистили их клетки. Магию нам использовать запретили, причем категорически. В случае зафиксированного магического импульса отработка не засчитывалась, а куратор-старшекурсница, наблюдавшая за нами, периодически отпускала что-то в стиле:

– Да-а-а, это вам не голыми в раздевалке тискаться, правда?

Из чего я сделала вывод, что вся Академия уже знает про раздевалку. Делать им нечего, что ли, за чужой жизнью следить?

Когда девица в очередной раз прокомментировала сброс говна на вентилятор... тьфу, в ведрище с опилками, словами:

– Совсем не похоже на ваши обычные приятные занятия?

Я развернулась и посмотрела ей прямо в глаза:

– Потрахалась бы хоть раз – узнала бы, что такое приятно. А так только на говно смотришь и на говно исходишь.

Она изменилась в лице, а у Люциана дрогнул уголок губ. Он вообще был на удивление молчалив сегодня, хотя о чем тут поговоришь? В присутствии этой мымры. Которая разозлилась и заорала:

– Быстрее! А то скажу, что вы тут прохлаждаетесь! И не засчитаю уборку.

Может, в нее разок кинуть? С другой стороны, оно мне надо? Я, конечно, не против продленных физических упражнений, но предпочитаю другие. Пока я об этом думала, Люциан вернулся к своей привычной сосредоточенности. Самочка хвиинста в очередной неубранной клетке моргала, медленно открывала и закрывала песочно-рыжие перепончатые веки, прикрывая лапками свой кенгурушный животик. Оттуда выглядывал совершенно милого вида детеныш, глядя на которого я невольно улыбнулась.

В Даррании не было домашних животных, увы. Поэтому где еще на такую прелесть посмотришь?

– Туда пойду один, – коротко прокомментировал Люциан.

– Это еще почему?

– Не хочу, чтобы тебя ударило магией.

– А тебя, значит, можно магией бить?

– Я умею ставить защиту.

Это он на бьяниглов сейчас намекает, что ли? Ну простите.

Спорить не стала, перешла в клетку с гааграми. Академическая зоозона располагалась под открытым небом, в случае непогоды просторное поле накрывали магическим щитом. Работники зоозоны следили, чтобы на воле животные находились не менее трети суток, в клетки их отправляли на время сна и чтобы они могли почувствовать себя в безопасности. Все, кто здесь жил, пострадали либо от браконьеров, либо от сверххищников, которых, по понятной причине, в Академии не держали. Тем не менее клетки для всех здесь живущих были больше своим безопасным местом, чем каким-то ограничением.

Гаагры встретили меня клеткотом и хлопаньем крыльев. Это были огромные не то гуси, не то павлины. Ну то есть если к гусю приклеить павлиний хвост, только в другой расцветке, оранжево-пестрой, то получился бы гаагр. Отличительной особенностью этих птиц была магия, с помощью которой они воспроизводили потомство. То есть у них не было самок и самцов, они просто воссоздавали внутри себя магическое яйцо.

После уборки зоозоны мы уходили потные и вонючие. Очень сложно не влезть в дерьмо, когда оно повсюду. Зато мозги прочистились: я целых два часа думала только о животных и отходах их жизнедеятельности, а не об Адергайне. Признаюсь, это было гораздо приятнее, а еще улыбнула мысль о том, как пострадала бы его гордость, если бы он об этом узнал.

– Через час у тебя или у меня? – ошарашил Люциан, когда мы шли ко входу в главный корпус.

Я вспомнила, что ректор запретила лишние порталы, и поняла, что он имеет в виду занятия драконьим.

– Может, в библиотеке?

– У тебя или у меня.

Это прозвучало, как окончательное решение, обсуждению не подлежащее. Сначала я хотела возмутиться, но уборка меня слегка остудила. А еще – я же сама хотела с ним поговорить. Обо всем. Поэтому только кивнула:

– Давай у меня.

Он кивнул, и мы разошлись в разные стороны.

После душа я почувствовала себя значительно лучше. Переоделась в легкое платье, успела перекусить запасенной во время обеда булкой с орешками и кремовым соусом, и, как раз дожевывала ее, когда постучал Люциан.

– Привет, – сказала, быстро сглотнув, чтобы не напоминать хомяка. Сжала остаток булки в руке, не зная, куда ее деть. – Проходи.

– У тебя крем на губах, Лена.

– Что?

Вместо ответа он просто коснулся моих губ пальцами. Прикосновение обожгло и прошило насквозь, но я почему-то, вместо того чтобы отступить, застыла. Глядя на то, как он демонстрирует мне стертый с моих губ крем, а потом облизывает пальцы.

Где был в этот момент мой мозг?

Наши взгляды встретились, и в следующий момент он уже облизывал мои губы. Так откровенно и так чувственно, что у меня подогнулись ноги. Дыхание перехватило, а Люциан уже шагнул ко мне в комнату, толкнул дверь, закрывая ее. Удерживая меня, не позволяя отстраниться, не позволяя даже сделать вдох между этим бесконечным поцелуем. Зажигая внутри меня такие искры, которые грозили перерасти в пожар и спалить здесь все дотла.

Неправильно, неправильно, это было неправильно!

Я это знала, но это «неправильно» затягивало меня в эту безумную близость, как в переход между мирами. Я резко уперлась ладонями ему в грудь:

– Люциан! Мы же все решили! – выдохнула я.

Сердце колотилось, как сумасшедшее, и униматься не собиралось.

Да что со мной?! Сначала в том домике, на землях без магии, теперь здесь...

– Ты решила? Тогда почему ты реагируешь так? – Он провел ладонью по моему бедру, задирая подол платья. Легкая ткань даже особо не сопротивлялась, а вот я точно должна была! Несмотря на струящийся по телу жар.

– Хватит! – Я с силой толкнула его. – Хватит меня проверять на прочность! Или ты хочешь, чтобы я пошла к Вьерду и попросила отменить наши занятия по причине твоих домогательств?!

– Моих, – глаза его зло сверкнули, он подчеркнул это слово сжатыми на миг губами, – моих домогательств?! Спорим, если я

сейчас стяну с тебя трусики, они будут насквозь мокрые?

– Ну ты и хам!

– Может быть. Но мне надоело смотреть на то, как ты врешь себе, что это Ленор. Ленор, может, и заперта в твоей голове, но это ты отрываешься на меня, на мои прикосновения. На мои поцелуи. Может, тебе нравится думать иначе, но мне нет. Меня это все уже задолбало! Задолбало сопротивляться тому, что я чувствую, тому, что я постоянно думаю о тебе. И знаешь – будь это только с моей стороны, я бы оставил тебя в покое. Но ты так же думаешь обо мне, Лена. Ты точно так же от меня течешь.

Порыв вцепиться ему пощечину я остановила на подлете. Не хватало еще начать драться!

Булка в руке, кажется, превратилась в мякиш, и я швырнула ее в урну-переработчик. Которая с магическим чавканьем все втянула мгновенно.

– Твое самомнение безгранично, как просторы Даррании, – сложив руки на груди, пытаюсь унять это ненормальное сердцебиение и ненормальную реакцию на него, произнесла я. – Исправить это я не могу, могу только предложить следующий вариант: ты больше не пытаешься навязать это мне. Потому что, нравится тебе это или нет, я с Валентайном...

Его глаза сверкнули золотом, силой которого окатила даже меня.

– К драхам Валентайна! – выплюнул Люциан. Шагнув ко мне так, что я не успела даже отпрянуть. Схватил за плечи, больно впиваясь в них пальцами. И, так же больно, зло впиваясь губами в мои губы.

От этого напора повело снова, но я не собиралась больше этого позволять. Ни ему! Ни себе!

Цапнув его за губу, я снова с силой толкнула Драгона в сторону.

– Нет! – крикнула я. – Нет, нет, нет и еще раз нет! Это слово ты понимаешь? Или тебе плевать?! Возьмешь меня силой, как твой брат?

На миг показалось, что силой не возьмет, но ударит. По крайней мере, магически, чем-то вроде того золотого хлыста.

– Ну ты и тварь, Лена, – процедил он, облизывая прокушенную губу. – Но знаешь что? Мне даже на это плевать. Мне уже плевать даже на то, что тебя трахает он. Но в то, что плевать тебе, я не верю. Ты можешь сколько угодно лгать, притворяться, что у вас все хорошо. Но ты никогда не простишь того, что он трахал Ленор!

В меня словно кипятком плеснули. Но даже не это его «тварь», безумно напомнившее мне о тех днях, когда мы с Драгоном были врагами, обожгло, кислотой растекаясь по венам.

«Ты никогда не простишь того, что он трахал Ленор».

– Что за бред ты несешь?! – прошептала я, еле сдерживаясь. От ярости, ото всех хлынувших в меня чувств.

– Бред – это то, что несешь ты. – Его слова врезались в меня колким острым стеклом. – Когда говоришь про чувства Ленор ко мне и про ее реакцию тела...

– Я про то, что Валентайн трахал Ленор! Ты совсем ополоумел?! Настолько ополоумел, что готов нести всякую хрень?

– Ты о чем? – прищурился Драгон.

– О том! О том, что ты только что сказал.

– Я сказал правду!

– Какую правду?! – крикнула я. – Какую правду? Валентайн ненавидит Ленор! Он даже хотел от нее избавиться, я его остановила...

Я прикусила губу, понимая, что на чувствах могу наболтать много всего лишнего, но эти чувства не отпускали. Больше того, их с каждой минутой становилось невыносимо много, они прибывали как вода в пещере во время прилива, грозя отрезать мне воздух, я чувствовала себя так, будто захлебываюсь.

– Что ты имел в виду?!

– погоди, – Люциан нахмурился. – Ты что, не помнишь? Что происходит?

Что происходит?! Что происходит! Да это мне надо задавать этот вопрос. У меня неожиданно закружилась, дико заболела голова. Я пошатнулась, но все же рванулась из его рук, когда он попытался меня подхватить.

– Лена, – глядя мне в глаза, произнес он, – Валентайн изменял тебе с Ленор. Они спали два месяца, когда она перехватила власть над твоим телом. Ты сама рассказала об этом. Он не понял, что это была не ты...

– Замолчи! – никогда не думала, что в моих легких может быть столько воздуха, а во мне столько крика. Столько боли.

Откуда она?

– Я не знаю, как ты об этом могла забыть, – процедил он, шагая ко мне, – но это точно было. Ты рассказала об этом мне и Софии. Соне, в

смысле.

У меня потемнело перед глазами. Мой мир просто рушился, собирался на части и рушился снова. Я не хотела верить в то, что происходящее со мной реально, но оно было реально. Оно закручивалось в вихри внутри меня, и я дрожащей рукой дотянулась до виритты, набирая Соню.

– Соф... Соня, – дрожащим голосом пробормотала я. – Сонь. Это правда, что Валентайн спал Ленор? Что она украла два месяца моей жизни?

Подруга изумленно моргнула:

– Что?

– Люциан сказал, что Валентайн спал с Ленор. Что меня не было два месяца, ты же наверняка должна о таком знать. Тебе бы я рассказала...

– Разумеется, рассказала бы. Но ты не рассказывала, – Соня выглядела раздраженной. – Что за бред?!

– Да вы обе с ума посходили, что ли?! – вклинился Люциан.

Подруга метнула на него раздраженный взгляд:

– Знаешь, если твой тупой подкат не прокатил, необязательно пытаться очернять другого мужчину. Который, в отличие от тебя, знает, что такое забота и любовь.

Она отключилась раньше, чем я успела попрощаться. В глазах Люциана горела магия, так горела, что дышать было нечем, но мне и без нее было нечем дышать. Я втягивала воздух судорожно, пытаюсь им надышаться, и не могла.

– Кажется, я понял, – прищурился он. – Лена. Послушай меня. Валентайн, скорее всего, использовал какое-то заклинание, чтобы заставить тебя забыть. Чтобы заставить забыть вас...

– Конечно! Всенепременно! Именно это он и сделал!

– Лена...

Под моим взглядом он осекся, и тогда я заговорила. Чудом не глотая дрожащие на губах слова:

– Тебе что, так приятно делать мне больно? Не можешь добраться до меня, поймаешь, так обязательно нужно поймаешь словами? – я сама не понимала, почему меня так трясет. Из глаз чуть было не брызнули слезы, я сдержала их лишь усилием воли. Сжала кулаки. – Пошел нахрен, Драгон. Убирайся из этой комнаты! Убирайся из моей жизни!

Он открыл рот, словно собираясь что-то сказать. Закрыл. На скулах заиграли желваки. Люциан дышал так рвано, словно пробежал марафон, к которому не готовился, и теперь внутри него кипятился воздух. Ноздри раскрывались и втягивались, как у хищного зверя. Мгновение – и он вышел из моей комнаты, громыхнув дверью с такой силой, что захрустел несчастный косяк.

Я же уселась на кровать и разревелась. Меня колотило, как от выброса темной магии, поэтому я ничуть не удивилась тому, что пространство в комнате раскрылось в одно мгновение, и ко мне шагнул Валентайн.

– Лена! Лена, что случилось?

Я бы и хотела сказать, что, но не могла. Бред какой-то! Люциан просто сказал какую-то хрень, а я из-за нее разревелась. Как дура! Полная дура. Он готов говорить всякое дерьмо про Валентайна, про нас, просто потому что не может меня получить. Просто потому, что его бесит, что понравившаяся игрушка ему не принадлежит! Но почему это так больно? Почему внутри взрываются бомбы, и меня ломает и рвет на части?

Даже несмотря на то, что Валентайн прижимает меня к себе, и я слышу стук его сердца.

– В-валентайн, – всхлипнула я. – Валентайн?

– Что? Что, девочка моя?

От этого «девочка моя» внутри взорвалась очередная бомба. Я сдавленно вдохнула, выдохнула и прошептала:

– Скажи, у вас с Ленор что-то было? Ты что-то сделал с моей памятью?

Глава 10

Валентайн изменился в лице. Хотя точнее будет сказать, он изменился. В одно мгновение: черты лица стали драконьими, по скулам скользнуло серебро чешуи. В одно мгновение от него повеяло знакомым холодом темной магии, но этот холод больше не мог меня напугать. Сейчас мне жизненно важно было услышать его ответ.

Ответ, от которого, кажется, сейчас зависела моя жизнь.

– Это Ленор тебе сказала? – резко поинтересовался он. – Эту чушь.

Я открыла рот, чтобы возразить, но...

– Да. – Это был мой голос и мой рот, но говорила не я. – Это Ленор.

Сказать, что я охренела – значит, ничего не сказать. Как ей это удалось?! Вот так легко?!

– Ты что, не понимаешь, зачем она это делает? – Ноздри Валентайна хищно шевельнулись. – Сначала ей надо вбить между нами клин, а потом свернуть тебя к Драгону. Точнее, себя. Подтачивая твою уверенность в наших чувствах, в нас, она надеется на то, что ты сдашься. Откажешься от борьбы за свое тело. За свою жизнь.

– Понимаю, – очень натурально всхлипнула Ленор. – Понимаю, просто...

– Лена, однажды мы договорились доверять друг другу. Неужели ты думаешь, что я мог так с тобой поступить? – Валентайн смотрел на меня в упор. Смотрел жестко, глаза в глаза.

– Нет, – прошептала она, вытирая слезы тыльной стороной запястий. Снова всхлипнула. – Нет, конечно же нет. Прости, я такая дура...

– Дура – это она, – процедил Валентайн. – Если считает, что я это просто так оставлю.

Ленор неожиданно замолчала, а я поняла, что у меня опять шевелятся пальцы. В смысле, они шевелятся тогда, когда этого хочу я. Он по-прежнему прижимал меня к себе и гладил по волосам, хотя правильнее будет сказать – запустил ладонь в мои волосы и перебирал их.

– Ты – моя жизнь, Лена, – произнес он. – Мое дыхание. Ты мой мир. Мой свет. Я никому не позволю причинить тебе вред.

То ли благодаря Ленор, то ли благодаря знакомым, властно-успокаивающим прикосновениям слезы больше не лились. Пора переставать рыдать, включать мозг и жить дальше. Люциан это сделал, чтобы причинить мне боль. Ну что же, у него получилось. Сама не знаю, почему – ведь я прекрасно знаю, кто такой Драгон и каким он умеет быть. Он из тех, чьи игрушки, если не падают в его руки, рискуют оказаться с вывернутой рукой или ногой. Или с оторванной головой. Образность образностью, конечно, но с этим пора заканчивать.

Мне в самом деле надо порвать с ним все отношения.

Все!

«Он не понял, что это была не ты...» – от холода, прокатившегося по телу, я замерла. Просто потому, что сейчас Валентайн тоже не почувствовал «смену ролей». Но две реплики – это не два месяца! Такого просто не может быть! Что я вообще за женщина, если буду сомневаться в своем мужчине, да еще и верить такому?!

«Спроси у моего сына, что он от тебя скрывает», – прозвучали в голове слова Адергайна.

Да, Лена, молодец! Давай верить всем, кроме того, кто делает для тебя все. Особенно Адергайну! Который вообще мастер интриг, и только и ждет, чтобы я слетела с катушек и перешла на «темную сторону силы». За печеньками. Или за чем еще.

– Валентайн, – я глубоко вздохнула. – Это все очень, очень изматывает. Прости, что вообще заикнулась о таком. Я, наверное, перенервничала из-за твоего отца. Из-за всего происходящего...

Его губы накрыли мои, прерывая.

– Лена, давай просто оставим это в прошлом. Я не хочу больше говорить о Ленор, не хочу даже имя ее слышать. Эта девчонка просто не ценит всего того, что мы для нее делаем.

Образно говоря, это было не совсем верно. Вдобавок, Ленор вообще меня тормознула в моем состоянии аффекта. Когда я чуть не ляпнула про Люциана. Даже думать не хочу, как Валентайн мог на такое отреагировать. Люциан, конечно, говнюк, но сравнить их я хотела в последнюю очередь.

Нет уж. Пусть все остается как есть.

– Как ты смотришь на то, чтобы поужинать дома? – спросил Валентайн. – Только ты и я.

Я вскинула на него взгляд.

– Положительно, но нам запретили ходить порталами, и...

– Я – заместитель ректора. Думаешь, тебе запрещено ходить порталами вместе со мной?

Что скрывать, мне правда хотелось отсюда уйти. Очень-очень хотелось. Забыть все это, спрятать в самые дальние уголки памяти, перелистнуть страницу и больше никогда на нее не заглядывать. День, когда мы начинаем сомневаться в самых близких, может стать началом конца. Конец доверия, конца отношений, конца чувств. Конец всему хорошему, и я чуть было не наступила в этот открытый люк. Не только в него провалилась, но и уже почти получила по голове крышкой.

– Спасибо, что пришел, – тихо сказала я. – Спасибо, что не обиделся. Для меня это очень важно.

Валентайн поднялся и протянул мне руку.

– Пойдем, Лена.

– Да. Пойдем. – Я поднялась следом и вложила пальцы в его ладонь.

Пусть Адергайн и все, кому неймется, идут лесом. А я буду его любить. Просто любить. Потому что любовь – это то, что способно разрушить любую, даже самую сильную тьму.

Валентайн Альгор

На ночь Лена заплетала волосы. Раньше он никогда не задумывался о том, как это красиво. Но в случае с ней всегда все было красиво. Эта красота рождалась где-то внутри нее, превращая невзрачную серую девицу Ленор Ларо в самую желанную женщину в мире. К сожалению, не только для него.

Если бы можно было просто взять и выжечь им всем глаза, чтобы не смели на нее пялиться, не смели даже взглянуть... Отец так и делал, если ему не нравилось, когда кто-то смотрел на его игрушки так, как смотрят на нее. Но для него Лена никогда не была игрушкой, и он обещал себе не становиться таким, как Адергайн. Вот только какой он?

Сейчас Валентайн уже думал об этом совершенно иначе. Он ненавидел отца из-за матери. Ненавидел из-за его методов воспитания. Но не признать того, что его жизнь гораздо более свободная и яростная, чем жизнь любого в забитой под завязку ограничениями и правилами Даррании, не мог. Даже Ферган узник собственного величия, за которое держится и над которым трясется. Отец же, сколько Валентайн себя помнил, всегда принимал свое происхождение и свою власть как должное. Чувство было такое, что Адергайн родился с глубоким принятием собственной силы и статуса. Они для него были, как для остальных воздух: просто есть – и вдыхай. И это видели. Поэтому подчинялись беспрекословно, поэтому покорялись. Поэтому за ним шли.

Быть человеком оказалось отнюдь не так интересно, как Валентайну когда-то казалось. И уж совершенно точно в разы сложнее, потому что мораль давила похлеще рабского ошейника.

Он ни на мгновение не пожалел о том, что сделал: он обещал заботиться о Лене, и он заботится. Если не получилось исправить все

так, получилось иначе. Она больше не испытывала боли. Больше не страдала из-за его ошибки, и это было правильно. Сегодня, когда Валентайн вновь уловил ее чувства, когда его ударило, прошило этой болью насквозь, он едва сдержался.

Сдержался лишь потому, что понимал: прямым конфликтом с Драгоном ничего не решить. Лена ничего не заметила, но она и не должна была. А вот он заметил. Почувствовал, еще когда рвался в земли, лишённые магии. Даже до того, как увидел их. До того, как она бросилась за ним, лишившись возможности сразу уйти в портал. Еще она пахла Драгоном. Его прикосновениями. Его... поцелуями?

То, что этот мальчишка до сих пор жив – целиком и полностью заслуга Лены. Потому что ей нравилось в Даррании. Ей нравилось учиться. Еще здесь была ее Соня, Лозантир бы ее подрал. Совершенно бесполезное унылое существо, погрязшее в собственных страданиях, как в черном болоте. Как бы там ни было, она была одной из причин. Одной из важнейших причин, почему Лена хочет остаться здесь.

А Драгон-младший знал о ней гораздо больше, чем должен был.

После той совместной прогулки, на многое открывшей Валентайну глаза, во время разговора с Люцианом он нарочно назвал ее Леной. А тот совершенно не удивился, и, больше того, назвал ее в точности так же. Сегодня он уловил и «переключение» Ленор, и то, что Лена ничего ему об этом не сказала. Значит, Драгон знал не только о том, кто она такая. Но и о том, что произошло, о его ошибке. Это он ей сказал, не Ленор.

А она рассказала ему! Поделилась, драх бы ее подрал, с этим золотым мальчишкой.

– Валентайн, тебе моя прическа не нравится? – Голос Лены выдернул из собственных размышлений, и он осознал, что уже давно смотрит не на нее, а в калейдоскоп собственных мыслей.

– С чего ты взяла? – Валентайн поднялся, приблизился, положил ей руки на плечи.

– Просто ты сейчас смотрел так, будто хотел оторвать мне косу или задушить ей.

– Я думал про Адергайна.

– Это обнадеживает, но в любом случае, души его лучше чем-нибудь другим.

Он слегка сдавил ее плечи, наклонился, почти касаясь губами шеи.

– Пусть тема отца тебя больше не тревожит.

– Это достаточно сложно, учитывая, что ему нужна я...

– Я этим займусь. Переговорами. Всем остальным. Просто знай, что он больше никогда к тебе не приблизится.

– Да он и не собирался. Просто сказал, что я сама к нему приду. Это, знаешь ли, настораживает.

– А ты собираешься? – Валентайн не удержался и все-таки скользнул губами по ее коже. Днем она снова пахла Драгоном. Снова! И все инстинкты кричали о том, что это нужно исправить, чем он и занимался. Сейчас она пахла только им, и так будет всегда. Если Драгон попытается присвоить ее, он очень сильно об этом пожалеет. Очень сильно. Не спасет даже хваленое происхождение и венценосный папаша.

– К-куда? – Ее дыхание участилось, щеки порозовели.

Да, что ни говори, а спасение Люциана Драгона пока исключительно в Лене. Она не лгала телом, и она хотела его. Валентайна.

– К отцу.

– Нет, что за глупости! Я...

– Тогда тебе больше не о чем беспокоиться.

Он скользнул ладонями по ее плечам сначала ниже. Потом наверх. Подчеркнул пальцами острые ключицы и накрыл ладонями грудь.

– В-валентайн... – Лена вздрогнула всем телом. – Ты меня вообще из постели не выпускаешь!

– Ты против?

– Н-нет, но...

– Просто наслаждайся, – Валентайн резко вздернул ее на ноги, развязывая завязки пеньюара. Пока что не распуская их, продолжая ласкать ее грудь прямо перед зеркалом. Лена на мгновение зажмурилась, а потом выдала:

– Это все... а-а-ах... чудесно, но я не могу даже тебя попросить...

– Ты можешь попросить меня о чем угодно прямо сейчас, – одной рукой он сдавил ее грудь, вытягивая чувствительную вершинку, второй скользнул между ее ног, вызывая у Лены протяжный стон. Вдавил

палец в самую чувствительную точку, не без удовольствия отмечая, как она выгибается.

– Я... я хотела...

– Да?

Теперь уже он скользил пальцами между чувствительных складочек, едва касаясь входа, но не проникая внутрь.

– Я бы хотела почитать твои исследования... по... по темной магии... А-а-ах! – она вскрикнула, когда Валентайн все-таки протолкнул пальцы в нее. – Мне... мне интересно, я...

Вот такой Лена ему нравилась. С покрасневшими щеками, сбивающимся дыханием. Плавающей под его ласками.

– И еще я хочу... Валентайн! – Она вырвалась из его рук, закусил губу, отступила. – Хочу, чтобы мы с тобой разговаривали. Не только о магии и об Адергайне, но просто... о мире. О жизни. О нас. Для меня это очень важно. Я, может быть, и темная часть, но я человек, и мне хочется простых человеческих отношений. А это не только зажигательный секс, но еще и...

Он шагнул к ней вплотную, Лена невольно попятилась и врезалась в туалетный столик.

– Первое: можешь читать все, что хочешь. Брать любые книги в моей библиотеке, любые записи. Я покажу тебе все, что тебе интересно. – Валентайн отвел прядку с ее лица, касаясь губами губ. – И второе. Говорить будем о чем угодно, но вот отказаться от твоей сладости даже не проси.

Не дожидаясь ответа, он подхватил ее на руки и понес на кровать.

Хочет Лена человеческих отношений – будут человеческие. Для нее он сделает все. А с Драгоном их все-таки ждет разговор, и только благодаря тому, что тот предупредил его о планах Фергана, он не станет для этого мальчишки последним.

Глава 11

Люциан Драгон

– Что отец хочет сделать?

Встретиться с Сезаром удалось ближе к ночи, но это было единственное, до чего он додумался. По крайней мере, пока. Чтобы не наделать дел на горячую голову, и так уже с Леной в очередной раз договорились. Сколько раз он обещал себе вести себя рядом с ней иначе – и столько же раз проигрывал. Самому себе. Рядом с ней

почему-то не получалось быть спокойным от слова совсем, а ее слова ранили больше чем что бы то ни было. Поэтому когда она сказала про Сезара, он тоже не выдержал. Сорвался. Ну а теперь... теперь вообще непонятно, что будет. Она его видеть не хочет. Опять.

Впрочем, мысли о Лене и о том, что сделал Валентайн ненадолго отошли в сторону, когда Сезар повторил:

– Отец хочет, чтобы я руководил гарнизоном. Чтобы возглавил приграничные войска. Все, по всей линии. И он, в общем-то, прав. Никто кроме меня не почувствует тьму, ее приближение, быстрее...

– Сезар! – Люциан перебил его, совершенно не церемонясь. – Ты себя послушай. У тебя жена беременна. Отец что, об этом забыл? И ты вместе с ним?

– Софии вовсе не обязательно со мной ехать. Это первое. А второе – я не позволю повториться тому, что там произошло.

Хотел бы Люциан быть в этом уверенным. Потому что сам сотни раз думал о том, что мог бы все изменить, а в итоге... В итоге недавно он был свидетелем того, как тело Этана забирали его родители. Его Аринка тоже приехала. Она стояла в стороне, белая, как мел, с расширенными глазами. Словно не веря в то, что произошло. Люциан и пришел-то сюда из-за нее, потому что обещал другу сказать ей, что тот ее любил. Как он ее любил. Но почему-то ни слова не смог выдать. Скупой принес соболезнования и ушел.

– Тебе виднее, конечно, – получилось довольно жестко, – но если с тобой что-то случится, София останется одна.

– Не останется. У нее будешь ты.

– Миленько.

– Тебя она рада видеть гораздо больше, чем меня.

Да уж. С личной жизнью что у него, что у брата, какая-то драконья задница. Правда, впору задуматься о каком-то проклятии, если бы Люциан в это верил. Хотя они оба знатно накосячили с любимыми женщинами, это же не значит, что ничего исправить уже нельзя. Или значит?

– Меня она тоже не рада видеть, – «успокоил» он Сезара. – С тех самых пор, как я тебя позвал ее забрать. Считает, что у меня слишком длинный язык, и это было единственное, что я от нее услышал. Больше мы с ней не общались.

– Еще у нее есть Ленор. С ней она общается очень хорошо. Сдается мне, была бы возможность, вообще бы ее не отпустила.

Ленор – Лена, София – Соня. Угораздило же их втрескаться в двух иномирнянок. Сезару вообще «весело», он до сих пор об этом не знает. Между ним и женой доверия вообще ноль. Главное, чтобы у него с Леной теперь так не стало.

– Сезар, тебе известно какое-то темное заклинание, способное затереть часть памяти? Удалить какое-то воспоминание? И если известно, обратимо ли оно?

Сезар, до этого смотревший в потемневшее окно, в сад, сейчас приподнял брови. Потрескивал камин, сегодня был первый по-настоящему холодный осенний вечер и впереди ждала такая же ночь. Драконам, разумеется, не особо нужно пламя, а вот Соне-Софии оно было нужно. О том, что камин разожгли для нее, свидетельствовала брошенная на пустом кресле шаль и книги. Видимо, она здесь готовилась к завтрашним занятиям.

– Нет. А что?

– Валентайн затер Ленор часть памяти. Я хочу понять, как, и что с этим можно сделать.

Сезар нахмурился:

– Ты это как понял?

– Да очень просто. Она поделилась со мной очень важной, болезненной тайной по поводу их отношений. Теперь Ленор говорит, что ничего такого не было.

– Может быть, это просто непонимание? Сначала она ошиблась, а теперь считает иначе?

– Да нет, там... Словом, Сезар, просто поверь. Так ты знаешь об этом что-нибудь?

– Нет, такого заклинания я совершенно точно не знаю, – брат пожал плечами. – Но даже если это правда, Люциан, не лезь.

– Ты сейчас серьезно?

– Серьезнее некуда. – Сезар поднялся, подошел к камину, облокотился о полку. – Они пара. Сами разберутся.

– Как можно разобраться с тем, что тобой манипулируют? Играют! Стирают твои воспоминания...

– Легко. Если есть желание. Если желания нет – то тут никто не поможет. Еще и крайним останешься. Это первое, – Сезар постучал

пальцами по мрамору. – И второе. Альгор назвал ее своей, а ты слишком вцепился в эту девчонку. Я не хочу вас разнимать, поверь. Не считая того, что просто не смогу этого сделать, когда буду в гарнизоне.

Кажется, этот мир окончательно сошел с ума.

– Я пришел к тебе за помощью, – Люциан поднялся с дивана и шагнул к нему, – но теперь вижу, что тебе плевать. У тебя своих проблем выше облаков, но даже их ты решать не хочешь. Гораздо удобнее слиться в гарнизон...

– Что сделать?

– Уйти! Спрятаться. – Он сунул руки в карманы. – Чем разобраться с тем, что ты натворил.

– У тебя это, как я вижу, отлично получается, – прорычал Сезар.

– Да уж лучше тебя!

Люциан открыл портал и шагнул в него, задернув ткань пространства так резко, что за спиной заискрило, а отдача несвоевременно оборванного заклинания ужалила пальцы. Разговор с братом, по идее, должен был успокоить, но только завел еще больше.

Люциан рухнул на кровать в своей комнате, не раздеваясь. Надо было заглянуть к Нэв, но сил сегодня уже не осталось. Тем более что последняя их встреча была наполнена неловким молчанием и, хотя сестренка пыталась его разговорить, мыслями он все равно оставался в гарнизоне.

К драхам! К драхам это все. Почему он не может просто забыть эту Лену?! Просто выкинуть ее из головы, увлечься другой девчонкой! Та же Амира, например, приятная, умненькая, не назойливая и не считающая, что ей все все должны, не охотница за статусами и привилегиями, но нет. Все другие просто меркнут, просто стираются, и даже на самых шикарных девушек он смотрит исключительно как на подружек.

Никогда же раньше такого не было! Хоть иди и Аникатию трахай, честное слово. Чтобы доказать себе, что все с ним нормально. Хотя нет, в том, чтобы Аникатию трахать нет ничего нормального. Может, действительно начать с Амирой встречаться?

Внимание дернуло какое-то движение у окна, и Люциан вскинул голову. Подскочил. На миг показалось, что он сходит с ума: подсвечивая темную стену неестественно-холодным серебристо-белым светом, там стоял Этан. Вдох – и видение исчезло, растаяло. Оставив

его сидеть на кровати в собственной спальне. Где вдруг стало невыносимо холодно.

Лена

Может, я не о том думаю, но о другом мне не хочется думать. Мне хочется просто жить, готовиться к занятиям, встречаться с подругой, гулять по осеннему городу, наслаждаться каждым днем наших с Валентайном отношений.

К счастью, хотя бы кровавые сны с участием Люциана прекратились, и я могу спать спокойно. Днем у меня занятия в Академии, и я даже счастлива. По моей просьбе магистр Вьерд, он же Доброе утро, передал мою языковую практику Софии Драконовой. А с Соней у нас наконец-то более-менее наладилось, и это уже стало похоже на те отношения, которые были у нас до всех приключений в Даррании. Честно, я раньше даже не задумывалась, насколько классной и спокойной была моя жизнь в родном Петербурге. Насколько классно просто учиться, просто дружить. Просто переживать из-за идиота Земскова и не думать о том, что от тебя зависят судьбы Вселенной, читай, что ты зачем-то сдалась мировому злу.

Мы снова собираемся вместе в столовой: Ярд, Соня и я, к нам прибилась еще несколько девушек из ее бывшей компании. Но они ведут себя на редкость приятно, даже извинились передо мной, и на Лузанскую теперь вообще не смотрят. Правда, с ними мы все равно общаемся меньше, самый близкий круг для меня остается прежним. Соня, Ярд, Валентайн и Макс. Хотя Валентайн вообще в эту компанию не вписывается и редко появляется, когда мы собираемся вчетвером. Или впятером: Алина решила, что дуться на Макса ей невыгодно, и снова одаривает его высочайшим вниманием.

Тем не менее про нашу с Соней тайну никто больше не знает, и это сблизжает нас заново. Мне кажется, что прошлое отодвигается и становится далеким, как никогда: особенно когда мы собираемся вместе и обсуждаем то, что мне удалось узнать. Ну точнее как, я не особо распространяюсь именно о темной магии, но рассказываю, что мы приблизились к нашей цели. Тем более что мы к ней и правда приблизились.

Тот ритуал, который проводил Валентайн, чтобы показать мне мой мир, достаточно сложный. Он требует подключения к Заграницю и

разрыву межмировой ткани на первом уровне. Что такое первый уровень – это когда ты все видишь, наблюдаешь, но поговорить не можешь. Есть еще второй, но о нем у Валентайна нет записей, он как раз про межмировое общение. Это его теория, о которой он мне рассказал, когда я все читала. Потому что между высшей ступенью, разрывом, через который Адергайн вытянул меня в Дарранию, и первой – той, что изучаю я, явно есть что-то промежуточное. Но Валентайн и первое-то вывел сам, на основе имеющихся знаний и опыта изучения темной магии. Когда я об этом узнала, была в шоке:

– То есть ты с нуля создал целый магический ритуал?

– Подозреваю, что повторил уже существующий. Просто я о нем не успел узнать, сама понимаешь, по какой причине.

– Но ты же сделал это сам! Без знаний отца и ваших накопленных веками и тысячелетиями материалов. Ты не думал о том, чтобы стать ученым?

– А ты хотела бы видеть меня ученым?

– Да нет, просто предположила... Макс грезит артефактами, а ты решаешь проблемы межмирового взаимодействия. Что, если ты способен вообще наладить постоянную связь между двумя мирами?

– Вот это вряд ли, – Валентайн рассмеялся. – Потому что даже то, что я проводил, требует последующего восстановления. Чтобы наладить, выражаясь твоими словами, межмировую связь, нужен маг с неиссякаемым магическим ресурсом. Которому не придется восстанавливаться, не придется переживать за свое тело – от такого оно, скорее всего, после первого же сеанса разрушится.

– То есть это невозможно?

– Если ты не знаешь мага с неиссякаемым, бесконечно пополняющимся в мгновение потенциалом, то нет. Невозможно. На такое не способен даже мой отец, даже если он будет стоять по шею в море Усопших, а на берегу будет толпа людей, которых Адергайн будет пить без остановки.

– Пить?

– Да, забирать их жизненную силу для восстановления. Высушивать.

– Кошмар какой. – Я на мгновение замолчала, а после снова поинтересовалась: – Но такой маг может существовать? Чисто теоретически?

– Чисто теоретически, им бы мог быть Сезар.

– Это как?! – я вскинула брови.

– В свое время, когда я только начинал с ним работать, я задумался о том, что темная и светлая магия, активированные одновременно, способны преобразоваться в нечто... я до сих пор пытаюсь это сформулировать... новое и бесконечное, я полагаю. А тело дракона, если он совершит оборот, способно такую мощь выдержать и сохранить. Магия его не разрушит, и, когда процесс слияния полностью успокоится, возможно, мы получим...

– Дракони́й вечный двигатель. Или дракони́й адронный колла́йдер.

– Что?

– Это такие супер-механизмы из нашего мира. Ну то есть, первый – это на грани фантастики, а вот второй – уже вполне успешно запущен. Бесконечная энергия. Бесконечный неиссякаемый ресурс, который бесконечно самообновляется и восполняется в секунды. Ладно, это все очень приблизительно, но я твою теорию поняла.

– Но Сезар при этом уже перестанет быть Сезаром. Как и в случае с разделением. Такая мощь для разума дракона слишком велика.

– Он сойдет с ума?

– Нет, просто его разум перейдет в иное состояние. Какое – мне сложно сказать, ближе к божественному.

В общем, мы действительно стали больше разговаривать. Обо всем. Мне нравились наши вечера, когда мы просто гуляли по городу, сейчас притихшему. Нравилось изучать глубины того, чем меня наградила природа, и нравилось, как он это объясняет. Нравилось даже практиковаться в элементарных вещах. Единственное, что омрачало относительно спокойную жизнь – так это предстоящий визит Валентайна в Мертвые земли.

Потому что именно ему предстояло договариваться с отцом о переговорах.

Глава 12

Сегодня у меня не клеится все, и все валится из рук, хотя после занятий с Соней я начала делать успехи в драконьем. На самом деле мне, кажется, раньше просто не хватало стимула. Потому что магистр Доброе утро сказал так:

– У вас есть четыре занятия, адептка Ларо, чтобы показать мне прогресс. В противном случае верну вас к Драгону. И никакие ваши просьбы на мое решение уже не повлияют.

В общем, пока мне вернуться к Драгону не грозило. Надо мной даже Эстре смилостивилась и разрешила чистить клетки по расписанию. То есть день я, день он. В итоге, конечно, само наказание растягивалось на достаточно долгий срок, но так всяко лучше. Я Люциана сейчас обходила десятой дорогой, и Соня мое решение поддержала:

– Он вообще берегов не видит, Лен, – сказала она. – И ему пофиг, что он лезет в ваши отношения и может все разрушить. Не то чтобы я сильно любила твоего Валентайна, но ни один нормальный мужик такого не потерпит.

Я с ней была согласна, поэтому и сделала то, что сделала. В самом деле свела наше общение к нулю. Мне кажется, мы даже здороваться перестали, если встречались случайно – в столовой или где-то еще. Проходили мимо друг друга, как незнакомые. Я снова начала его видеть с той рыженькой, и по этому поводу очень сильно бесилась Ленор.

– Ты хоть понимаешь, что он начнет встречаться с другой? – капала она мне на мозги.

– Надеюсь, что начнет, – огрызалась я. – И отвалит от меня наконец!

– Дура!

– От дуры слышу!

Словом, наши с ней беседы конструктивом не отличались. Наверное, такое в принципе бывает между сестрами. Как иначе нас назвать, я не представляла. Ментальные сиамские близнецы, вот что это такое.

– Лен? Ты где? – окликнула меня Соня, и я вернулась в реальность. Обнаружив, что сижу над записями, где ничего нового не появилось. – Писала-писала, а потом вдруг...

Мы сидели у нее дома в гостиной. Точнее, в их с Сезаром доме. Уютно потрескивал камин, а льющий за окном дождь казался каким-то нереальным, как будто его выдернули из фильма и вклеили в нашу картину мира. Потому что здесь было очень тепло и уютно, дымился ранх, умопомрачительное пахло сдобой, которую специально для Сони

всегда пекли к вечеру. У нее и у будущего принца или принцессы по утрам совсем не было аппетита, в обед они могли что-то перекусить, а ближе к вечеру начинали есть, как не в себя. Преимущественно налегали на сладкое. Фрукты не любили, местную рыбу тоже. А вот сыры и мясо – еще как!

– Задумалась, – ответила я.

– Переживаешь из-за Валентайна?

– Что, если Адергайн это сделал специально? Чтобы его заманить?

Соня пожала плечами.

– Ты считаешь, что ему нужно что-то от Валентайна?

– Ему определенно нужно что-то от Валентайна. Он даже меня ему подсунул.

– Слушай, ну заморочками ты делу точно не поможешь, – Соня указала на мои записи. – Может, лучше просто заняться делом? Я так всегда переключаюсь, когда мне хочется отвлечься.

В чем-то она, конечно, была права. Но я не представляла, как эта встреча пройдет. Их первая встреча после побега. Конечно, Валентайну я все это не говорила, уверена, он без меня знает отца гораздо лучше и знает, чего от него ожидать. Больше того, его сила продолжала расти, и вряд ли в этом мире есть кто-то, кто может совладать с Адергайном лучше, чем он. Возвращения Валентайна, кстати, ждала не только я. Каким-то образом информация о переговорах просочилась раньше времени в народ, и вся Даррания с замиранием сердца ждала сегодня его возвращения.

Я впервые за долгое время не слышала ехидства в его адрес, даже среди адептов звучало:

– Альгор все решит.

Вся ненависть к нему поутихла, и меня это радовало. На него смотрели, как на спасителя, были, правда и те, кто до сих пор придерживался мнения, что «темным место в Мертвых землях», но в большинстве своем на него надеялись. Ферган даже выступил на Алой площади с заявлением, что все под контролем, и что он держит ситуацию в своих руках.

Ну а я... я просто ждала. По совету Сони углубилась в воспроизведение ритуала. Проверку расчетов и схем. Дома я этим не могла заниматься по понятной причине, а здесь, где мы якобы вместе

учили уроки (хотя и это тоже делали) – пожалуйста. Получалось по чуть-чуть, но получалось же. И когда у меня все сходилось, меня прямо гордость брала. Я учусь управлять самой опасной магией в мире! Не просто учусь, я даже проведу ритуал. Сильнейший, один из.

Не будь Сони, конечно, я бы не стала этого делать, сейчас же уже начинала думать: а почему? Ведь темную магию тоже можно использовать во благо. Какая разница, какой полюс у твоей силы, главное – что у тебя внутри. Для чего ты это делаешь.

Во благо. Или во вред.

Светлой, например, тоже убить можно. Не будем вспоминать Люциана с золотым хлыстом.

Я пинком выпихнула Драгона из головы и вернулась к записям, Соня в это время делала задания по теоретической магии и магической зоологии. Я как раз заканчивала сведение контуров на закрытие смотрового портала между мирами, когда в гостиную вошел Сезар. Подруга недовольно вскинула голову:

– Мы занимаемся, – сказала холодно.

– Вы, может быть, и занимаетесь, но за окном уже стемнело. Никто из вас этого не заметил, – произнес он.

Правда: новые артефакты реагировали на темное и светлое время суток и включали лампы, подстраивая их под естественное освещение за окном. Можно было, конечно, зажигать и самому, по старинке, но сейчас по комнате уже лился приятный теплый свет. Я подозреваю, что мы не заметили этого из-за дождя, потому что тучи были густые, и свет включился давно.

– Намек поняла, – сказала, складывая бумаги. – Сейчас пойду.

– С чего бы это? – резко возразила Соня. – Сейчас опасно ходить порталами, даже ректор это говорит. А Валентайн еще не вернулся. Может быть, переговоры затянутся, и он вернется поздно ночью. Если хочешь, оставайся у нас ночевать.

Сезар развернулся и вышел, не сказав больше ни слова. Я же покосилась на нее, не представляя, что вообще говорить в такой ситуации. Чужие отношения, по идее, меня не касаются. Даже если это отношения лучшей подруги.

– Я подожду Валентайна дома, – сказала, складывая вещи в сумку. – Во сколько бы он ни пришел, мне будет комфортнее встретить его там и сразу обо всем поговорить.

Соня скривилась.

– Ну конечно, – хмыкнула она.

– Что – конечно?

– Конечно лучше его ждать дома, чем провести время с лучшей подругой.

Я вскинула брови. Если еще некоторое время назад этот упрек был бы в тему, то сейчас прозвучало как шутка или издевка. Потому что больше времени, чем с ней, я только с собой проводила. Или с Ленор. Мы с Соней учились вместе. Мы занимались вместе. Готовились к урокам, готовились к ритуалу, вместе сидели в столовой, вместе тренировались на физподготовке.

– Сонь, что это было?

– Ничего, – буркнула она. – Иди уже. Куда собиралась.

Я вздохнула. Конечно, проще всего было уйти, но я не могла. Поэтому отложила сумку, под села к ней поближе, на подлокотник ее кресла, и спросила:

– А если серьезно?

– А если серьезно, я не хочу с ним быть. Видеть его не могу! – выкрикнула она. В ее словах, в ее голосе тьмы было побольше, чем в Адергайне. Ну или мне просто так показалось, но резануло отлично.

– Тебе не приходило в голову попросить его тебя отпустить? Если все так? – я пожалала плечами. – Не думаю, что Сезар ничего не видит. Напротив.

– Ага. Отпустит он меня. Особенно сейчас. Когда я беременна.

– Ты не можешь этого знать, пока не спросишь. Ладно, про развод мы не говорим, но есть супруги, которые живут отдельно. Не думаю, что ему приятно чувствовать твое отношение, знать, что ты с ним против своей воли.

У меня все еще не укладывалось в голове, что Соня сделала это ради меня. Если бы я знала, сделала бы все, чтобы этого не допустить. Не просто сделала бы, ни за что бы не допустила! Лучше бы в сто десять судов сходила и выслушала про себя все самое приятное, чем такое.

– Мне плевать, – снова буркнула Соня.

Я положила руку ей на плечо:

– Тебе не плевать. Ты его боишься?

– Не знаю. – Она дернула плечом, сбрасывая мою ладонь. – Нет. Или да. Я никогда не знаю, что придет ему в голову после того... знаешь, Лен, в нашем мире после такого к психологу ходят годами, а мне даже толком поговорить не с кем.

– У тебя есть я.

– А еще у тебя есть твой Валентайн. Который скоро выдавит всех из твоей жизни.

Я кашлянула.

– Это ты сейчас к чему?

– К тому, что ты постоянно с ним!

– Да какой с ним, Соня?! Опомнись! – взорвалась я. – Я ни с кем не провожу столько времени, сколько с тобой! И я этому рада, рада, что у нас снова все как прежде, что мы наконец-то снова сблизились после всей этой межмировой суматохи! Но да, у меня есть личная жизнь, в которой есть любимый мужчина. Мне очень жаль, что у тебя с Сезаром не сложилось. Правда. Но это не значит, что я тоже должна страдать.

– Знаешь, что, Лен... иди-ка ты лучше к своему Валентайну.

Во мне кончились аргументы. А еще терпение. Понимая, что еще немного – и мы в этом круговом разговоре без начала и без конца разругаемся снова, я кивнула.

– Хорошо. Увидимся завтра. Доброй ночи, Сонь.

Я наклонилась, чтобы ее обнять, но Соня на объятия не ответила. Вообще ничего не ответила, отвернулась к окну и закуталась в плед.

М-да, если беременность и гормоны так действуют на настроение, то я не хочу быть беременной. Никогда.

Портал мне открывали прямо из дома Сезара в дом Валентайна, где меня встретила горничная, забрала сумку. После того, как я забрала из нее записи, над которыми работала. С ними и поднялась к нему в кабинет, для меня он теперь был открыт круглосуточно. Хотела еще поработать над заклинанием, имея перед глазами оригинал, но поняла, что мысли уже на процессе не сходятся. Имея же дело с темной магией, на уставшую голову лучше ничего не делать. Тем более что я работала над серьезным дополнением: чтобы Соня могла не только увидеть маму, но и поговорить с ней. Об этом я ей не рассказывала,

чтобы раньше времени не обнадеживать. Только когда увижу и пойму, что все стопроцентно рабочее и безопасное, тогда и скажу. А может быть, и покажу сразу.

На месте мне не сиделось, спать не хотелось, поэтому я прогулялась до шкафа. Там наряду с самыми разными книгами стояла та самая. За которой мы охотились с Ярдом, и чуть было мощно за это не огребли. Труды Валентайна про воскрешение.

Книга манила меня, как магнит. Просто как нечто запредельное, в какой-то момент мне показалось, что она, то, что в ней написано, нужны мне как воздух. Я открыла дверцы и коснулась тяжелого корешка. Потянула ее на себя, распахнула.

Прочла: «Первое, что вам стоит знать о воскрешении, какой бы срок давности смерти вы ни пытались стереть, когда вы начнете этот процесс, пути назад больше не будет».

Глава 13

Я сама не заметила, как погрузилась в чтение. Но если тот ритуал, который я исследовала для Сони, казался мне интересным, то это... я даже сама не могла объяснить, что это значит. Момент, когда ты просто переворачиваешь страницу за страницей, а слова отпечатываются в твоём сознании как раскаленное клеймо.

И это при том, что книга была написана на драконьем от корки и до корки, а кое-где попадались слова, которые Валентайн переводил в сносках, ссылаясь на Эрд Изначальный. Магистр Доброе утро, наверное, был бы в шоке, или сказал бы, что я просто пялюсь в книгу, чтобы покрасоваться. Но я отчетливо понимала, что там написано.

Странным и непостижимым для себя образом. Я эти сноски-то не сразу заметила, а когда заметила, почувствовала себя дико. Потому что если драконий мне уже полагалось понимать, то язык Эрда Изначального... в общем, я поймала себя далеко за полночь где-то на середине книги и усилием воли заставила себя ее захлопнуть.

Она клацнула, как капкан. Сейчас я вообще не понимала, что это было, зачем я все это читала, но для общего развития было более чем достаточно. Разумеется, воскрешение считалось высшим уровнем темной магии, но даже темные прибежали к нему крайне редко. Хотя в древности мертвых использовали как войска, отчасти именно поэтому темных было так сложно победить.

Мертвые не чувствуют боли. Мертвые не чувствуют любви. У них нет слабостей, у них нет привязок, они идеальное орудие. А если учесть, что все Мертвые земли... ну, мягко говоря, с говорящим названием, то становилось понятно, почему Ферган не стремился к ответным действиям после выпада Адергайна. Потому что если Адергайн захочет, по его приказу восстанут все, кто лежит на его землях.

Жесть. Просто полная жесть.

В книге Валентайна такого не было, но эти выводы были самыми логичными. Теперь я сидела с ними, оглушенная, как от удара по голове битой.

Воскрешение, по сути, делилось на несколько серьезных разделов. Первое – это когда смерть случилась пару минут назад. Здесь было возможно вернуть кого бы то ни было с минимальными последствиями... для возвращенного. Плата за такой ритуал возлагалась на мага, и это было полное становление внутренней тьмы. Образно говоря, потеря всех чувств, потеря любви, потеря привязанностей.

Второе – недавняя смерть. Возможность воскресить ушедшего пару-тройку месяцев (недель, дней, здесь по сути становилось уже не критично) назад и до года уже была сложнее. Магу требовалось больше сил, а еще вернувшийся уже мог утратить часть личности, восстановить которую было достаточно сложно.

Третье – когда смерть произошла более чем год назад. Во-первых, плоть таких существ не поддавалась полному восстановлению, а запустить сердце было невозможно никакими усилиями и никакой даже самой мощной магией. У них полностью отсутствовало какое-либо сознание, а действовали они как единый организм, подчиняясь приказам поднявшего их.

Некромантия в действии.

По сути, этот ритуал был опасен воздействием на мага, а еще своей простотой. Для его проведения не требовалось никаких особых расчетов и вычислений. Никаких особых знаний. Просто темная магия, достаточно сильная, а еще подключение к Загранью. Ко всем, кто там остался, и, пропуская через свое тело потоки тьмы прямиком из Загранья, маг излечивал раны, а после притягивал не успевшее раствориться сознание в заново родившееся существо.

То есть во втором и третьем случаях это было существо, в первом – еще человек или дракон. Но такая некромантическая «реанимация» все равно несла в себе отпечаток тьмы. Вернувшийся так или иначе обретал с ней связь, вот только в отличие от темного мага, для которого темная магия была сутью, возвращенный к жизни не мог ей управлять. Она оставалась внутри него. До поры до времени. Чтобы трансформироваться... фиг его знает во что. Или просто «быть» в воскрешенном в спящем состоянии до самой его повторной смерти, а после вырваться наружу в Загранье.

Бр-р-р!

Я почувствовала холод раньше, чем успела вздохнуть. Дыхание сорвалось с губ облачком пара. Подскочив, я активировала защиту в тот момент, когда что-то гроыхнуло со стороны стола Валентайна.

Ощущение близости Загранья тут же прошло, а на верхнем ящике его стола, покачиваясь, висела голова разбившейся каменной статуэтки дракона. Эту статуэтку купила я, она мне показалась похожей на Дракуленка. Еще в самом начале пребывания в этом доме. Недавно перетащила сюда и поставила на полочку, а теперь...

Я шагнула к столу, положила на него книгу и повела ладонью, привычно изучая фон, как учил Валентайн. Фон был спокоен, темных поблизости не было. Кроме меня. Не было сейчас, я явно чувствовала близость Загранья не так давно. А еще, что-то же свалило эту статуэтку. Вопрос только в том, зачем?

Адергайн в свободное от убийств, казней и пыток время баловался земными ужасиками, и теперь пытается меня напугать? Бред какой-то. Скорее это уж Дракуленок балуется. Статуэтки сшибает. Нет чтобы прийти и поговорить...

– Засранец ты, – сообщила, собирая остатки статуэтки с пола. – Нормально попросить прощения за то, что пропал – это никак. А вот напакостить...

С другой стороны, зачем Дракуленку мне пакостить?

Я подняла глаза и наткнулась на ручку ящика стола Валентайна. Ту самую, за которую клыком зацепилась каменная голова. Я вдруг поняла, что очень соскучилась. По Дракуленку. Жаль, что он не приходит больше. Он, конечно, не котенок и не домашний ручной зверь, да даже не прирученная рысь, ему на просторах Загранья лучше, но... Но.

Поднявшись, я сняла голову статуэтки, и ящик дернулся. Почти открылся.

Точь в точь в тот момент, когда открылась дверь в кабинет.

– Ты что делаешь, Лена? – холодно спросил Валентайн. Перевел взгляд на стол и добавил еще жестче: – Почему здесь лежит эта книга?

– Потому что я ее читала. Ждала тебя и читала.

– Зачем?

Вот как ему объяснить – зачем? Незачем. Мне реально незачем было ее брать, незачем даже смотреть в ее сторону, но она меня как магнитом притянула. Но еще более странно, что я в ней все поняла. Вот реально все. Даже слова из языка, которые понимать не должна. Едва я собираюсь сказать об этом Валентайну, как он убирает ее в шкаф и говорит:

– Никогда больше ее не трогай. Это то, чего касаться вообще не стоит.

– Да она мне и не нужна. Мне просто скучно стало, – я пожимаю плечами. Почему-то его тон заставляет оправдываться, а я оправдываться не люблю. Я вообще не люблю, когда со мной говорят так, но Валентайн ходил на встречу к отцу. Поэтому я просто переключаюсь: – Как ты?

– Нормально, – холодно отвечает он.

Правда, тут же обходит стол, садится в кресло и притягивает меня к себе на колени.

– А это что? – Валентайн смотрит на голову в моих руках.

– Статуэтка разбилась.

– Сама?

– Не знаю. Я почувствовала Заграницу. Или мне так показалось...

– Так ты почувствовала или тебе показалось?

Ну все.

– Валентайн, я понимаю, что у тебя был тяжеленький вечер, и что ты встречался с отцом, но я тут вообще ни при чем. Я правда тебя ждала, и я очень рада, что ты вернулся, и все хорошо... все ведь хорошо?

Он молчит, сдвинув брови. Смотрит на дверь, наверное, с минуту, а потом произносит:

– С отцом я не встретился, Лена. Я говорил с его... гм, даже не знаю, как это назвать. Его палачом. Хааргрэн Файтхард сообщил мне

от его лица, что Ферган может, выражаясь словами из твоего мира, идти куда подальше. То есть в Мертвые земли, если хочет переговоров. Если не хочет, может не идти.

Я приподняла брови:

– Информативненько.

Вот так волнуешься, переживаешь, а Адергайн даже на связь с сыном не выходит.

– Все оставшееся время я пытался деликатно убедить Фергана, что эти переговоры ему нужны. Хотя бы для того, чтобы удержать лицо на фоне активно суесящихся Анадоррских.

– И ты не думаешь, что это может быть ловушка?

Валентайн посмотрел на меня в упор:

– Честно – моего отца нет в Даррании до сих пор только потому, что она ему нахрен не сдалась. – Слышать от него слова из моего мира было удивительно и приятно. – Да, у Фергана есть своя сила. Да, магия светлых имеет обратную сторону, аналогичную той, о которой ты только что читала, но...

– Постой. О какой силе ты говоришь? Что за сила светлых, противоположная воскрешению?

– А какая сила может считаться противоположной воскрешению, Лена? – он хмыкнул. – Золотая смерть.

Золотая смерть, черная страсть. Вот они тут любители эпитетов и метафор.

– И что она из себя представляет?

– Сила тэрн-арха, сила крови правящих светлых, способная накрыть изнутри и разорвать сердце.

Я икнула. Да уж, спасибо образному воображению и киноиндустрии моего мира, фантазия у меня была хорошая.

– Как точно, так и масштабно. Выборочно только не работает.

– И что это значит?

– Это значит, что если Ферган захочет убить кого-то одного, у него получится. А если двоих, получится и всех остальных, кто рядом с ними постоять вышел. Если кто-то вышел.

Вот тут мне стало как-то совсем невесело.

– И сколько таких вышедших постоять он может накрыть?

– Глядя на Фергана, могу предположить, что с миллион разово точно. Но это не самая большая сила.

– Погоди... а Анадоррские, Люциан, Сезар – они тоже так могут?

– Сила крови тут имеет вторичное значение. Основу под собой держит именно магия тэрн-арха.

Королевская то есть. То есть любого очень сильного дракона, который правит, наделяют такой вот... драконовой ядерной бомбой. Ну нормально, чего уж там. А я-то думала, в сказку попала.

– Пока наследник не взойдет на престол, он такую силу не получит, – подвел итог Валентайн.

– И что, от этого нет никакой защиты?

– Есть. Если уметь выстраивать внутренние щиты порядка силы Фергана. Вы еще не изучали внутреннюю защиту, она на четвертом курсе.

– М-м-м-м... – выдала я.

– Но думать об этом вовсе не обязательно. – Валентайн коснулся моего лица. – Я на все твои вопросы ответил?

– Да, – я зевнула. Странно, что после всего услышанного мне вообще спать захотелось, но вот захотелось. Видимо, психика меня послала подальше с моим странным знанием эрдова языка и тайны светлых, от которой волосы дыбом. Ничуть не меньше, чем от темной некромантии.

Валентайн, судя по всему, это понял, потому что поднялся. Бережно удерживая меня на руках и прижимая к себе. В глазах его мерцали черные искры, а темная радужка была почти серебряной. Такое же серебро проступало на скулах острыми гранями чешуи.

– Я люблю тебя, – сказала я, когда он шагнул в портал.

– Я тоже люблю тебя, Лена, – произнес Валентайн, укладывая меня в постель. – Не думал, что когда-нибудь кому-нибудь это скажу.

– Но тут тебе на голову свалилась я.

– Я рад, что ты мне на нее свалилась.

Я потянулась, заворачиваясь в одеяло. Мысленно на себя ругнувшись за то, что не успела почистить зубы, но это уже была последняя моя мысль в данный момент. Покрывало, осознание того, что Валентайн вернулся, что никто никого не убил и даже не покусал, тишина и его присутствие сделали свое дело. Я провалилась в сон, как в облако, где было удивительно легко и спокойно.

Глава 14

Люциан Драгон

Главный госпиталь Хэвенсграда располагался в небольшом, но уютном районе. Рядом с ним раскинулся небольшой парк, а еще здесь было очень много скверов и прогулочных улиц. Порталы внутри открывать запрещалось, поэтому они с Амирой вышли прямо у главных ворот. Высоких, кованых, переходящих в узорчатый забор, бегущий вдоль территории и окружающий двух и трехэтажные корпуса. Постфактум, Люциан, правда, вспомнил, что разрешение о портале нужно было получать у Эстре, ну да ладно. Получит у Эстре просто так, а не разрешение. Одной отработкой больше, одной меньше.

– Твой друг... он очень сильно пострадал? – спросила Амира, заглядывая ему в глаза.

У нее они были синие. Ярко-ярко синие, потеряться бы в них – так, чтобы не найтись. Но уввы.

– Учитывая, сколько его восстанавливали, держали в целительском стазисе, могу только представить.

Девушка погрузилась. У нее вообще была такая особенность: все эмоции разом отражались на лице.

– Но судя по тому, что он выжил, он очень везучий засранец.

Люциан понятия не имел, зачем вообще сюда потащился. Просьбу, а точнее, сообщение от Амира ему передали, когда они с Амирой сидели в парке в Академии. Там было уже достаточно прохладно, и он отдал ей пиджак. Она расспрашивала его о том, сильно ли магистры издеваются на экзаменах. Хотя до них было еще драконически долго, Амира волновалась и переживала. Для нее учеба была настолько важна, что она постоянно заморачивалась на эту тему. Как будто вся жизнь сошлась только на Академии и учебе.

– Тебе не понять, – совершенно беззлобно ответила Амира, когда он об этом сказал. – У тебя всегда было все, Люциан. С самого детства. А для меня это – единственный шанс сделать свою жизнь лучше. Помочь родителям. От того, закончу ли я Академию и как закончу, с какими результатами, зависит вся моя жизнь.

Люциан не стал комментировать, потому что в чем-то она была права. Выпускники академии Драконова ценились всегда и везде, а тому, кто родился и рос во дворце сложно понять того, кто всю жизнь считал крохи магии на аренду жилья.

Когда пришло сообщение от Амира он, признаться сказать, удивился нехило. Потому что вопреки предположению идущей рядом с ним девушки, друзьями они никогда не были. Но тем не менее отказываться не стал, а Амиру пригласил с собой – просто чтобы не бросать вот так, внезапно. Неожиданно она согласилась, и вот сейчас они вместе поднимались по ступенькам главного корпуса.

Их встречала девушка в белом халате, которая сверилась с журналом записей и сказала, довольно сурово:

– Да, вас ждут и встретят на этаже. Перед тем, как зайти, пройдете магическую обработку в конце коридора. Халаты получите уже наверху.

Магическая обработка представляла собой дверь, проходя через которую ты становился чистеньким. Буквально. Пыль, всякие микроорганизмы и прочее растворялись под воздействием силы массивного артефакта, и можно было идти дальше.

– Щекотно, – улыбнулась Амира, когда прошла.

Люциан особой щекотки не почувствовал, разве что легкое колебание воздуха, на миг ставшего чуть горячим. В больницах ему раньше бывать не доводилось, поэтому сейчас стало не по себе. Несмотря на чистоту, на картины на стенах в коридоре, по которому они только что шли. Грудь словно сдавила невидимая рука, а перед глазами встало лицо матери, невероятно прекрасное. И навеки застывшее. Мама умерла не в больнице, но почему-то именно сейчас его выкинуло в эти воспоминания резко, остро и жестко. Стоило порадоваться, что Амира пошла с ним, потому что на нее он переключался. С ней Люциан вообще очень легко переключался, отвлекаясь на ее искренность и непосредственность. Он познакомил ее с Лиллеей, Милли и Нэвсом, и компания уже явно надумала себе что-то лишнее, потому что их гляделки были весьма говорящими.

Что же касается Люциана, он бы тоже с радостью себе надумал что-то, но не думалось. Об Амуре хотелось заботиться как о Нэв. Не целовать, и уж тем более не завалить на первую горизонтальную поверхность, либо прижать к вертикальной. Раньше у него такое было с любой мало-мальски интересной ему девчонкой, теперь все сходилось на Лене. А Лене так вообще было без разницы, с кем он там. Она видела его с Амирой, но вообще не реагировала. Никак. Это бесило чуть ли не больше, чем ее сладкий самообман с Валентайном.

– Переживаешь? – спросила Амира, и он заметил, что сжал руки в кулаки.

– Нет, – сказал, расслабляя пальцы.

Но тут прямо перед ними распахнулась дверь, и на лестницу шагнули не кто иные, как Лена и Валентайн.

Это оказалось настолько неожиданно, насколько и резко. Внезапно. Поэтому он не успел закрыться. В бою, при магической атаке такое может быть смертельно, сейчас же просто стало невыносимо больно. Потому что, драх его задери, они держались за руки, а еще потому, что по больницам не ходят с теми, кто тебе никто. Пусть даже сам Люциан притащил сюда Амиру, чтобы ее не бросать, он так или иначе заботился о ее чувствах. В этом же случае...

– Привет, – первой поздоровалась Амира и тут же покраснела. – Ой, здравствуйте, архимаг... магистр Альгор.

– Добрый вечер, – скупое ответил Валентайн.

Лена ничего не сказала, и они ушли. Быстро, как появились, но он слышал их шаги на лестнице так же отчетливо, как чувствовал тупую боль, словно в его сердце проворачивали кинжал. Снова и снова.

Это не помешало ему толкнуть дверь, открывая ее перед Амирой. Девушка же взглянула на него:

– Ты их не любишь?

– Ненавижу, – вырвалось у него.

Лицо у Амиры вытянулось, но они уже стояли в коридоре перед стойкой, из-за которой выглянул молодой взъерошенный человек в белом халате.

– Посетители? К кому? – уточнил он.

– Сайтанхорд. Лэард Сайтанхорд, – машинально ответил Люциан.

– А, да. Вас ждут. Проходите. Только халаты наденьте, – парень кивнул в сторону шкафа.

Люциан шагнул к нему, открыл дверцу, и его накрыло знакомым ароматом. Лены. Амира, ничего не подозревая, сдернула с вешалки один из халатов, а он с трудом подавил желание завернуться в эту дурацкую тряпку, хранящую ее тепло. Ее запах. Справился, и так на себя разозлился! Просто до дрожи. Потому что в тряпку здесь превращался он. День за днем, с первого их знакомства. Сам же говорил девчонкам, которые за ним бегали – не стоит западать на того,

кому нет до тебя никакого дела. Может, жестоко, зато правда. Вот бы они повеселились, узнав, что он оказался на их месте.

Люциан рывком сдернул один из халатов и захлопнул шкафчик с таким треском, что даже парень за стойкой подпрыгнул.

– Осторожнее! – попросил он и добавил: – Триста шестнадцатая.

Здесь на стенах картин уже не было, видимо, чтобы проще было проводить магическую обработку. Тем не менее стояли диванчики и цветы, пахло свежестью и чистотой. Амира сюда перевели на восстановление, в том отделении, где он находился раньше, наверняка пахло страданиями и смертью. Даже несмотря на всю чистоту и видимость благополучия.

Они прошли мимо ряда закрытых дверей, остановились перед триста шестнадцатой, и дверь в палату открылась сама, магически. Амир лежал в гордом одиночестве и смотрел в потолок, а, увидев его, воскликнул:

– Драгон! Не ожидал, что ты придешь.

– Но все же надеялся, – скептически хмыкнул Люциан, проходя в палату вслед за Амирой. – Сайтанхорд, это Амира. Моя...

– Твоя очередная человечка, я понял. Вот не тянет тебя на симпатичных драконочек.

Люциан мысленно закатил глаза.

– На кого меня тянет – не твоего ума дело. Амира, это лэард Сайтанхорд, нормально с ним общаться достаточно тяжело. Впрочем, с ним в принципе тяжело общаться.

– Да я уже поняла, – не осталась в долгу девушка, сложив руки на груди. – Некоторые этого просто не умеют.

– С характером, – прокомментировал Амир, и, когда Люциан отодвинул для Амиры кресло, в которое она уже почти опустилась, добавил: – Я предпочел бы поговорить наедине.

Люциан хотел возразить, но девушка неожиданно вскочила.

– Я подожду в коридоре. Сама не горю желанием общаться с расистом!

Она вылетела так поспешно, что дверь едва успела открыться. А когда закрылась снова, Люциан мрачно посмотрел на Амира:

– Какого драха?!

– Не дуйся, Златовласка, но это мужской разговор.

Врезать бы ему, но бить лежачего позорно. Не говоря уже о том, что он даже толком не восстановился еще: несмотря на браваду, под глазами у Амира по-прежнему были темные круги, а заострившиеся черты лица напоминали о том, что он почти побывал в объятиях смерти. Поэтому Люциан просто развернулся и направился к двери.

– Драгон, постой! Да остановись ты. Я же пошутил. – Когда он обернулся, Амир уже умудрился сесть, но скривился от боли. Что-то еще не восстановилось окончательно, некоторое целительство приходится проводить этапами, чтобы не навредить еще больше. – Я серьезно...

– Серьезно – это оскорблять девчонку, с которой я пришел?

– Я ее не оскорблял. Человечка – это констатация факта.

– Да, если это не сказано твоим тоном.

– Ну хочешь, я перед ней извинюсь? – Амир снова скривился. – Но только сначала давай поговорим.

У стены напротив кровати стоял столик и два кресла. В одно из них Люциан и опустился. На столике располагалась ваза для цветов, сейчас пустая. Из чего Люциан сделал вывод, что до него посетителей у Амира не было. Либо они приходили с теми же самыми ощущениями, что и он, а цветы не покупали, чтобы не сражаться с желанием вставить букет Сайтанхорду в задницу.

– Итак? – уточнил он, глядя на него.

– Наши почти все полегли, да? – Амир вернул ему взгляд.

– Почти все. – Люциан снова вспомнил Этана. С какой бы радостью он сейчас сидел в палате у друга, зная, что скоро тот поправится и вернется домой. Но Этан уже никогда не поправится. Никогда не женится. Дома с Аринкой, где та будет его встречать, у него тоже никогда не будет.

Внутри заворчалось нечто темное, и, чтобы не позволить этому пустить в себя корни, он добавил:

– Те, кто выжили, сейчас разъехались по домам. На восстановление.

– Об этом я хотел поговорить. – Амир снова поморщился, когда попытался подняться. – Меня тоже хотят отправить домой. Отсюда. Через пару дней.

– И?

– Мне там нечего делать. Во-первых, отец не горит желанием меня видеть: по его мнению, я должен был положить всех темных, получить награду и с честью вступить в ряды личной гвардии тэрн-арха, а лучше ее возглавить. Сплошное разочарование. А во-вторых, меня зацепило сильно, и теперь есть проблема. С сердцем. Целители говорят, восстановлению не подлежит. Так что скорее всего, если вернусь, меня окончательно спишут, и я уже никогда не смогу быть военным. Мне это не подходит. Если куда я и хочу вернуться, то в гарнизон. Еще лучше – в ряды регулярной армии. Я хочу защищать Дарранию от этих тварей, Драгон, а не отсиживаться в кустах до тех пор, пока они все здесь не разрушат. Тебя там не было...

Амир вздохнул, словно ему не хватало воздуха.

– Я не хочу, чтобы такое повторилось. Особенно с мирным населением. Ты можешь помочь, насколько я знаю, ты согласился стать наследником.

Согласился – не совсем верное слово. Скорее, выбрал. Потому что во всем хаосе, который творился, Даррании нужен был хотя бы малейший островок уверенности. После того, как кто-то слил информацию о переговорах, а потом стало известно, что их не будет, и что Ферган не планирует выдвигать войска в сторону Мертвых земель, эта уверенность пошатнулась еще сильнее. Люди уже два раза собирались на Алой площади, с требованиями предоставить им доказательства того, что они и их семьи в безопасности. Папочка не придумал ничего лучше, кроме как отдать приказ об аресте зачинщиков за нарушение спокойствия и попытки ставить под сомнение власть тэрн-арха.

Судя по тому, что рассказал Амир, его отец тоже придерживался очень специфических взглядов на жизнь. Возможно, именно поэтому он ответил:

– Предположим, смогу.

– Но?

– Что за проблема?

– Проблема? – не понял Амир.

– Ты сказал: есть проблема с сердцем. Какая?

– Да так, ерунда.

– «Так, ерунда» мне не подходит. Мне нужно понимать, что я делаю, когда отправляю тебя обратно в армию. Нужно понимать, что

ты не сдохнешь в самый ответственный момент, в атаке, подставив все свое крыло под удар.

Может, звучало достаточно цинично и жестко, но по-другому никак. Амир, судя по всему, это понимал, потому что ответил:

– У меня в сердце остаточная вязь темного заклинания.

– И что это значит?

– Это значит, что убрать его нельзя. Исследовать его нельзя. Как оно будет реагировать на что-то в бою – тоже представить нельзя. Может, у меня просто остановится сердце во время парада. А может, я сдохну, выражаясь твоими словами, и подставлю все свое крыло. Но может и не сдохну. Может быть, смогу выжать из себя все по полной и защитить мирный город, положив десяток-другой этих тварей, – глаза Амира сверкнули. – Я обратился к тебе, Драгон, потому что мне больше не к кому обратиться. Что бы ты там обо мне ни думал, там погибли и мои друзья тоже.

Он замолчал, словно не зная, что еще добавить, и Люциан молчал тоже. Какое-то время смотрел в окно, на текущую за ограждением больницы жизнь, на идущих по улице людей, на целующуюся пару на мостике.

– Ладно.

Кажется, своим ответом он перебил Амира, потому что тот собирался продолжать.

– Ладно?

– Выйдешь отсюда через пару дней, или когда тебя там выпустят – и продолжим разговор.

Люциан поднялся и направился к двери.

– Сейчас позову Амиру, и ты перед ней извинишься.

– Что-о-о? – у Амира вытянулось лицо.

– Ты сам предложил. И тебе нужна моя помощь.

– Драгон! Да я ж ничего такого не сказал. Драгон, драхи тебя задери!

Но Люциан уже вышел в коридор: Амира действительно дождалась его на диванчике. Сидела и что-то писала магическим пером, очевидно, опять делала уроки.

– Эй, – он легонько тронул ее за плечо, и девушка вскинула голову.

– Освободился? Идем, – она поднялась.

– Сейчас пойдём. Сайтанхорд хочет тебе кое-что сказать, – Люциан кивнул на палату.

Амира нахмурилась:

– Мне точно нужно туда идти?

– Заставлять не буду. Но тебе понравится.

Девушка пожала плечами, но все же шагнула за ним в палату. Где мрачный, как сто одна лозантирова тварь, Сайтанхорд произнес:

– Прошу прощения, если я чем-то тебя обидел. Человечка – это в общем-то был комплимент. Особенно по отношению к Драгону. Он на одной вообще жениться собирался.

Прежде чем Люциан успел пожалеть о том, что согласился ему помочь, Амира шагнула вперед и отчеканила:

– Знаете, в чем проблема таких, как вы? В том, что они считают возможным говорить что угодно и кому угодно, не заботясь о чужих чувствах. А потом, когда все уже сказано, достаточно просто извиниться – и все хорошо? Так вот, сидите тут со своими извинениями! Потому что для меня ничего не изменилось.

Вздернув нос, она вышла за дверь, а Люциан, посмотрев на совершенно опешившего Сайтанхорда, не сдержал смешок. После чего направился за ней.

Глава 15

Лена

Сегодняшний вечер странный. Во-первых, после вчерашней встречи с Драгоном и Амирой, я нахожусь в каком-то непонятном состоянии. Отчасти потому, что наконец-то все правильно: кого попало не таскают с собой в больницу, а это значит, они наконец-то начали встречаться. Вот вроде и все правильно, но все равно какое-то противное чувство, которое мешает расслабиться. Я не хочу об этом думать, но думать и чувствовать – разные вещи, поэтому я периодически выпадаю в состояние нереальности, в котором мы выходим на лестницу, а там они. Во-вторых, сегодня Валентайн пригласил меня в ресторан. На мне красное платье, из тех, в которых в нашем мире принято появляться на красных дорожках. Прическу мне делали в салоне, это легкие волны-локоны, и мне почему-то слегка волнительно. Сама не могу понять, почему, но мне кажется, что наш разговор сегодня будет непростым. Понять бы только, о чем он будет.

Или о ком.

Вчера мы навещали ту самую девочку, Элею, которую Валентайн спас. Она попала в больницу, потому что проспорила друзьям, что всю ночь проведет в коридоре, в котором якобы водятся призраки. Призраки в приютском коридоре, разумеется, не водились, зато завелись взломщики, которые захотели ограбить кабинет директрисы. Вечером ей передали крупную сумму пожертвования, которая должна была лежать на артефакте до утра. Утром это все предстояло надлежащим образом оформить, но до утра артефакт бы не дожил. В смысле, его собирались стащить, а Элея как раз сидела в том самом коридоре. Грабители, увидев ее, ударили девочку простеньким заклинанием. Ограбить приют не успели – от активации магии сработала защитная система. Но Элее это уже не помогло.

Ее доставили в больницу, повезло, что заклинание было криво сляпано и не несло в себе сильного магического заряда. Тем не менее ей предстояло здесь понаблюдаться минимум дня три (на всякий случай). От кривых заклинаний могут быть кривые последствия, даже если на первый взгляд целителю ничего не видно.

Когда мы пришли, у Элеи была Женеьев. Они смеялись, и, кажется, Элея уже забыла о покушении. Заметив Валентайна, девочка просияла, а заметив меня, нахмурилась. Навестить ее вместе предложила я, а он согласился. Правда, сказал, что я не обязана, на что я чуть ли не обиделась.

– Знаешь ли, такое не делают по обязанностям, – сообщила я ему. – Кому как тебе это не знать.

– А по чему делают?

– По велению сердца. Тем более что я давно хотела с ней познакомиться.

Правда, когда мы вошли в палату, я подумала, что момент выбран не очень удачный. К счастью, все прошло довольно легко, после ухода Женеьев он нас познакомил, и никакой особой неловкости не возникало. Элея немного зажималась поначалу, но потом все-таки разговорилась. Преимущественно с Валентайном, но я не мешала. Сидя в кресле, смотрела на них и думала о том, что из него получится хороший отец. С Эл, как он ее называл, Валентайн общался так легко и непринужденно, у него так быстро получалось ее отвлечь и переключить, а еще его обещание защищать ее и не допустить, чтобы такое повторилось в будущем, прозвучало так искренне и так сильно,

что я как-то разом представила его отцом. Не только Элеи. Наших детей. В общем, о чем-то странном я думала, и эта странность перетекла и в новый день, поэтому когда я поднималась по ступенькам в ресторан, меня не покидало чувство нереальности происходящего.

– Я вас провожу, тэри Ларо, – произнес мужчина, встречавший гостей, когда узнал мое имя.

Но, вопреки моим ожиданиям мы поднялись не на второй этаж в большой зал, а еще выше, и вышли на крышу, где под искрящимся серебром утепляющим куполом был накрыт стол. По обе стороны от купола застыли двое официантов, а еще вся крыша была украшена цветами. Столько цветов я наверное никогда не видела. На лепестках искрилась магия, создавая им удивительную подсветку, и в ночи это выглядело просто восхитительно.

Валентайн поднялся мне навстречу и, едва мы шагнули под купол, на плечи легли его руки. И мягкое тепло купола, стирающее мурашки то ли от осенней прохлады – накидку у меня забрали в гардеробе, то ли от его прикосновений. То ли от его слов:

– Ты восхитительна, Лена.

Он отодвинул для меня стул, на который я опустилась, а после сел на свое место. Только после этого официанты сняли крышки с первого блюда – им оказался легкий салат, разлили по бокалам вино и незамедлительно удалились.

– Это невероятно, – не осталась в долгу я. – Все это.

– Я рад, что тебе нравится...

– Но ты хотел поговорить о чем-то серьезном. – Сама не знаю, зачем я это брякнула, мне надо мастер-классы «Как испортить романтический ужин» давать, наверное. Потому что у Валентайна вытянулось лицо. – О ком-то. Об Элее, верно?

Он кашлянул.

– Гм... – Уголков его губ коснулась улыбка. – Не скрою, я об этом думал. О ней, о твоих словах, тех давних, когда ты предлагала мне ее удочерить.

Ну вот, значит, не я одна думала про отца. Может, пойти в гадалки или провидицы? Буду раздавать предсказания, дополнительный доход еще никому не мешал. О чем я вообще?! И почему у меня такой нервяк?!

– Ты об этом задумался до меня, – ответила я. – Я хорошо помню этот разговор. Тем более что я не предлагала, а сказала, что у нее уже год как мог бы быть отец, если бы ты меньше думал и больше делал.

– Об этом я тоже думал, – Валентайн улыбнулся на удивление светло. – И о том, что ты тогда сказала еще.

– А что я тогда сказала еще?

В следующий момент у меня все мысли как-то разом вылетели из головы, потому что раздался щелчок. В руках Валентайна как по волшебству оказалась коробочка, а в коробочке оказалось кольцо. Красивое такое, тоненькое, с удивительно крупным, но не броским камушком в каплевидной оправе.

– Ты сказала «Не то чтобы я ждала предложения руки и сердца», а я понял, что и так слишком долго это откладывал. Поэтому спрошу сразу: ты станешь моей женой, Лена?

Такого я точно не ждала. Поэтому и зависла, глядя на кольцо. Нет, в моей жизни было много всякого, но темные архимаги мне еще предложений не делали. Тем более таких. Тем более...

Я подняла голову, чтобы встретиться с пылающим взглядом, совершенно не представляя, что сказать. Меня как будто выключило. Я сидела и смотрела на Валентайна, понимая, что надо что-то ответить, но...

– Я не готова, – слова сорвались с моих губ раньше, чем я успела их остановить.

Зато становилось понятно, к чему у меня был такой нервяк. Почему я вообще шла на эту встречу, как по стеклу. Очевидно, наша связь с Валентайном сработала. Очевидно, это были его чувства, я их поймала, а сейчас я брякнула такое... кошма-а-ар! Все это пронеслось в моей голове в один момент, будто какая-то вспышка.

– Валентайн, я...

Коробочка защелкнулась. Он положил ее на стол и подвинул ко мне.

– Это в любом случае твое. Я покупал это для тебя.

Не так все должно было произойти. Не так, не так, не так! А как? Я в принципе никогда не отличалась излишней сентиментальностью, но, наверное, где-то в глубине души о таком мечтала. Об отношениях, о чувствах, из-за которых кружится голова, о неожиданном предложении руки и сердца... хотя кому я вру, не мечтала. Я никогда

не мечтала о таком, потому что, будучи сиротой из хрущевки, я прекрасно понимала, что никому не сдалась. Это только в сказках девушки вроде меня встречают принцев и миллиардеров, выходят замуж, преодолев все невзгоды, а потом живут долго и счастливо. Поэтому и не мечтала, чтобы потом не разбить больно лоб о суровую реальность.

Кто ж знал, что реальность выдаст мне такое, на чем только психиатрию изучать? Родителей из другого мира, ментальную близняшку, помешанного на мне злобного темного властелина и его сына, который... который что? Сделает мне предложение, от которого я откажусь. Тут впору истерично рассмеяться, но вместо этого я схватила бокал вина и выпила его. Залпом. Поскольку официанты ретировались (очевидно, на время предложения), стесняться было некого. Я потянулась за бутылкой, но Валентайн перехватил мою руку.

– Не стоит. Если хочешь, я налью тебе еще, но мне бы хотелось провести этот вечер за приятной беседой. С тобой.

За приятной беседой?

– То есть ты совсем не злишься? – уточнила я, затаив дыхание.

– Не злюсь? Нет, Лена, я в бешенстве, – Валентайн посмотрел на меня в упор. – Но мое бешенство ни коим образом не должно затронуть тебя и то, что я собирался сегодня сделать.

– А что... – Голос прервался на выдохе, поэтому пришлось взять паузу и продолжить: – Что ты собирался сделать?

– Провести невероятный вечер, как я уже сказал. С тобой. Я не хочу его портить просто потому, что ты не готова. И уж прости, но с тобой никогда просто не было. Поэтому я, наверное, отчасти был к такому готов.

Отчасти.

Ха.

Я накрыла его руку своей:

– Валентайн, я сморозила чушь.

Он нахмурился, но вместо ответа просто накрыл мои пальцы, заключив их между своими ладонями.

– Я испугалась. Правда. Я еще... ну во-первых, я не ожидала. Вы же, темные, не женитесь, или как там у вас. А во-вторых, мне девятнадцать. Лет, зим, без разницы. Я не представляю, готова ли я к семейной жизни, особенно после истории с Соней.

Валентайн нахмурился еще сильнее:

– Не стоит сравнивать, Лена.

– Да я и не сравниваю! Я просто говорю о своих страхах. Соня совершила ошибку, что, если и мы ошибемся тоже? Что, если эта свадьба все испортит? Все, что между нами было, есть...

– Почему она должна что-то испортить?

– Не знаю, – честно сказала я. Обхватила себя руками, потому что меня словно накрыло каким-то холодом. Хотя холодно здесь быть не могло, артефакты и согревающий щит работали на полную.

Валентайн поднялся из-за стола, обошел его и опустился рядом со мной на одно колено.

– Испортить можем только мы сами, Лена, – произнес он, глядя мне в глаза. – Ты или я. Свадьба тут ни при чем. Она не изменит моего отношения к тебе. Так же, как его не изменит твой отказ. Для меня важна ты и твои чувства, и я сделаю все, чтобы их сберечь. Каким бы ни было твоё решение.

У меня задрожали губы. Наверное, нужно быть совершенно черствой ледышкой, чтобы не проникнуться после такого. Но я черствой ледышкой не была, а еще я устала от того, что в моей жизни все невероятно сложно. Причем усложняю (не считая Ленор и Адергайна) преимущественно я. Так зачем трепать нервы мужчине, который меня любит, и которого люблю я? Просто из-за каких-то дурацких страхов.

– Давай попробуем еще раз, – сказала сквозь непролитые слезы. – Сделаем вид, что ничего этого не было, можешь даже вина мне налить. Как будто я не всосала его в один глоток.

Валентайн снова улыбнулся, а я подумала, что мне бы не помешал еще бокальчик. Первый, похоже, прошел порожняком, причем даже не известным путем, а через поры выветрился. Потому что я себя ощущала совершенно трезвой. Мысли не путались, приятной слабости в теле не было.

– Предлагаю обойтись без вина, – произнес он. – Я просто сделаю так.

Он взял коробочку, лежащую на столе. Раскрыл ее:

– Ты выйдешь за меня замуж, Лена?

Я точно сплю. Сплю и вижу сон, потому что тот Валентайн, с которым я познакомилась, и этот, который сейчас стоит передо мной на

одном колене и делает мне предложение – разве я могла представить, что такое возможно?

– Да, – ответила я. – Да, я стану твоей женой, Валентайн.

Почему-то я вздрогнула, когда он надел мне на палец кольцо. А потом резко, рывком поднялся, увлекая меня за собой. Я ахнула в окутавшем меня облаке силы: мы оторвались от земли в тот же миг, когда за его спиной раскрылись мощные черные крылья. Покрытые серебрящейся чешуей снаружи, внутри они были полностью напитаны тьмой: так же, как и его глаза, в этом черном водовороте в радужках мерцало серебро искр, серебро чешуи бежало по его скулам.

Я ахнула повторно, когда глянула вниз. Крыша ресторана казалась далекой, а ночной Хэвенсград под нами щедро переливался россыпью огней. Вокруг клубилась магия, смешивающаяся с ночной синевой в какой-то совершенно невероятный цвет, согревающая – я впервые чувствовала тьму такой теплой, если не сказать горячей.

– Это так красиво, – оторвавшись от созерцания, я снова посмотрела на него.

– Это ты красивая, Лена, – ответил он. – Знала бы ты, насколько.

Несмотря на то, что Валентайн привычно был в черном, я никогда не видела его таким светлым. Лишь на миг он почему-то нахмурился, глядя на меня, а после склонился и поцеловал. Скрепляя то что произошло между нами глубоким присваивающим поцелуем.

Глава 16

Люциан Драгон

С какой радости его потащили к Эстре именно сегодня, когда прошло уже несколько дней, Люциан не представлял. С другой стороны, да не пофиг ли. Некоторые словечки из другого мира как нельзя лучше описывали его отношение к ситуации, поэтому когда он утром, перед занятиями, шел к ректору, не мог перестать зевать. Адепты тряслись, как листочки осенью на деревьях, на этом пути, а все, о чем он мог думать сейчас – о кровати. Потому что ему полночи снился Этан, и в этом полусне Люциан то ли постоянно просыпался, то ли не мог заснуть. Друг стоял у окна в его комнате и пристально смотрел на него, словно хотел что-то сказать, но, стоило Люциану попытаться открыть рот, как его затягивало на такую глубину сна, в такую тьму, что он вообще ничего не мог делать. Так продолжалось

всю ночь, поэтому он дико не выспался. Поэтому перед кабинетом секретаря еще раз широко зевнул и вошел.

Парень, едва завидев его, вскочил, потрясая своей шикарной шапкой кудрей:

– Ректор вас уже ждет, адепт Драгон! Проходите.

Ждет-ждет, конечно, куда ж она денется.

– Добрый день, адепт Драгон. – В сухом хлестком голосе Эстре было очень много обещаний всего нехорошего на его голову.

– Сомнительно, но если вы настаиваете. Я присяду? – Люциан кивнул на кресло.

– Нет, – чуть ли не прорычала Эстре. Сегодня она собрала свои пламенные волосы в пучок, такой строгий, что зная о густоте ее копны, даже странно, что у ректора глаза из орбит не вылезали. В строгом белом костюме она возвышалась над столом. Хотела бы, наверняка, возвыситься и над ним, но Люциан был ее выше. А вот надо было разрешать садиться.

– Хорошо, постою, – не стал спорить он. – Чем обязан столь позднему вызову?

Эстре раздула ноздри:

– Вы, адепт Драгон, несмотря на то, что теперь уже наследный тэрн-ар, – она плотно сжала губы, а Люциан пожал плечами. На этот раз папочка не стал раздувать шумиху, просто подписал указ, а он сам подписался под этим указом, – вы, кажется, совершенно не осознаете, что правила существуют для всех, а у любого поступка бывают последствия.

Он приподнял брови, но ректор не позволила и слова сказать.

– Вы игнорируете правила безопасности Академии, хотя знаете, чем они спровоцированы. Какой пример вы подаете остальным, как будущий правитель?

– Что будущему правителю можно все? Даже отменять правила?

Эстре побагровела.

– Считаете это смешным?

– Да нет, считаю, что вы раздуваете дракона из драконенка. Никто не пострадал, ничего плохого не случилось...

– Кроме того, что вы увели девушку, у которой даже нет защиты вашего статуса, через несанкционированный портал, – едко отозвалась Эстре.

Драхство.

– Вот только Амиру сюда приплетать не надо, – жестко произнес он. – Я ходил навестить пострадавшего друга из гарнизона, а она...

– Она должна была думать своей головой, согласна, – ректор скрестила руки на груди, – но в вашем присутствии головы у девушек отключаются.

Жаль не у всех.

– Вы спрашивали, почему мы собираемся только сегодня, так вот, исключительно потому, что у родителей адепки Ловер очень напряженный график. Они безумно много работают и смогут приехать только сегодня. – Ректор глянула на виритту. – Уже совсем скоро. Чтобы узнать, что их дочь нарушила режим и будет отчислена.

– Что?! – Вот это уже было совсем не смешно. – Какого др...

Люциан осекся, плотно сжал губы, но потом продолжил:

– Вы же это не серьезно сейчас?

– Еще как серьезно. – Эстре оперлась руками о стол и подалась вперед. – Ее пример будет весьма показательным для остальных. Для тех, кто считает, что может нарушать мои распоряжения просто потому, что решил, что это неопасно.

Желание высказать ей все, что он думает, было непреодолимым. Вместо этого Люциан сжал зубы и в упор посмотрел на нее:

– София Драконова ходит порталами каждый день.

– С моего разрешения. Эти порталы защищены с двух сторон и проверяются перед открытием.

– Замечательно! Порталы Альгора и Ленор Ларо тоже проверяются каждый раз?! – Вот не хотел он этого говорить, само вырвалось. Но, похоже, двойные стандарты ректора не смущали.

– У Альгора тоже есть мое разрешение.

Класть он хотел на твое разрешение.

Люциан проглотил эту мысль за пару мгновений до того, как ее бы озвучил.

– Кроме того, репутация Ленор Ларо не пострадает от того, что она уходит вместе с ним.

– Конечно, потому что от нее остались одни лохмотья.

Ректор вперила в него пристальный взгляд:

– Считаете себя умнее всех, адепт Драгон?

– Да нет, просто не понимаю, почему Амире нельзя было уйти со мной и погулять по вечернему Хэвенсграду, а Ленор Ларо можно таскаться с Альгором и трахаться на всех доступных поверхностях! – Его уже понесло, и он ничего не мог с этим поделать. Наверное, просто все тщательно сдерживаемое долгие месяцы, прорвалось, грозя накрыть собой и его, и всех, кто находился поблизости. Накрыло бы, если бы ректор не произнесла:

– Я ценю ваше абсолютное пренебрежение правилами хорошего тона и несоблюдение субординации – даже несмотря на то, на каком факультете вы учитесь, – процедила она. – Но к вашему сведению, у магистра Альгора и Ленор Ларо назначена дата свадьбы. Поэтому ваши шуточки ниже пояса совсем не уместны.

Дальше она с тем же успехом могла рассказывать параграфы по высшей магии или исторические данные, или еще что-нибудь. Люциан все равно не услышал бы, потому что в ушах бухал пульс, в груди сердце, а на кончиках пальцев собиралась палящая магия. Способная испепелить все дотла. Всех. В первую очередь его самого. Возможно, именно поэтому Люциан пропустил момент, когда открылись двери, и вошла Амира с родителями. Серьезная и очень-очень грустная.

Едва взглянув на нее, Люциан вылетел из кабинета под окрик Эстре:

– Адепт Драгон!

Совершенно опешивший секретарь попытался было его остановить, но, видимо, вспомнил, что жить хочет – и отскочил в сторону.

Люциан толкнул дверь, которая жалобно хрустнула о стену, а после – еще одну. Благо, далеко ходить не надо было. Теперь подскочила еще и секретарь Альгора, миловидная брюнетка с волосами, собранными в пучок, но сказать ничего не успела. Он уже ворвался в кабинет того, кому очень хотел свернуть шею.

– Ты совсем со скалы рухнул, жизнь ей ломать?! – прорычал в лицо сидевшему за столом Альгору.

– У вас проблемы, адепт Драгон? – сухо поинтересовался архимаг-заместитель ректора. – Люсия, все хорошо, можешь нас оставить.

Последнее относилось к перепуганному секретарю, которая заглянула в кабинет следом за ним. Едва за его спиной негромко

стукнуло, Люциан шагнул вплотную к столу.

– Проблемы у Лены. И проблемы серьезные, если она выходит замуж, не зная всей правды.

Вот теперь глаза у Валентайна сверкнули. Так, что Люциан испытал мстительное удовлетворение, хотя и очень короткое. То, что ему удалось зацепить этого темного, ничего не меняло.

На миг над комнатой поплыла густая вязкая тишина заклинания, отрезающего их разговор от внешнего мира, а потом Альгор поднялся. Обошел стол и остановился в шаге от него.

– А ты у нас поборник правды, да, Драгон? И где ты был со своей правдой, когда ее чуть не изнасиловали в подzemелье? Где ты был, когда она защищала Драконову, а все на нее накинудись? Где ты вообще был все то время, что она пыталась справиться с собой, со своими чувствами в новом мире, одна против всех?

Может, ему и удалось бы ударить в ответ. Скорее всего, удалось бы. Если бы каждый день, каждую бессонную ночь, каждое мгновение без нее Люциан не жрал бы себя за это сам с потрохами. За то, что не защищал столько раз. За то, что не был рядом. За то, что сомневался. За то, что отказывался. Поэтому сейчас он просто посмотрел Альгору в глаза и ответил:

– Зато я никогда ей не лгал.

На мгновение взгляд Валентайна потемнел так, что в самом кабинете стало очень, очень темно. Люциану показалось, что тот его ударит, и он даже этого хотел. Врезать ему в ответ. Без магии. Просто свернуть нос на сторону за все, что он с ней сделал. Но Альгор лишь раздул свой вышеупомянутый нос, а точнее, его ноздри сначала раскрылись, как у приносящегося дракона, а после прилипли к стенкам хряща.

– Это. Не твое. Дело, – отчеканил он, глядя ему в глаза. – Никогда не было и не будет.

– Ошибаешься, – холодно произнес Люциан, – все, что касается Лены – мое дело. И если она предпочитает обманываться, не без твоей магической помощи, я найду способ открыть ей глаза.

Альгор холодно улыбнулся.

– Ищи. Это очень, очень на тебя похоже, Драгон. Сделать ей больно, только чтобы потешить свое самолюбие. Но не забывай, что теперь у нее есть я, и я буду рядом, когда ты решишь это сделать.

Решишь причинить боль моей будущей жене – очень сильно об этом пожалеешь.

Ударить он все-таки ударил. Оказывается, слова «будущая жена» бьют не слабее боевого заклинания высшего порядка или кулака в самой обычной драке.

– И тебя не смущает, что твоя, – Люциан заставил себя вытолкнуть эти слова, – будущая жена не знает о том, что ты трахал другую?

– Не смущает, – отрезал Альгор. – Если это все, то ты свободен, Драгон. Выход прямо за твоей спиной.

Люциан сжал кулаки. Так сильно, что пальцы буквально заболели от напряжения.

– Что ж ты за тварь такая?! – выплюнул он.

– Темная, – Валентайн пожал плечами и снял заклинание. Теперь их смогут слышать все, кто окажется в непосредственной близости от двери этого кабинета.

На этот раз разговор был точно окончен, но этот раз – не последний. Если Альгор считает, что угрозы его остановят, он сильно ошибается. Лена не выйдет за него. Не должна выйти! По крайней мере, не так.

Да, может он и отказывался от нее и бросал в сложных ситуациях раньше, и даже в этой почти... почти сдался. Но именно эта лозантирова надвигающаяся свадьба отвесила ему ту самую оплеуху, которая привела Люциана в себя.

Он найдет способ сделать так, чтобы Лена все вспомнила. Не для того, чтобы причинить ей боль, а для того, чтобы у нее был выбор. Она должна знать, за кого выходит. И что он сделал. Сейчас речь даже не о той измене с Ленор, а о вмешательстве в ее память.

Закрывать за собой дверь Люциан не стал, прошел мимо притихшей девушки, вышел в коридор и остановился. Только сейчас вспомнив о том, что произошло у Эстре. И о том, что ректор собиралась сделать.

Глава 17

Лена

– Привет.

– Добрый день.

Мы с Элеей смотрели друг на друга, явно испытывая одинаковую неловкость. Она без конца поправляла каштаново-медные волосы, едва достающие ей до плеч, а я не представляла, как разговорить ребенка, который не особо-то и желал разговаривать. Я ей не нравилась, это становилось понятно по тому, как она на меня смотрит. Хотя, в общем-то, было понятно и почему: девочка ревновала. Безумно ревновала Валентайна ко мне, и я не представляла, что с этим делать. На неделе мы вместе навещали ее уже в приюте, чтобы узнать, как она себя чувствует, и Элея смотрела на меня, как на досадную помеху. Особенно когда увидела кольцо на пальце и узнала о свадьбе. Валентайн ей сказал.

Сегодня была наша первая встреча наедине.

– Чтобы вы подружились, вам лучше пообщаться без меня, – предложил Валентайн. В принципе, он был прав. В его присутствии Элея не обращала на меня ни малейшего внимания, не считая тех самых взглядов. Правда, сейчас я уже не была уверена, что это такая хорошая идея.

– Это тебе, – я протянула ей коробку конфет. Ее любимых.

– Это от Валентайна? Спасибо. – Она сцапала коробку и прижала к груди. – Передай ему, что я скучаю.

– Это от меня. Валентайн зайдет к тебе вечером.

– Вот и здорово. – Судя по голосу, ничего «здорового» в этом не было. Конфеты девочка отложила.

Кажется... хотя нет, уже не кажется, дальше она разговаривать со мной не собиралась. Ну а у меня не было столько опыта в общении с детьми, чтобы понимать, как вести себя в такой ситуации. Сейчас бы здорово пригодилось психологическое образование. Ну или хотя бы педагогическое.

Элея вскочила, явно намереваясь уйти. Коробка осталась лежать на диване. Комната для встреч в школе-приюте ничем не отличалась от гостиной в любом доме. Камин, уютные кресла, столик, где сейчас дымился чай, то есть ранх. На который девочка едва посмотрела.

– Послушай, я понимаю, что я тебе не нравлюсь, – сказала я. – Но мне бы очень хотелось это исправить.

Вот не учили меня разговаривать с семилетками.

– Тебе не обязательно мне нравиться, – важно сообщила она. – Да и потом, ты мне все равно не понравишься.

– Почему? – Я нарочно не поднималась со стула, чтобы не возвышаться над ней. Тут даже никакой психологии не надо, если хочешь с кем-то говорить на равных, лучше оставаться на равных.

Элея сложила руки на груди:

– Потому что Валентайн должен был жениться на мне!

Я с трудом подавила смешок, чудом не заперев весь разговор на корню.

– Это он тебе так сказал?

– Нет! Но я уверена, что если бы не появилась ты, так бы и было.

Я вздохнула. В каре-зеленых глазах светилась такая вера в свои слова, что переубедить ее было бесполезно.

– Думаю, сегодня тебе лучше поговорить на эту тему с ним. Когда он придет.

– Зачем? – Элея заправила волосы за уши и надулась.

– Ну, если ты так в этом уверена, стоит ему об этом сказать. Возможно, он передумает жениться на мне и выберет тебя.

Не знаю, насколько это было правильно с точки зрения психологии, но девочка всерьез задумалась. Даже села обратно на диван.

– И ты не станешь нам мешать, если он выберет меня? – сдвинув брови, поинтересовалась она.

– Нет. Не стану.

– Почему?

– Потому что если кто-то выбирает не тебя, расстраиваться по этому поводу не стоит. Значит, это просто не твой человек. Или дракон.

– А не тебя выбирали? – Она снова смешно нахмурилась, и веснушки со щек подтянулись к носу.

– Да. Был один парень в школе. – Вспоминать Земскова кроме как со смехом сейчас не получалось, хотя тогда, правда, было совсем не до смеха. Я смотрела на эту девочку и понимала, что женитьба тут ни при чем. Она просто боится, что с появлением меня в его жизни, а особенно с появлением жены в его жизни, она ему станет не нужна. Валентайн рассказывал, что Элея тяжело сходится с новыми людьми, даже в приюте у нее одна-единственная подруга. Кого-то мне это напоминало. И, как бы там ни было, помимо него и подруги у Элеи никого не было. Поэтому она отчаянно боялась остаться одна.

Между тем как мы вообще собирались ее удочерить.

Правда, перед этим нам как раз и предстояло подружиться, и только после этого мы собирались поговорить с Элеей. Руководство приюта против не будет, Валентайн в этом уже убедился. В наш прошлый визит он как раз задал им такой вопрос, и они посмотрели на него как на бога. А впрочем, на него сейчас многие смотрели как на бога.

У адептов в Академии случилось дружное помешательство: даже те, кто раньше шептался по углам, сейчас на занятия темной магией делали прически и расстегивали верхние пуговички блузок. Я смотрела на все это и слегка охреневала, потому что всем как бы было известно, что Валентайн женится. На мне. Когда я его спросила, что он обо всем этом думает, будущий супруг рассмеялся и выдал:

– Ревнуешь, Лена?

– А есть повод? – парировала я.

После чего Валентайн больше не смеялся и таких вопросов не задавал.

– Ладно, – миролюбиво сообщила Элея, которую разговор со мной явно успокоил. – Тогда я сегодня поговорю с Валентайном. Только не обижайся, если он заберет у тебя кольцо!

– Не обижусь, – честно ответила я. – А вот если ты не заберешь конфеты – обижусь.

– Ой. – Конфеты были забраны и снова прижаты к груди.

Из чего я сделала вывод, что даже если их и пытались забыть «из гордости», то явно с большим сожалением. Я проводила Элею до лестницы и, когда она убежала наверх, развернулась. Достаточно резко, в результате чего налетела на... Ярда.

От неожиданности даже ойкнула. Он явно тоже не ожидал такой встречи, потому что сначала у него стали очень большие глаза, а потом Ярд слегка покраснел. В принципе он был достаточно смуглым, особенно после Эллейских островов, но сейчас умудрился полыхнуть даже через эту свою смуглость.

– Ленор? А ты что здесь делаешь? – первым спросил друг.

– Я навещаю... – чуть не брякнула «будущую дочь», но вовремя себя остановила. – Элею. Решила проведать ее после нападения, принесла конфеты.

– А-а-а, – Ярд тут же нахмурился. – Да, представляешь, взломали систему безопасности на самой школе, все заклинания. Но твой

Валентайн... магистр Альгор, в смысле, после этого инцидента лично все усилил. Я даже проверял, не подкопаешься. Для детей и сотрудников безопасно, а вот для тех, кто соберется что-то украсть или напакостить...

Я приподняла брови.

– погоди. Так ты тут не первый день, получается?

– Я? Нет... я... ну в общем да, не первый, – Ярд покраснел еще сильнее.

– А зачем?

– Помогаю. Вот... с садом, по всяким мелким поручениям и так далее. У них покровители хорошие, но еще одни руки никогда лишними не будут. Тем более что сейчас у Женевьев не самые простые времена...

Он вдруг осекся, а до меня начало доходить. Как до того самого жирафа, реально. Я ж ему лично посоветовала найти со своей девушкой точки соприкосновения, а тут выясняется, что Ярд неожиданно увлекся волонтерством. Нет, дело хорошее, я бы сказала, классное, но как-то уж очень далекое от сферы его интересов. Не говоря уже о том, что он предпочитал любую свободную минутку посвящать артефакторике. Да и то, как он сказал про Женевьев...

Бли-и-ин, офигеть.

– Так это она? – уточнила я. – Та девушка, о которой ты говорил – Женевьев?! Анадорская?!

– Тс-с-с! Тише! – шикнул он на меня. Схватил за руку и потащил за собой на улицу. Мы практически до ворот дошли по вымощенной камнем дорожке, я уже думала, что Ярд меня сейчас за них выкинет. Но он неожиданно остановился и произнес:

– Да. Ну и что? Тоже считаешь, что она не для меня?

Здесь, где за резными высокими воротами шумела улица, осенний выходной день Хэвенсграда, можно было даже *Cubrire Silencial* не ставить.

– С чего ты взял? – изумилась я. – Я такого не говорила.

– Тогда чего ты так удивилась?

– Ну не знаю. Возможно, потому, что я думала, что это кто-то из Академии, – хотя Женевьев сейчас тоже из Академии. – Или потому что считала, что она с нашего курса. Про Женевьев... просто это получилось несколько неожиданно.

– Зато твой брат считает иначе. – Ярд сложил руки на груди. – Мы с ним даже поссорились на эту тему.

– Макс? А что он сказал?

– Что она для меня слишком, и что надо переключиться на кого-то попроще. Чтобы не было потом разочарований.

Я нахмурилась. Вот честно, на Макса это было совсем не похоже. Зато очень похоже на Алину Драконову! Он скоро не только говорить, но и думать как она начнет, а это мне уже совсем не нравилось. Не хватало еще, чтобы брат от нее снобистских замашек нахватался. На кого он тратит свою магию, не мое дело, Макс парень взрослый. А вот такое общение с друзьями...

– Я с ним поговорю, – ответила я. Возможно, чуть резче, чем хотела.

– Не надо! – тут же вскинулся Ярд. – Не хочу, чтобы он думал, что я тебе пожаловался. Да и вообще, я это просто к слову сказал.

– Ну во-первых, с Максом я буду говорить не о тебе, – успокоила я. – А во-вторых, мне кажется, что ты очень круто поступил, когда занялся таким делом. Лично я считаю, что Женевьев оценит. Не может не оценить. Ты главное не тормози...

– Чего не делать?

– Ну, не тяни. Ты же видишься с ней здесь. Вот и действуй.

Ярд покраснел еще сильнее, хотя казалось бы, уже некуда.

– Легко тебе сказать: действуй, – буркнул он. – Я, конечно, вижу ее, но она такая неприступная. Неудивительно, в общем-то, но она так смотрит...

– Вот! – подчеркнула я. – Если смотрит, значит, замечает. А если замечает – уже полдела сделано. Так что не... действуй, короче. У тебя все получится!

Я хлопнула его по плечу.

– Все, давай, мне пора бежать. До встречи на занятиях!

– До встречи!

Мы распрощались, и я нырнула в калитку, все еще оглушенная новостью про Ярда и Женевьев. Нет, конечно, как Макс я не думала, но, будь я парнем, сама бы наверное тормозила при знакомстве с такой женщиной. Анадоррская и впрямь была... Анадоррская. Что с нее возьмешь, принцесса. А воспитывалась вообще как будущая королева, тэрн-арха то есть. До определенного момента Женевьев росла с

мыслью, что станет женой Сезара, да и отец у нее второй после Фергана претендент на престол. Так что да, просто Ярду точно не будет.

С этой мыслью я свернула на улицу, ведущую к галереям местных бутиков. Мне захотелось выбрать себе новый купальник, потому что Валентайн пригласил меня провести денек на Эллейских островах. Точнее, даже больше чем денек: сегодня после визита к Элее мы уйдем туда порталом, а вернемся уже утром перед занятиями. То есть у нас будут островные сутки и еще чуть-чуть.

Поразительно, но все те купальные костюмы, которые у меня были (мы ведь уже были с ним там летом), мне не просто не нравились, я бы сказала, меня от них тошнило. Объяснить это не получалось никак, потому что я выбирала их сама. Все десять. Зачем мне столько? Помешательство, не иначе. И все не то, что находило какой-то отклик в сердце. Блин, я ведь это надевала!

Какой-то бред.

Размышляя про купальники, я повернула за угол и увидела несущуюся на меня толпу с плакатами. Кто-то бежал с обычными, кто-то с магически созданными. Я едва успела отскочить в сторону, а точнее – спрятаться под полосатый навес одного из маленьких заведений в стиле ранховой тэрны Хлит, когда куча народа пробежала мимо меня. За ними гнались стражи порядка, наполняя свистом улицу и раскручивая магические сети. Еще чуть-чуть – и от них уже никто не убежит.

Один парень споткнулся, и прямо под ноги мне рухнул плакат. Частично оборванный, но читаемый: «... айна Альгора в тэрн-архи!»

Глава 18

Эллейские острова очень напоминали Мальдивы. Да что там, напоминали. Архипелаг островов, множество средних, чуть поменьше и совсем мелких, прикрытых от океанских волн рифами, ничто другое в принципе напоминать не мог. Белоснежные пляжи, тропическая растительность, прозрачная, как слеза, вода. Разве что домиков на воде здесь не было, исключительно на пляже. И принадлежали они все (на всех островах) одной-единственной драконьей семье. Из этой семьи как раз происходила Брильис Лоуджверн. Потенциальная невеста Люциана, на которой он очень не захотел жениться, ради чего и придумал помолвку с Ленор Ларо.

С какой-то радости я размышляла о том, что было бы, если бы Люциан тихо-мирно женился на этой Брильис, и их с Ленор пути никогда не пересеклись. Нет, а правда, что тогда бы было?

– Ты бы сдохла с тоски, – мрачно подала голос Ленор.

Давненько ее не было на связи.

– А может, тебя бы скинули с лестницы еще на первом курсе. И уж точно ты бы не заинтересовала Валентайна Альгора.

– Тебя бы скинули, – заметила я. – И не заинтересовала бы ты.

В голове раздался скептический хмык.

– Не переживай, скоро у тебя будет свое тело, и мы будем жить независимо друг от друга.

Хотя с «не переживай» это я, конечно, загнула. С телом, точнее, с его созданием, Валентайн придумал замечательно, а вот с объяснениями, откуда у Ленор взялась сестра-близняшка, пока никак. Я подумала об этом очень некстати, но сестра-близняшка перебила мои размышления:

– Переживать тут надо тебе, а не мне.

– По поводу?

– Придет время – узнаешь.

– Ты не могла бы быть чуть менее загадочной?

– А ты не могла бы быть чуть менее тупой?

Когда говорят, что сестра-близняшка – это здорово, не верьте.

– Знаешь такой прикол, в нашем мире в старинных романах писали. Когда пара стояла у алтаря, всем гостям задавали вопрос: «Если кто-то из присутствующих знает причину, по которой эти двое не могут быть вместе, пусть назовет ее сейчас, или молчит вечно?» Ни на что тебе не намекает?

– Если я тебе назову причину, я точно замолчу навечно, – сообщила Ленор.

И замолчала. Не навечно, хотя я была бы не против, если бы нас наконец разделили. Прямо сейчас. К тому, что она умеет пакостить, я привыкла, не привыкла к тому, что пакостит она прямо изнутри. Меня. Буквально.

Да пошло оно все! Я отдыхать и наслаждаться приехала. Достаточно уже того, что наш с Валентайном отдых чуть не отправился дракону под хвост из-за местного митинга. Стараниями Адергайна и нежеланием Фергана идти на переговоры в Мертвых

землях, народ находился в состоянии перманентной паники и дикого стресса. Что, в результате, вылилось в то, во что вылилось. Потому что ни Драгон, ни Анадоррский (увы) не рискнули явиться в Мертвые земли, а Валентайн явился не только туда, но и обратно. Живым.

В общем, веселье продолжалось до вечера, из-за этого он не попал к Элее. А мы прибыли на острова на несколько часов позже.

На нашем острове располагалось всего два больших дома: один с одной стороны, другой с другой. Тот, другой, на этих выходных пустовал, так что мы находились здесь практически одни. Не считая прислуги. Но у них были свои комнаты, и они умели быть незаметными, поэтому временами создавалось ощущение нереальности происходящего.

Шум океана. Бескрайнее звездное небо. Сверкающая искрами вода.

Темные очертания пальм и прочей тропической растительности.

И... только мы.

– Все хорошо? – спросила я у Валентайна, когда он вернулся.

После очередной связи через виритта по работе. Честное слово, прямо наш мир и мобильники вспоминаются. Вездесущие, с изобретением которых ни от кого не сбежать и не скрыться, даже если пролетел через полмира.

– Все хорошо, – ответил он. А потом открыл портал и на моих глазах швырнул виритта прямо туда.

Я приподняла брови и рассмеялась:

– А если...

– Если Даррания не рухнет за эти сутки с небольшим, вернемся в Хэвенсград. А если рухнет, туда ей и дорога.

– Тогда нам будет некуда возвращаться, – заметила я.

– Я найду для нас место, Лена. Можешь не сомневаться.

– Я и не сомневаюсь, – приблизившись, я положила руки ему на плечи. – Отдыхать? Или гулять?

– Однозначно на берег, – произнес он, притягивая меня к себе за талию. – У нас не так много времени, чтобы тратить его на отдых.

– Надеюсь, ты имел в виду, времени здесь, – фыркнула я.

Валентайн шутки не оценил:

– Что ты под этим подразумеваешь, Лена?

– Да это прикол такой. Ну... черный юмор, на тему Даррании, которая устоит или рухнет.

– Все, забудь про Дарранию. Раздевайся и пойдем.

– Ты хотел сказать: переодевайся?

– Я сказал то, что хотел. Здесь все равно кроме нас никого.

Прислуга не выходит на берег, когда есть гости.

– Ну знаешь ли... я зря, что ли, купальный костюм покупала?

Его глаза вспыхнули:

– Он тебе все равно не потребуется.

– Вот так откровенно, да?

– Откровеннее некуда.

Валентайн потянулся, чтобы меня поцеловать, но я увернулась. Зная его (да и себя тоже), мы вообще никуда не пойдем сейчас.

– Мне надо переодеться, – повторила я, вывернулась из его рук и упорхнула в спальню.

Местные купальники все были слитные, а еще с такими юбочками, прикрывающими бедра. Но я все равно накинула сверху еще и легкий пеньюар-тунику. На ходу взбила волосы и вернулась к нему, Валентайн особо не переодевался, разве что рукава рубашки закатал. Ну и ботинки снял, потому что ходить в них по песку – то еще удовольствие.

Мы вышли из дома и, миновав коротенькую дорожку, созданную растущими справа и слева пальмами, оказались на пляже. Россыпи звезд на небе и переливающаяся сверкающими светлячками вода у горизонта, казалось, сливались воедино. Валентайн переплел наши пальцы, и мы пошли вдоль океана. Теплый легкий прибой облизывал ноги, окутывая их лаской воды. Я помнила, чем закончилась наша такая прогулка в прошлый раз, я это так отчетливо помнила, но сейчас мне вдруг стало не по себе.

Особенно когда Валентайн остановился, на миг заключая мое лицо в ладони. Накрыл мои губы своими, а после скользнул ладонями по плечам, стягивая пеньюар. Я помнила, как его пальцы касались самых сокровенных мест, помнила и жар, бегущий по телу, но эти прикосновения вдруг отозвались такой болью, что мне стало нечем дышать. Наша близость из прошлого огнем взорвалась в груди, мешая наслаждаться настоящим. Мне стало так жутко, так больно... так непонятно больно, как будто наш летний визит на Эллейские острова

был моим самым страшным кошмаром. Но он и был, меня просто перевернуло всю, и я, уже ничего не понимая, уперлась ладонями ему в грудь и с силой его оттолкнула. Задыхаясь от нахлынувших на меня чувств и от слез.

– Лена? – Валентайн непонимающе смотрел на меня, а я и сама ничего не понимала.

Почему наша близость, близость, которая была между нами на берегу, вызывает такие чувства? Что вообще происходит?! Хотя... я знаю, что происходит.

– Ленор! – процедила я.

Валентайн нахмурился, а я сжала кулаки. С самого начала, с самой первой нашей попытки близости она это проделывала.

– Я же тебе сказала, что у тебя скоро будет свое тело! Хватит меня доставать! Дай мне просто отдохнуть с любимым мужчиной!

«Сестрица» не отозвалась, а я судорожно вздохнула.

– Прости. Романтический момент безнадежно испорчен, Ленор довольна и не выходит на связь. Ты не возражаешь, если мы с тобой просто погуляем?

Валентайн перестал хмуриться и даже улыбнулся. Приобнял меня за талию, и мы пошли дальше по прибою.

– Я не хочу тебя торопить, но как скоро будет готов контейнер для этой подселенки? – Вообще не то, о чем я хотела говорить, но после случившегося просто не могла переключиться на что-то еще. Вот хоть на звезды! На океан. Меня до сих пор всю трясло и колотило от злости.

– Пока что я на стадии формирования контура тела. Это займет пару лунных циклов. Потом сделаем слепок образа, а дальше еще один цикл на завершение. Не переживай, Лена, к нашей свадьбе ты уже будешь свободна.

– Надеюсь. Потому что если она провернет что-то подобное в нашу первую брачную ночь, я за себя не ручаюсь.

– Не провернет, – Валентайн коснулся моего виска губами. – А что она, собственно, провернула?

– Она как бы давно этим занимается. Ей противно, что мы с тобой, потому что у нее другие планы. Вот она и пакостит в... такие моменты. Сейчас щедро отсыпала мне нежелания продолжать, до слез.

Слезы, кстати высохли, а вот ярость нет. Ну что за... как вообще можно с ней нормально общаться?! И мирно сосуществовать.

– А, ты об этом, – он хмыкнул. – Не переживай. Разойдетесь по разным телам – и забудешь все, как страшный сон.

Надеюсь.

– Это же не навредит тебе? – уточнила я, заглядывая ему в глаза. – То есть создание тела – наверное, это очень мощно?

– Все хорошо, Лена. – Валентайн убрал прядь волос с моего лица. – Я знаю, что я делаю.

– Тут еще один затык есть, – сказала я. – Она вроде как будет моей близняшкой. Как мы объясним миру, что теперь Ленор Ларо две?

– А как хочешь объяснить ты? – Он даже остановился. Шумел океан, облизывая наши ноги. Бескрайнее звездное небо сыпало звездами, прямо хоть сейчас десятки желаний загадывай. Но мне бы хотелось лишь одного: снова быть самой и решать за себя. Чтобы не приходилось делать это под влиянием Ленор, за Ленор, от Ленор и так далее.

– Вопрос с подковыркой? – уточнила я.

– Нет. Я правда спрашиваю, как хочешь поступить ты.

Можно мне помощь зала? Или, хотя бы, звонок другу?

– У меня нет идей, – честно сказала я. – Мы точно не можем сделать Ленор немножко другой?

– Не можем. Учитывая, что вы рождены как единое целое, даже структуру тела я считываю с тебя. Она будет точной твоей копией. По другому никак.

Вообще-то, точной своей копией.

– Почему?

– Потому что есть два варианта переселения: занять чье-то тело, вытеснив обладателя, или войти в созданное с нуля. В первом случае убивается личность, занимавшая тело, вы с Ленор исключение по понятной причине. Во втором личность заново создается, а точнее, сохраняется. Чтобы Ленор все понимала, осознавала, все чувствовала, умела ходить, есть, разговаривать, а не оказалась в клинике, где занимаются случаями особых расстройств, нужно полностью перенести эти функции с тела, в котором она находится. Потому что мы заселяем ее в тело, у которого нет никакой памяти. Физической в том числе. Я понятно объясняю?

Да уж понятнее некуда. Образно говоря, чтобы Ленор не получилась пускающим слюни бревном и не попала в психушку, либо

пукающей и агукающей, как младенец в первые полгода минимум, нужно сделать копию, и никак иначе. Всего-то и нужно взять одну живую девушку, загрузить на магическое облако, а после скопировать на носитель.

– Понятно, – призналась я. – Бр-р-р.

– Я говорил, что это будет непросто, – произнес Валентайн, – но мы справимся. Осталось решить тот вопрос, который подняла ты.

– Знать бы еще, как, – пробормотала я.

– Она может уехать.

– Куда? – растерялась я.

– Куда захочет. Мир большой, Хэвенсград не единственный интересный город.

– Валентайн, ты же понимаешь, что ее могут узнать где угодно?

– В вашем мире не бывает двойников?

– Даже если так! Вся ее жизнь здесь, ее семья здесь, брат, академия, вся память...

– Все так, – перебил меня Валентайн, – но ты хочешь сохранить ей жизнь, память, сознание. При этом ты задаешься логичными и правильными вопросами, объяснить появление двух Ленор Ларо будет проблематично. Живущая в другом городе девушка, просто очень на нее похожая – это не трагедия. Это выход из положения.

– Еще можно сказать правду.

– Правду? – Валентайн вскинул бровь. – Шутка не очень забавная.

Если честно, я не была уверена, что это шутка. Мне так надоело играть в эти Лено-Ленор игры, постоянно следить за каждым словом, переживать, не брякнула ли чего-то в неподобающем месте, тратить силы на *Cubrire Silencial*... Насколько же легче говорить правду! С ложью ходишь как с мешком камней на плечах, и вот вообще непонятно, когда он прорвется и завалит тебя, как то самое. Не говоря уже о том, что так поступать с Ленор... отправлять ее непонятно куда, в неизвестность – это ужасно.

– Может, сделаем ей другую внешность? Фальшивые документы? Приедет к нам какая-нибудь кузина... Купим новый дом. Пусть живет там и будет ходить к нам в гости, к Максусу...

– К семье Ларо было слишком много внимания, Лена. Создать вам дополнительных родственников не получится, самые дальние – и те наперечет.

– Но должен же быть какой-то выход! – воскликнула я в отчаянии. – Мы же не можем ее... отправить непонятно куда.

– Почему нет? Как ты сказала, купим дом. Просто не в Хэвенсграде. Начнет новую жизнь с нуля.

Совсем одна. Я это представила – и у меня мороз по коже прошел. Потому что я как раз была на ее месте. Нет, нет, это не выход.

– Ладно, отложим этот разговор, – словно почувствовав или «услышав» меня, Валентайн кивнул на убегающий вперед, к темным пальмам излом берега. – Прогуляемся еще?

– Нет, давай лучше вернемся, – я обернулась к еще видневшемуся вдалеке домику. – Я устала и хочу спать.

Если уж я не могу сказать правду глобально, хоть так-то я могу это сделать. Валентайн опять нахмурился, но ничего не сказал. Мы развернулись и направились туда, откуда не так уж давно пришли.

Глава 19

Люциан Драгон

Он отметал этот вариант до последнего. Хотя бы потому, что у брата при упоминании жены просто падала планка. Не говоря уже о том, что их отношения до сих пор оставляли желать лучшего, а, если быть точным, не было между ними никаких отношений. Люциан видел, как они общаются во время недолгих встреч, и как на него смотрит Соня-София. Никак. Старается вообще не смотреть.

Но чем больше он прокручивал в голове варианты, как рассказать Лене о случившемся, как сделать так, чтобы она в это поверила, и не просто поверила, но и поняла, что ему не доставляет ни малейшего удовольствия причинять ей боль, тем сильнее склонялся к тому, что один не справится.

Сезар был единственным, к кому он мог пойти с этим. Несмотря на то, что он снова сошелся с друзьями (не считая Даса), говорить о таком с ними Люциан не мог в принципе. Не та это информация, которую он готов им доверить.

– Ты сегодня какой-то особенно задумчивый, – произнесла Нэв.

Они сидели вдвоем в комнате сестры и наслаждались ее любимыми закусками. Ну то есть Нэв наслаждалась, потому что Люциан помнил, как брал одну штучку, а сейчас на блюде осталось всего две.

– Есть причина.

– Да знаю я твою причину, – хмыкнула сестра. – Ленор Ларо. Вот что тебе, девушек мало? На тебя же половина академии готова запрыгнуть.

– Нэв! – рыкнул Люциан.

– Что? – сестра удивленно на него посмотрела. – Я уже взрослая, понимаю, о чем говорю.

Взрослела Нэв в самом деле не по дням, а по часам. Оформлялась так точно. Люциан уже «предвкушал», как будет гонять от нее парней в академии, только по хвостам успевай щелкать. Хотя к тому времени он уже выпустится. Кому за этой малолетней оторвой следить?

– Тэрн-ари так не выражаются, – выдал он первое, что пришло в голову.

– Люциан Драгон, ты с Сезаром переобщался, что ли? – уточнила сестрица, цапнув последнюю соленую хрустящую дольку.

С другой стороны, если он тогда будет тэрн-архом, приставит к ней сопровождение. Будут за ней по пятам ходить и на занятиях рядом сидеть.

– Я повзрослел, – сообщил Люциан.

Нэв закатила глаза.

– А можно тебя отвзрослеть обратно? Раньше ты мне больше нравился, наша семья не переживет еще одного угрюмого и властного зануду.

Люциан вскинул брови. Раньше он как-то не задумывался о том, что делать со взрослеющей сестрой, а это у нее еще переходный драконий возраст не начался. Вот где парней отщелкивать надо будет, потому что Нэвьеры их сама начнет завлекать, а женские драконьи гормоны – они сильнее мужских. Парни будут пачками выстраиваться в ряды, но главное, что она будет хотеть... этого. Всего, гм, будет хотеть.

М-да, нелегко быть старшим братом. Особенно старшим братом с мозгами, а не только озабоченным тем, как бы очередную девицу в постель затащить. Об этом он, кстати, тоже раньше не задумывался, когда укладывал девчонок на себя, под себя... О том, что чувствуют их семьи и они сами, вытирая сопли после расставания на следующее же утро.

Так, надо менять тему, и срочно.

– Вот скажи мне, взрослая моя, если бы правда причинила боль одному очень важному для тебя человеку, ты бы все равно ее рассказала? В смысле, добивалась бы ее?

– Ты сейчас про правду или про Ленор Ларо?

– Нэв, я серьезно.

– Я бы сказала. Потому что все мы имеем право знать, с чем имеем дело, – важно заявила сестра.

Да. Вот прямо сейчас ему стало легче, конечно. Учитывая тот факт, что эта правда потянет за собой много всего: в частности, когда Сезар узнает о том, что Альгор каким-то образом покопался в голове его жены в том числе. Предсказать его реакцию Люциан даже приблизительно не мог, и меньше всего хотел сравнить Сезара с Альгором. Но, судя по всему, этой правды тоже не избежать. Если он хочет помочь Лене.

Да что ж все так сложно-то а?

– А что там случилось? – любопытствовала Нэв, облизывая пальцы, но в этот момент виритт известил его о том, что с ним хотят поговорить.

– Кто? – уточнил Люциан.

– Максимилиан Ларо.

Нэв поперхнулась, принялась быстро вытирать руки салфеткой и поправлять волосы. Правда, уже в следующий момент сорвалась и исчезла из своей гостиной за дверь спальни. Все это произошло так быстро, что Люциан ни сделать, ни сказать ничего не успел. Пару мгновений смотрел на закрывшуюся дверь, после чего выдал:

– Да. Я переговорю.

– Люциан, – без предисловий начал братец Ленор, – у меня тут такое дело... Короче, с тобой хотят поговорить.

Весьма интригующе.

– Ты записался в секретари?

– Очень смешно, – Макс скривился. – Нет, просто без моей помощи ты бы его в лучшем случае размазал. Ну, если бы успел. Или он мог тебя покусать. В общем, знакомство могло выйти смазанным.

– Так кто со мной поговорить хочет? – уточнил Люциан, краем глаза уловив приоткрывшуюся дверь спальни. По воле сестры или от сквозняка, кто знает.

– Дракуленок. Это его Ленор так назвала.

– Кто?!

– Тварь Загранья. Призрачный мясник... неважно. Говорит, что у него к тебе важное дело.

– То есть я вот с *этим* должен говорить? – уточнил Люциан, глядя на сидевшего перед ним монстра.

Монстр недовольно облизнулся и посмотрел в упор, совсем как существо разумное:

– Я, между прочим, здесь. Тебя не учили, что невежливо выражаться о присутствующих частицей «это»? Даже если оно не вписывается в рамки твоего узколобого мировоззрения.

– Что?!

– Еще и тупенький, – существо вздохнуло, облизнув десятки игл-кльков, и посмотрело на Макса. – Неудивительно, что она выбрала того... вот кто настоящее «это», особенно если и дальше будет так продолжаться.

Впрочем, дальше продолжать «это» не стало. Снова перевело взгляд на Люциана:

– Говорить бум? Или и дальше будешь тупить и изображать из себя принца «Я с Темными Тварями Не общаюсь»?

Макс пожал плечами, а Люциан сжал кулаки. Честно говоря, ему изначально эта идея не понравилась, но брат Ленор говорил, что вот это вот... существо очень хорошо дружит с его сестрой. Наверное, это и стало причиной того, что он чуть ли не посреди ночи поперся в дом Ларо, где сразу одномоментно нахлынули воспоминания. Их здесь было не так уж много, но все-таки они были, и в них Лена еще была его. Она иначе на него смотрела. По-другому с ним разговаривала, и уж точно не считала врагом. Из-за этого... Этого.

Тут они с монстром совпадали, поэтому сейчас Люциан произнес:

– Где мы можем поговорить?

– В кабинете, – отозвался Макс. – Но я все еще не понимаю, почему при разговоре не могу присутствовать я.

– Маленький еще, не дорос, – осклабился тот, кого Лена назвала Дракуленком, и Макс мгновенно подобрался:

– Эй! Ты в моем доме, и тебе нужна помощь.

Дракуленок снова вздохнул. Откуда у темной твари такая мимика, оставалось только догадываться, но сейчас все чешуйки у него на морде собрались, словно он поморщился.

– Ладно. Прости. Это между мной и принцем, понимаешь? Так сказать, приватный разговор-с.

Макс закатил глаза и указал в сторону коридора:

– Все, топайте. Я провожу. Не хватало еще, чтобы новые слуги тебя увидели и поувольнялись.

– Обижает! Я в Загранье ухожу на раз.

Дальше он продолжать полемику не стал, направился в указанный коридор. Люциан с Максом последовали за ним.

– Откуда он взялся?

– Спроси у Ленор, она лучше знает. – Макс толкнул дверь: – Вот. Располагайтесь. Общайтесь. А я спать пошел. Закончите – просто открывай портал, на выход защита не работает.

Люциан хмыкнул, а спустя пару секунд они с Дракуленком уже буравили друг друга взглядами.

– Ну, чего застыл? *Cubrire Silencial* кто делать будет, я, что ли?

– Ты мне еще покомандуй.

– Да вот приходится. Если вы, люди и драконы, такие тупенькие.

– Что ж ты меня такого тупенького позвал?

– Потому что больше некого было, – зверюга снова осклабилась. – Ну?

В некоторых случаях реально проще сделать сразу, тем более что Люциан не горел желанием общаться с этой тварью до бесконечности.

– Внимательно слушаю, – произнес он, когда заклинание заработало. Присел на стол и скрестил руки на груди.

– Хорошо, что внимательно. Вижу, что тебе тоже не пофиг, что Валюша-Хрен-Из-Душа промыл нашей Ленке мозги. – Дракуленок плюхнулся напротив него, оказавшись при своем нехиленьком размере лицом к лицу. То есть морда к морде... тьфу! То есть морда к лицу. – Так вот. Поскольку мне она верит, а тебе нет, но ты можешь к ней подойти, а я нет, предлагаю скооперироваться. Например, ты с ней связываешься, как сегодня Макс с тобой, а я все рассказываю.

Такого Люциан точно не ожидал. По крайней мере, вот прям такого, потому что заявление Дракуленка прилетело аккурат в лоб. Это

было в разы проще всего, что можно себе представить. Проще простого. Просто связаться с Леной, дать ей выслушать этого зверя...

– Погоди. Откуда ты столько всего знаешь?

– Хожу по Загранью. Близко-близко к вашему миру. Собираю информацию. Где-то подслушиваю, где-то вынюхиваю. Ты единственный, кто знает о Ленке все помимо Альгора. Не считая ее подруги, а у той муж нервный. Короче, к ней сложнее подобраться, ну и ты более решительный. Я так понял, не будешь распускать сопли на тему «сделаю Лене больно», и все такое. Больно ей будет, когда он решит ей еще что-нибудь затереть. А потом еще что-нибудь. Так и кукухой поехать недолго. Знаешь, кто такая кукуха?

Люциан закатил глаза. К его манере выражаться еще надо было привыкнуть, но в целом тот был прав. Чем быстрее с этим будет покончено, тем лучше. И по чешуе, кто такая кукуха.

– В чем подвох? – уточнил он, глядя в горящие красным глаза.

– Подвох в том, что мы с тобой станем гонцами, которые приносят плохие вести, – вздохнула тварюга. – Сам знаешь, что с ними делают, а еще их не особо любят. Ну вроде как. Но я готов рискнуть. Не хочу, чтобы она жизнь себе поломала, выскочив за него замуж. Если до этой новости я еще слегка пасовал, то сейчас все, время вышло. Финита ля комедия. Или мы, или никто.

– Я согласен, – без раздумий ответил Люциан.

О чем тут, собственно, думать? Если Лена доверяет этому... Дракуленку, то он ему доверяет тоже. Не говоря уже о том, что это единственный рабочий план без кучи многоходовок и вовлечения Сезара.

– Ну ладно. Беру свои слова назад, ты не тупенький. А очень даже умненький, если не сказать смеленький.

– Когда встречаемся? – уточнил Люциан. – И где?

– Проще всего здесь же. Так же договоримся с Максом о встрече, скажем, сразу после выходных. Свяжешься с ней, я проведу сеанс мозговозвратательной беседы... только сразу предупрежу, Ленке ко мне приближаться нельзя. Точнее, мне к ней. Это Альгор все так устроил, поэтому если она решит сразу прыгнуть сюда порталом, мне придется исчезнуть.

– Начни разговор с этого, – посоветовал Люциан.

– Говорю же, умненький, – подчеркнул Дракуленок. – Значит, замечано...

– Что?

– Договорились! Будь на связи, принц.

– Это из ее мира слово? Принц? Ругательство какое-то?

Дракуленок икнул. Потом выпустил из носа струйки призрачного пламени, будто подавился смешком.

– Да, самое мерзкое, что только можно себе представить. Все, до встречи! Нас ждут великие дела.

Он растворился в пространстве, на миг заставив его потемнеть и окатить комнату холодом. Люциан успел только снять *Cubrire Silencial*, как снова ожил виритт.

«Вам сообщение, Люциан Драгон. От Амиры Аллейн».

Глава 20

Лена

– Мне осталось совсем чуть-чуть, – говорю я. – И можем все делать. На этих выходных, например.

Соня расцветает на глазах. Я уже давно не видела ее такой счастливой, она будто светиться начинает. Если темная магия такому способствует, даже не знаю, стоит ли ее называть темной. Но у меня и правда почти все готово, расчеты завершены, все схемы почти выверены. Почти – потому что дать их на проверку мне некому, Валентайн точно такое не одобрит.

Сезар... Сезар вообще не знает, что София – это Соня.

А что касается меня, я волнуюсь. Я очень волнуюсь, поэтому и буду проверять и перепроверять все по десять раз, чтобы не вышло осечки. Потому что в случае с темной магией осечки недопустимы, особенно когда рядом будет моя лучшая беременная подруга.

У Сони уже заметно округлился животик, для нее даже сшили специальную форму: верх платья белый, как блузка, а потом переходит в темно-синюю юбку. Но все это сделано так, чтобы не давить на живот. Пиджак она носит обычный, как мы все, и постоянно пытается этим самым пиджаком прикрыться.

– Не верится, – закусив губу, произносит Соня. – Мне просто не верится, что я увижу маму...

Осекается, и на ее глаза наворачиваются слезы. Я тут же сажусь к ней и обнимаю, крепко-крепко. Мне хочется поделиться с ней своими

силами, уверенностью в том, что все будет хорошо (а как же иначе). Пока что я по-прежнему ничего не говорю о возможности не просто увидеть маму, но и поговорить с ней, а еще всерьез задумываюсь, как вообще все грамотно провести.

Екатерина Андреевна, Сониная мама, помнит нас совершенно другими. Да и я сама, честно, будь я на ее месте – если бы ко мне из подпространства явились две полудикие от счастья девицы совершенно непонятной внешности и сообщили, что одна из них моя погибшая дочь, а другая ее бесследно исчезнувшая подруга, в лучшем случае позвонила бы психологу. В худшем – в дурку, а совсем в ужасном – словила бы инфаркт.

Поэтому помимо проверки схем я сейчас вспоминаю все-все-все мельчайшие детали, как и где мы общались в последний раз, о чем говорили, выписываю их себе, чтобы начать с них и сразу привести доказательства, что никто здесь с ума не сошел, вызывать скорую не надо и Винчестеров – тоже. Так что работы у меня хоть отбавляй, помимо того, занятия никто не отменял.

В том числе драконьим. Вот только мне с какой-то радости стало невыносимо легко им заниматься. Даже Соня удивляется, не говоря уже о магистре Доброе утро. Он, правда, в своем репертуаре, сообщает:

– Не представляю, что с вами сделала София Драгон, такие методы надо продавать, и задорого.

Но мне все равно. Вообще не представляю, что произошло, меня как будто перепрошили. То, что никак не могло уложиться в голове раньше, сейчас выстраивается легко, я бы даже больше сказала. Ему вовсе не надо выстраиваться, оно как будто там было всегда.

– Все будет хорошо, – говорю я Соне. – Все правда будет хорошо.

Если все пройдет легко, смогу ли я открывать ей этот канал связи постоянно? О таком пока думать рано, но мне очень хорошо думается. И я даже знаю, с чем это связано. В светлой магии очень много ограничений, в темной – никаких. Она открывает такие возможности, с которыми в самом деле можно почти все. Пределы только в рамках твоих собственных сил и контроле, который нужно держать, чтобы не позволить ей взять над тобой верх. Но я справлюсь. А как иначе?

– Правда? – она скидывает голову.

– Правда. Я узнавала.

Соня смеется сквозь слезы и, даже несмотря на внешность Драконовой, так невероятно становится похожей на себя из той, другой жизни, что я улыбаюсь тоже. Мне хочется, чтобы она чаще смеялась. Мне хочется, чтобы она была счастлива. Так же, как сейчас счастлива я.

На новость о моей свадьбе Соня отреагировала как-то мимолетно, но с такими новостями и ее настроением – неудивительно. Тогда она просто бросила:

– Поздравляю.

Сейчас же вдруг говорит:

– Я была не самой лучшей подругой все эти месяцы.

– Серьезно? Я не заметила.

Она качает головой.

– Серьезно. Лен, как ты меня вообще терпишь?

– Да вот приходится, – мрачно говорю я.

За что получаю тычок локтем под ребра.

– Эй! Ты же говорила, что ничего не заметила!

– Это я из вежливости.

Соня кидает в меня диванной подушечкой. Учitando, что мы сидим рядом, это даже не кидает, а, скорее, хочет меня стукнуть. Я перехватываю подушечку, и между нами затягивается небольшой дружеский бой, а точнее, перетягивание подушки вперед-назад. Учitando, что Соня сидит на диване, а я на подлокотнике, мне грозит кувырнуться, если она ее отпустит, но подруга не сдастся. Мы пыхтим и пытаемся солидно не ржать, но не получается. В конце концов я отпускаю подушечку, Соня тоже, и она улетает на пол.

– Я толком и не поздравила тебя с помолвкой, – проследив ее полет, говорит подруга.

– Можешь сделать это сейчас, – фыркаю я. – Хотя в принципе, подарками принимаю тоже.

Соня не успевает ответить, потому что дверь распахивается. Нам невольно приходится снять Cubrire Silencial: в гостиную шагают Сезар и Валентайн. Оба серьезные и сосредоточенные, Сезар даже какой-то хмурый.

– Что случилось? – вырывается у меня.

– Ничего особенного, – Валентайн шагает ко мне. – Но в Хэвенсграде усилены защитные меры. Теперь темная магия под

запретом, как и на территории Академии, за исключением нашего дома. По всему Хэвенсграду протянуты такие же заклинания.

Я вспоминаю чуть не спаливший меня шар, сеть Грихмира и орущую магическую сигнализацию, которая привела ко мне Лэйтора и команду, и ежусь.

– А если Дракуленок захочет меня навестить?! – вырывается у меня.

Этот свин, конечно, не приходил очень давно, но...

– Он почувствует защиту, не переживай, – не меняясь в лице, говорит Валентайн.

Я закусываю губу, но тут уже срывается Соня:

– А здесь? – чуть ли не кричит она.

– Что – здесь? – Валентайн переводит взгляд на нее.

– Здесь теперь тоже такая система?

– Разумеется, нет. Вы за городом, а кроме того, мы с Сезаром возобновили тренировки. Собственно, об этом мы тоже собирались сказать, – Валентайн кивает. – Так что у вас еще пара часов, девушки. Наслаждайтесь.

Они выходят, и Соня облегченно вздыхает.

– Ух, я...

– Тс-с-с! – прикладываю палец к губам. Добавляю уже совсем еле слышно: – Чуть не спалились.

Подруга кивает, а я с грустью думаю о своем загранном друге. Я понимаю, что он зверь вольный, если не сказать, дикий, да и делать ему в Хэвенсграде нечего даже до установки этой системы было. Не людей же жрать, в самом деле, да и по улицам просто так не побегаешь. Но я все равно скучаю.

– Пойдем погуляем? – предлагает Соня. – Пока дождь опять не пошел.

Я с радостью соглашаюсь. Во-первых, Соня давно такого не предлагала, а во-вторых, осень в их с Сезаром парке ну просто потрясающе красивая. Золото мешается с насыщенной зеленью, дорожки уже начинают устилать ковры листьев. Мы идем вместе, шуршим ими, совсем как в родном Питере, и в этот момент я бесконечно и безоговорочно счастлива.

Соня

После ухода Лены Соня вернулась в дом. Будь ее воля, она бы ее не отпустила. Если бы можно было сделать, чтобы Лена жила здесь, Соня приложила бы к этому все усилия. Но получиться такое могло, только если бы Лена была, как и она, одинока. А Лена была очень даже счастлива и собиралась замуж. Стоило порадоваться за подругу, и Соня пыталась изо всех сил. Но не получалось. Очень сложно радоваться за кого-то, когда ты сама несчастна.

А ведь она думала, что у нее-то как раз все будет иначе. Глядя на своих родителей, Соня точно знала, что ее семья будет другой. Счастливой, это непременно. В ней не будет ссор, недоговоренностей, отчуждения и измен. Она точно знала, что не позволит, чтобы такое случилось с ней и ее любимым мужчиной. Точно, да... не точно. Все получилось ужасно, если не сказать больше. А главное, теперь и выхода особого не было, просто выйти замуж за принца – это полбеды. Гораздо страшнее оказаться от него беременной. Носить полудраконенка с королевской кровью.

Кошмар!

Соня так до конца и не определилась, что чувствует к этому ребенку. Наверное, она должна была его любить. Ждать. Находить в нем отдушину. Но все, что она чувствовала – это отвращение и раздражение. Да, она отказалась от идеи избавиться от него. Опять же благодаря Лене. Благодаря Лене ей удалось проникнуться к этому нерожденному пока еще малышу сочувствием. Но сочувствие и любовь – разные вещи. Она бы хотела любить того, кто растет внутри. Не просто любить, считать минуты и часы до его появления, но все это у нее отнял ненавистный Сезар!

У-у-у, как же она его ненавидит! Если бы можно было отмотать время назад и все изменить, Соня обходила бы его десятой дорогой. И уж точно не соглашалась бы на все эти занятия «из чувства долга». Все он делал якобы из чувства долга! Драконов лицемер!

Глубоко вздохнув, она направилась в столовую. Вообще-то чем меньше Соня ходила по этому дому, тем лучше себя чувствовала, но семейный целитель посоветовал ей как можно больше открытого пространства и приятных впечатлений. Не замыкаться в себе, гулять, ужинать вот, например, в столовой, а не только у себя в спальне.

– Это полезно для ребенка, – сообщил он. – И для вас тоже, тэрн-ари София.

Для нее полезно развестись! Никогда больше не видеть Сезара и не быть от него беременной. Этого Соня тогда не сказала, а жаль.

Двери в столовую перед ней распахнул мужчина в ливрее. Как-то его там звали, она не помнила. Ей представили всех слуг, но запоминать имена не было ни сил, ни желания. Соня шагнула в просторную комнату и замерла. Потому что за столом сидел ее ненавистный супруг.

– Мне казалось, мы договаривались, что едим в разное время, – сухо произнесла она.

Договаривались, но сегодня стол был накрыт на двоих. Пусть даже сидел Сезар на противоположном его конце, далеко от нее, семейные ужины так или иначе не входили в ее планы.

– Договаривались, – Сезар поднялся, шагнул ей навстречу. – Но это не может больше так продолжаться.

– Так – это как?

– Я твой муж, ты моя жена. У нас будет ребенок, София. Даже сейчас ему вредит то, что между нами происходит, не говоря уже о том, что будет, когда он родится.

Соня приподняла брови и обхватила себя руками.

– Да? И что ты в таком случае предлагаешь?

– Я предлагаю забыть обо всем. Ради нашей семьи.

Невероятно. Просто невероятно!

– Хорошо, если у тебя такая короткая память, Сезар, – с трудом сдерживая подступающее негодование и ком в горле, произнесла она. – Но у меня она чуточку длиннее. Самую малость! Поэтому уж прости, но я забывать ничего не собираюсь...

Сезар шагнул к ней вплотную. Его руки легли ей на плечи, и Соне показалось, что мир зашатался. Что вся столовая – вытянутая, как и сервированный стол, растягивается, расплывается, как и три высоченных окна, за которыми уже сгустился осенний вечер. Даже несмотря на яркий свет от питаемой артефактами люстры, у нее потемнело в глазах.

– Н-не трогай, – прошептала она, чувствуя, как все внутри сжимается от ужаса.

Наверное, никогда не наступит день, когда его близость будет действовать на нее иначе.

– София, – вместо того, чтобы отступить, Сезар сжал руки сильнее. – Я просто хочу, чтобы все было иначе. Я делаю это ради нас. Ради нашей семьи...

Он уже что-то говорил про «ради нашей семьи», но сейчас Соня и половины из того, что происходит, не понимала. От дикого, животного ужаса, рожденного его прикосновениями. Объятия мужчины должны вызывать совершенно иное чувство, они должны давать защиту, сейчас же она лишь чувствовала, что ей не хватает воздуха, а внутренности сжались в тугой маленький комочек. Который куда-то поплыл вместе с ней, когда Сезар пробормотал слова заклинания. Единственное, что она уловила краем гаснущего сознания – заклинание. Сквозь которое размывалось происходящее и произошедшее, и то, что было в памяти, стало далеким, неважным, пустым...

И вдруг снова вернулось. Страхи, ощущения, память. Расширенными глазами Соня смотрела в почерневшие глаза мужа, который вдруг глухо застонал, отпустил ее плечи. Пробормотал:

– Я не могу. Прости.

Обращаясь больше к ней? Или к себе?

Сезар вышел так поспешно, что остался лишь терпкий аромат его туалетной воды. Когда-то заставлявший Соню мечтать о большем, когда-то – пугающий до дрожи, но сейчас она вдруг ощутила себя так, будто глотнула воздуха после длительного удушья. Сама не понимая, что произошло.

Накрытый на двоих стол теперь казался слишком большим, она сама не могла ответить, почему так. Ведь раньше ела за ним – и все было хорошо. А значит, и сейчас надо...

Соня приблизилась к своему месту, коснулась приглашающего артефакта, и в столовую тут же вошли слуги. Один отодвинул ей стул, другой снял крышку блюда, поинтересовался, какой напиток предпочитает тэрн-ари. Соня выбрала ягодный морс, которым тут же наполнили ее бокал.

Расстилая на коленях салфетку, она прикоснулась к приборам. Украдкой бросив взгляд на сервированное второе место, которое сейчас пустовало. Сама не понимая, почему впервые за долгое время после ухода Сезара она чувствует не облегчение, а острое, саднящее одиночество.

Глава 21

Люциан Драгон

– Драгон, может, ну его? – уточнил братец Ленор, глядя почему-то за его плечо.

– Ну его?

– Все-таки это... существо... ну, ты ему доверяешь?

Люциан приподнял брови.

– А ты? Это ты, между прочим, меня с ним свел.

– Сейчас все изменилось, – произнес Макс.

– За два дня?

– Да не за два дня. После случившегося. Откуда ты, например, знаешь, что он не использует тебя в своих целях? И почему такая секретность? Ты в моем доме, и он в моем доме. Который, между прочим, накроет сетью и здесь появятся боевые маги... Ты хоть понимаешь, что опять начнут говорить, что в доме Ларо опять мутят что-то с темной магией? Родителей, конечно, оправдали, но Хитар...

– Так. Мы вроде все обсудили. Секретность – потому что это тайна твоей сестры, – Люциан сунул руки в карманы. – Захочет – все сама тебе расскажет, не захочет – тут я бессилён. Ее заставить что-либо делать невозможно. Всю ответственность за происходящее я беру на себя. То есть с боевыми магами общаться буду я, а не ты.

– Да они мгновенно появятся. И Альгор...

– Мне хватит нескольких мгновений.

Макс как-то тяжело вздохнул, но только махнул рукой.

– Как знаешь.

Люциан пристально посмотрел на него, но тот больше не сказал ни слова.

– Где кабинет ты тоже знаешь.

Это было что-то новенькое, но Макс за ним не пошел. Напротив, взлетел по лестнице вверх, оставив его одного. Нахмурившись, Люциан посмотрел ему вслед, а после направился знакомой уже дорогой в кабинет, который когда-то принадлежал отцу Ленор, после Равену, а теперь его занимал Макс. Сдаваться он точно не собирался, хотя защитные меры, конечно, добавляли определенного рода сложности. В частности, потом наверняка придется объясняться с отцом, но это он как-нибудь переживет. Зато Лена будет знать правду. Ну а сложности... они всегда были, есть и будут.

Надо было, конечно, делать это сразу. Но сразу не получалось: на выходные Лена уезжала с драховым Альгором на острова. Уже одна эта мысль сводила с ума, даже если не развивать ее дальше. Ко всему привыкаешь, но привыкнуть к тому, что твоя женщина... точнее, женщина, в которую ты до безумия влюблен, с другим, не получится никогда. По крайней мере, ему это не удавалось.

Если честно, Люциан смутно представлял, что будет – после того, как Дракуленок откроет ей правду.

Смешное имя. Жуткий зверь. Но Лена обладала такой особенностью: все самое жуткое делать светлым. Даже непонятно, как он мог настолько заблуждаться по ее поводу. Непонятно, как в ней вообще уживалась эта темная магия, но без разницы. Темная, светлая, Люциан давно понял, что для него это не важно.

Она такая, какая есть. И она нравится ему такой. Хотя «нравится» – не то слово.

– Ты на своей Ленор Ларо помешался! – выдала ему Амира во время их последнего разговора.

Какое-то время они вообще не общались. После того случая, когда он пролетел мимо нее и ее родителей в кабинете, когда ее собирались отчислить. Якобы собирались. Эстре на это все-таки не пошла, что в очередной доказывало: у ректора все-таки есть мозги. Не совсем она повернутая на дисциплине и правилах. Случись, конечно, ей все-таки попытаться Амиру отчислить, Люциан использовал бы все ресурсы, чтобы этого не случилось, но пронесло. Амира же обиделась на то, что он просто бросил ее в тот раз и долгое время с ним не разговаривала.

Ночью, когда Люциан встречался с Дракуленком, все изменилось. Она написала, что была неправа, сказала, что хочет поговорить. Вот во время их разговора на следующий день, когда он объяснил, что узнал кое-что важное о близком друге, что ему нужна помощь, поэтому так и ушел, Амира спросила:

– Ему или все-таки ей?

– Даже если ей, какая разница?

– Разница большая! Ты на своей Ленор Ларо помешался.

Потом она, правда, извинилась. Сказала, что очень расстроилась и перенервничала, когда речь зашла об отчислении, а еще – что ей здорово досталось от родителей. Несмотря на сильную магию, дела у

них в последнее время шли не очень, и узнав о том, что дочери грозит отчисление, они, мягко говоря, не обрадовались.

– Мне запретили с тобой общаться! – воскликнула она, почему-то отводя глаза.

– Так ты поэтому меня избегала?

– Нет. Я... мне просто было очень больно, Люциан. Я думала, что я тоже твой близкий друг. – Это было совершенно искренне, а в синих глазах даже сверкнули слезы, и ему вдруг стало стыдно. Драг его знает, откуда это чувство взялось, раньше оно в нем в принципе не водилось.

– Я сожалею, Амира, – искренне произнес он. – Я правда очень тебя ценю, ты потрясающая.

– Но я не Ленор, – пробормотала она.

– Ты не Ленор, – подтвердил он. Не стал отшучиваться, сворачивать с разговора или вообще игнорировать, как раньше поступал со всеми своими девчонками. Тем более что дружба с ней – никакая не дружба, вполне очевидно, что она просто в него влюбилась. Такое уже случалось, точнее, такое случалось постоянно, и раньше ему было плевать. Но не с Амирой. Во-первых, она отчаянно напоминала ему сестру. Во-вторых, чужие чувства – это не игрушка. Стоило ощутить это на себе, чтобы понимать, как не стоит поступать с другими. Поэтому Люциан произнес: – Я пойму, если ты не захочешь дальше общаться.

– Я... что? Нет! – Амира покачала головой. – Нет, Люциан, давай просто... Давай останемся друзьями, хорошо? Даже если я тебя не так поняла, я все не так поняла... для меня это очень важно!

Она смотрела ему в глаза, и Люциан сразу понял, что дружбы у них не получится. Девчонка была влюблена в него по самую макушку, а он это допустил. Не просто допустил, еще и поощрял. Ничего нового в общем-то. Но вместо того, чтобы как обычно ее отфутболить (смешное словечко из мира Лены), он произнес:

– Хорошо. Будем друзьями.

Пройдет время, Амира найдет себя парня и поймет, что ей самой эта дружба не очень-то и нужна. А пока... пока пусть будет так. Причинять девушке еще больше боли ему не хотелось.

Вернувшись в реальность, он толкнул дверь в кабинет Макса и вошел. Закрыл ее на замок. Накинул *Cubrire Silencial*, и только после

этого посмотрел на виритта. С Леной он не говорил с того самого дня, как они поругались из-за Альгора. Ходили друг мимо друга, как чужие. Что, если за это время он и впрямь стал для нее чужим? Что, если она не ответит?

С Дракуленком они успели договориться до того, как поставили эту защиту, и в том, что он придет, Люциан не сомневался. Сомневался только в том, как это будет. До появления монстра из Загранья оставалось еще совсем чуть-чуть: но, судя по общению, он вполне разумный. Сориентируется на месте, например, не будет выскакивать сразу. Подождет, пока он свяжется с Леной и только после появится, чтобы успеть что-то сказать до появления Альгора и военных.

Проблема в том, что Люциан сам был военным. Не только тэрнараром, но еще и военным, и знал, что если есть приказ бить на поражение, твари может не поздоровиться. Зная Альгора, ожидать можно всего чего угодно. Даже военные могут не успеть ничего сделать.

В кабинете стало чуть прохладнее, и он произнес:

– Ты наверняка знаешь, чем накрыло Хэвенсград, поэтому пока сиди, где сидишь. Я сейчас попытаюсь поговорить с Леной, вылезешь только когда она мне ответит.

А Лена не отвечала. Несколько вызовов виритта остались без ответа, но он продолжал. Нельзя допустить, чтобы она вышла за Альгора, не зная правды. Если сейчас отступить, то...

– Люциан, ты не понимаешь намеков? Я не хочу с тобой говорить.

В этот момент он облегченно вздохнул. Если Лена не хочет говорить, она не говорит, сей факт даже он уяснил. К счастью, она хотя бы ответила.

– Лена, с тобой хочет поговорить Дракуленок. Ему есть что тебе сказать, но Альгор сделал что-то, благодаря чему он не может к тебе приблизиться.

Ее лицо снова изменилось. Брови сошлись на переносице.

– Тебе не живется спокойно, да?! Зная, что я счастлива? Обязательно надо все испоганить? Солгать?

Я живу только для того, чтобы ты была счастлива, чуть не вырвалось у него. Потому что у этой мысли было и продолжение: со мной.

– Ты мне не доверяешь, это я уже понял. Поэтому с тобой хочет поговорить он. Учитывая, какое сейчас в Хэвенсграде положение, времени у вас не то чтобы много. Поэтому просто выслушай его. Это важно.

Лена какое-то время колебалась, а после кивнула. Она еще не вернулась к Альгору, что радовало. Не могло не радовать. За ее плечами отлично просматривалась ее комната в Академии... та самая, где они разругались окончательно. Где он ее в последний раз целовал.

Люциан глубоко вздохнул, а после произнес:

– Твой выход.

Ничего не случилось. Тишина резала слух – такая, что, кажется, можно было услышать биение сердца Макса на втором этаже.

Люциан обернулся. Он точно знал, что монстр был здесь, он же почувствовал его присутствие... да он до сих пор чувствовал его присутствие, но по какой-то причине тот не спешил появляться. Чего он ждет?!

– У нас мало времени, – повторил он. Слегка раздраженно.

Ничего не произошло снова.

Лена прищурилась.

– Откуда ты узнал о Дракуленке? – холодно спросила она. – Хотя стой. Это кабинет Макса? Ты что там делаешь?

– Мы собирались с тобой поговорить! – процедил Люциан. – Потому что иначе не получалось. Но, видимо, что-то случилось, он не хочет выходить, или не может.

Она покачала головой.

– Поверить не могу. Ты еще и Макса в это втянул.

– Во что?! Почему ты мне не веришь?! – чуть ли не прорычал он. – Что я такого сделал, что ему ты веришь слепо, а меня подозреваешь во всем, в чем только можно?

– Люциан, я больше не хочу с тобой говорить. – Лена в упор посмотрела на него. – Никогда. Ни-ког-да, понимаешь?

– Если ты все это слышишь, сейчас самое время выйти! – прорычал Люциан, обращаясь уже не к ней и ни на что особо не надеясь.

Ответом ему по-прежнему была тишина, а вскоре виритт сообщил, что Ленор Ларо ушла. От ярости и собственного бессилия захотелось крушить все вокруг, но Люциан только сжал кулаки и

зарычал уже в голос. Что эта скотина устроила?! Струсила в самый последний момент?! Не захотела появляться, чтобы не нарываться на неприятности?

– Он не м.ж..т, – донеслось тихое сзади.

Резко обернувшись, Люциан наткнулся взглядом на Этана. Раньше ему казалось, что он сходит с ума, но сейчас...

– Ты, к драхам, кто?

– Не уз...ешь? – Голос звучал глухо, словно доносился из другой комнаты, а может быть, даже из другого дома. Приходилось прилагать невероятные усилия, чтобы расслышать слова, часть из которых терялась или терялась наполовину.

– Этан? – все еще не веря, сомневаясь даже в своем предположении, переспросил он. – Но как это возможно? Почему я могу тебя видеть?

– Э... нев... но. Ем... нуж...а тв... п...м...щ.

– Помощь?! В чем?

– Зд...сь была ловушка. У н...го мал... вр...м...ни. Распут...вай х...л...д...

Последнее Люциан вообще еле расслышал, а очертания друга, и без того бледные контуры, растаяли в темноте кабинета. Если он и понял что-то, так это то, что Дракуленок попал в какую-то расставленную здесь ловушку. Кем? Судя по всему, времени выяснять не было.

Распутывай холод? Что это вообще значит?

По кабинету и правда тянуло близостью Загранья, и Люциан сделал шаг вправо. Стало теплее. Влево, ближе к столу – еще теплее. А вот если отойти к окну, здесь становилось холоднее, и при том ощутимо. Значительно. Он шагнул еще ближе. Остановился.

На военном он познакомился с поисковыми заклинаниями. Простейшими, созданными для того, чтобы находить следы, не запутанные порталами. Сейчас одно из таких он и запустил: тонкую нить, тянущуюся к обнаружению любого существа рядом с ним. Не особо рассчитывая, что сработает, замер, позволяя искрам соединяться в контуры, заплетаться, расплетаться, пока...

Вокруг все потемнело, словно резко выключили свет, звуки и запахи. Мгновение – и он увидел бьющегося в силках монстра. Его словно оплели паутиной, она искрилась серебром, напитанным тьмой.

Чем сильнее он бился в этих сетях, тем слабее становился, Люциан даже видел как рывки с каждым разом становятся все менее ощутимыми.

– Стой! – произнес он. – Остановись, ты же силы теряешь.

Монстр посмотрел на него, посмотрел так осознанно, что пробрало.

– Альгор-р-р, – прошипел он, – твар-р-рь. Мне нужно было догадаться... но я слишком привык к тому, что неуязвим... почти. Не заметил.

– Это что? – уточнил Люциан, глядя на сплетение магических контуров.

– Призрачные силки. Только ими меня можно накрыть, это высшая темная магия.

Час от часу не легче.

– Как это разобрать?

– Здесь есть слабые точки. Я не вижу, но ты можешь поискать.

– А если не найду?

– За час или даже меньше они меня выпьют.

– То есть?

– То есть я сдохну, Драгон! – рыкнул монстр. Сейчас он казался на удивление беспомощным, а это чувство Люциан ненавидел. Ненавидел беспомощность. – Сначала перестану трепыхаться. Потом сдохну. Потом рассыплюсь тленом. Соберешь меня в горсточку, принесешь Лене и скажешь, что она была редкостной душой!

Теперь в нем слышалось еще и отчаяние, поэтому, глубоко вздохнув, Люциан шагнул ближе и положил ладонь прямо на клыкастую голову.

– Не бойся. Я тебя вытащу.

– Это кто тут боится?! – кляцнул зубами монстр. Потом рыкнул. И замолчал.

Люциан же потянулся к плетению, незнакомому, наполненному темной магией. Из того, что он успел почерпнуть на занятиях Альгора же, темные плетения – сами по себе ловушки. Обращаясь к ним, надо быть очень и очень внимательным, поэтому сейчас он просматривал точки оплетающих монстра силков по нескольку раз. Некоторые светились ярче, некоторые – слабее, но в каких-то чувствовалась

ледяная мощь, а в каких-то – просто искрила, как поддержка. Но совсем слабых он не видел.

Что, если эта слабость в кои-то веки не в узлах, а в течении? Он посмотрел на линии внимательнее, провел по ним ладонями. Дальние оказались прочнее, а вот ближние...

– Кажется, я нашел, – произнес он.

– Что?

– Линии, слабые точки на линиях.

– Эй, ты же знаешь, что плетения заклинаний нельзя разбирать с линий, да?

– Лет с семи.

Люциан осторожно всмотрелся в течение магии. Если нарушить линию, отдачей ударит так, что мало не покажется. А если взять узел, например, и перетянуть его на самое слабое течение...

Хм, пожалуй, должно сработать.

Магический контур вспыхнул, когда он осторожно подвинул ближайший узел в сторону слабой нити. Монстр взвыл.

– Эй! Ты чего? Больно что ли?

– Щекотно! – рявкнул Дракуленок. – Давай уже, не тяни, ты принц или принцесса?

– Драхина неблагодарная, – не остался в долгу Люциан. Но чем тянуть, лучше и правда сделать быстрее, нить была ровная и без засечек. Поэтому узел он сдвинул легко и быстро, ударил по нему разрывом в самой слабой точке пульсирующей нити. Которая надорвался и начала расползаться, как неудачно сшитый костюм.

Монстр мгновенно взрычал, отряхнулся от остатков, выскальзывая из них.

– Ну все, жить будешь, – сообщил Люциан, отряхивая руки. Делая вид, что не чувствует, как пот струйкой стекает по спине. Монстр дернул ноздрями, словно собрался что-то сказать, и в этот момент остатки сети полыхнули, напитываясь тьмой.

– Портал, Драгон! Открывай портал! – рявкнул Дракуленок, а потом его ослепило вспышкой.

Сначала вспышкой. Его накрыло потоком магии, затем острой разрывающей грудь болью. Прежде чем сознание отключилось, он успел услышать вой сработавшей городской защиты.

Глава 22

Валентайн Альгор

– Ты все сделал правильно, – произнес Валентайн.

На мальчишку было жалко смотреть: он переживал так, каких чувств сам Валентайн никогда не испытывал. Или, возможно, забыл. В последнее время он все реже вспоминал о матери и о том, что было рядом с ней, а когда вспоминал, эти чувства казались далекими, забытыми, размытыми, как смазанный утренним туманом пейзаж.

– С ним все будет хорошо? – уточнил Максимилиан.

– Наверняка. Я провел первичное исследование, но сейчас пойду и проверю повторно. Пока им занимается личный целитель Фергана.

Парень снова вздохнул. Судя по опущенным плечам, на него словно весь парящий остров с академией Драконова возложили.

– Ты предупредил его, – напомнил Валентайн, – и я тебя предупреждал. Это существо опасно, даже несмотря на дружбу с твоей сестрой. Сейчас нельзя доверять никому, кто приходит с той стороны. Адергайн и темная магия способны изменить любого.

– Я... просто если бы я думал, что он нападет... – Максимилиан снова опустил глаза. – Если бы я был уверен, я бы совсем по-другому Драгона отговаривал.

– Теперь ты уверен. Запомни: он снова может попытаться связаться с тобой так или иначе. Он будет пытаться подобраться к твоей сестре всеми возможными способами. Будет лгать, придумывать всякое, чтобы втереться в доверие, чтобы кто угодно привел его к ней.

– Почему бы просто не оставить ее в покое?! – Максимилиан сжал кулаки, его глаза сверкнули. – Ты же сможешь ее защитить?

– Я – да. Ото всех, – Валентайн положил ему на плечо ладонь. – В этом можешь не сомневаться.

Тот снова вздохнул, но выглядел уже пободрее.

– А здесь? Что теперь будет здесь? Из-за этого всего...

По дому рыскали военные. Проверяли темные очаги, и Валентайн их не останавливал. Пусть поищут, все равно здесь больше ничего нет.

– Я разберусь. Для всех это нападение на тэрн-ара, вряд ли Ферган захочет придавать это дело огласке. Особенно когда узнает, что его сын добровольно пошел на такое.

– Почему не захочет? Из-за репутации Люциана?

Потому что такой ход оставить без ответа нельзя. Он уже прокололся, когда отказался от переговоров с Адергайном после

разрушения гарнизона, если Ферган ничего не предпримет после нападения на своего сына... Валентайн усмехнулся. Раньше он считал, что отец зарвался, сейчас понимал, что достойных правителей среди светлых нет. Сезар, нерешительность которого можно разделить на троих, и все равно ее будет много. Ферган, зубами вцепившийся во власть, на деле ничего из себя не представляющий. Люциан Драгон... это вообще отдельная история. По его недальновидности можно учебник писать. Анадорские – вообще смех.

– Можешь мне поверить, не захочет, – не стал углубляться в тему Валентайн.

То, что призрачный мясник не оставил своих попыток поговорить с Леной, он осознал у себя в кабинете. Когда к нему ворвался разъяренный Драгон, требующий рассказать ей правду. Да, ее питомец пытался быть осторожным и остаться незамеченным, но Валентайн с каждым днем чувствовал Тьму все глубже, поэтому ничего и не вышло. Поэтому он и предположил, что мясник может попытаться связаться с Драгоном.

Единственным, через кого он мог это сделать, не рискуя быть сразу же атакованным – брат Ленор. Поэтому короткий разговор с Максом на тему угрозы его сестре сделал свое дело. Поэтому сразу, как мясник к нему заявился, тот попытался с ним связаться. Но на тот момент Валентайн выбросил виритта в городскую спальню, а когда вернулся... Экстренные меры по защите Хэвенсграда поддержали и Керуан, и Ферган. Тэрн-арху надо было восстанавливать свои позиции, а Керуан давно уже играл в поддавки.

– Думаю, Ленор лучше об этом не рассказывать, – произнес Валентайн. – Зная ее, она сильно расстроится из-за этого монстра.

– Да. Да, я тоже так думаю.

– Все. Мне пора к Драгонам, – хлопнув Макса по плечу, он кивнул на военных. – Не переживай, они быстро закончат, а потом с ними проведут все необходимые беседы. Рапорт все равно мимо меня не пройдет.

– Ладно, – кивнул тот.

Валентайн усмехнулся собственным мыслям и шагнул в портал. Во дворце его уже ждали и сразу провели к покоям Люциана, от которых просто искрило целительской магией. Ее сила, сила личного целителя Фергана, прокатывалась по коридорам. Говоря о том, что с

Драгоном все будет в порядке, Валентайн не солгал. Этому магу хватит сил его вытащить, а когда тот придет в сознание, восстановление начнется на внутреннем резерве.

– Вас ждут, – сообщил побледневший слуга. – На повторную проверку.

Повторная проверка включала в себя поиск скрытых темных узлов, которые могли остаться после столь сильного удара, а впоследствии развиться в вытягивающую силы историю. Темные атаки, заклинания содержали в себе много разрушающих изнутри ловушек, некоторые из которых до поры до времени были незаметны. Некоторые «всплывали» сразу и оставались на всю оставшуюся жизнь, которая могла быть как и очень короткой, так и долгой – в зависимости от того, на что работал такой «крючок».

Большинство из них были неизвлекаемы, поскольку это приводило к мгновенной смерти носителя. Но были и такие, которые достать можно. Если все сделать правильно. В случае с Драгоном Валентайн заранее знал, что ничего обнаружит. В том, что произошло в доме Ларо, скрытым было только боевое заклинание, сработавшее при распутывании призрачных силков.

– Архимаг, я здесь закончил, – произнес целитель, стоило ему войти. Драгон и впрямь выглядел уже получше. – Я просмотрел все, но нужно окончательное ваше слово...

– Выйдите. Помощников заберите с собой.

– Но...

– Вы знаете правила.

По-хорошему, правил было не так уж много. Не успели их еще написать – слишком долго взаимодействие Мертвых земель и Даррании было сведено к нулю. Но то, что находиться рядом во время отслеживания внутренних ловушек темных нельзя, учили даже в Академии на военном, на первом курсе, а целитель Фергана заканчивал именно его. Поэтому сейчас все же собрал своих помощников и ретировался. Оставив их наедине с Драгоном, который еще только приходил в сознание.

Валентайн коснулся его изучающим заклинанием, которое могли почувствовать все, а вот защиту от чужих ушей поставил сразу же. Вовремя, потому что Драгон со стоном открыл глаза, с трудом

сфокусировав на нем взгляд. Хорошо, потому что отдача от этой боевой атаки неслабая.

– С возвращением, – произнес он, глядя на него сверху вниз.

– Тебе... все равно через кого переступить, правда?

– Абсолютно. Если от этого зависит ее счастье, – «проверяя» его, Валентайн особо не церемонился, и мальчишка скривился. – Но тебя я предупреждал. Лично. Повторю еще один раз, и последний: оставь Лену в покое. Она моя.

– Она не твоя... – от боли исследующего заклинания тот сцепил зубы, но все равно выдохнул, – игрушка.

– Она моя женщина. В скором времени – моя жена. Ты или смиришься с этим, или...

– Или что? Убьешь меня? – Драгон умудрился усмехнуться.

Валентайн не ответил. Смерть Драгона ему была не нужна. Этот бесполезный, заикленный только на себе мальчишка, слишком многое на себя брал. Но по сути, не представлял из себя ровным счетом ничего.

– Не боишься, что я пойду к отцу? – процедил тот.

– С твоим уровнем умственных способностей станется. Но любой удар по мне – это в первую очередь удар по ней. Почему-то мне казалось, что ты это понимаешь. – Валентайн закончил с заклинанием и сбросил остаточные нити магии. Не долетев до пола, змеящаяся черная дымка растаяла. – Как я уже сказал, Драгон, она моя женщина. Это ее выбор.

Он сорвал заглушающее заклинание раньше, чем мальчишка успел ответить. Шагнул к дверям, распахнул их.

– Все в порядке, – прокомментировал застывшему целителю и его помощникам. Гардианы, охранявшие вход в покои тэрн-ара, даже не пошевелились. Но, прежде чем Валентайн успел сделать или сказать что-то еще, из ближайшего коридора вылетела рыжая молния. С криком:

– Люциан! – влетела в комнату, игнорируя охи и ахи бегущей за ней служанки.

– Тэрн-ари! Тэрн-ари, ну пожалуйста, мне приказано вас не пускать... – Женщина чуть ли не плакала, и Валентайн не стал задерживаться на этой семейной драме. Прошел по коридорам к Фергану, на ходу отбросив мысль, придется сегодня общаться с его

человеческой проекцией – в последнее время он часто таким козырял, или с ним лично.

А впрочем, до Фергана ему тоже не было никакого дела. Он просто хотел с этим побыстрее закончить, потому что в Академии его ждала Лена.

Лена

Я не могла перестать думать о том, что мне сказал Люциан. Удивительно, но именно слова этого... принца всегда били точно в цель и причиняли боль. Казалось бы, во мне уже не должно было остаться никаких чувств. Почти год прошел с того момента, когда мы были парой. Хотя мы вообще-то толком никогда парой и не были. Сначала это была игра. Потом он узнал о темной магии. В тот момент, когда что-то вообще могло получиться, но...

Не знаю, зачем он вообще сказал про Дракуленка. Зацепил еще и это. Наверняка ему Макс подсказал, когда Люциан к нему подкатил с просьбой помочь меня хоть как-то разговорить. Потому что по-другому про него узнать было просто неоткуда. А мне еще и дико хотелось с ним увидеться. С Дракуленком. Поэтому после разговора все просто валилось из рук, да еще и Валентайн ничего не отвечал. Он задерживался, я отправила ему несколько вызовов на виритта, но тщетно.

Понимая, что превращаться в девушку, которая написывает своему парню и истерит, что тот не отвечает (потому что реально занят), я не хочу, попыталась снова вернуться к урокам. Но у меня даже драконий опять не клеился, несмотря на то, что стал практически как родной. В итоге я плюнула на все, залезла на подоконник в своей комнате и стала смотреть в окно.

Что самое удивительное, я вообще не понимала, зачем мне эта комната. Ведь учебный год начался раньше, чем объявили особое положение, а мы с Валентайном давно уже жили вместе. Но при попытке понять, как я до нее додумалась, в голове всплывала только какая-то каша из разряда «мне надо». Чтобы было. Потому что. Как я ее получала, я тоже помнила смутно, хотя времени-то прошло всего-ничего. Может это, конечно, и незначительное событие, вроде смены кастрюльки на плите, тем не менее мотив заселения в комнату я должна знать?

Вот и еще одно доказательство того, что Люциан Драгон умудряется перекопать мне мозги, даже будучи на расстоянии. Я начинаю думать какую-то чешуйню. Ну попросила комнату и попросила. Я же помню, как я ее попросила. Как мне ее дали...

На этой мысли я и остановилась, потому что открывшийся в комнате портал (который был разрешен немногим) явил миру и мне Валентайна.

– Заждалась? – Он сходу шагнул к подоконнику и заключил меня в объятия. – Прости, я не мог ответить. Сейчас столько дел, после того, как отец дел натворил. Политика. Бюрократия. Постоянное обсуждение мер безопасности.

Я кивнула, обнимая его. Хотя внутри все равно что-то напряглось. Чтоб тебе икалось и пукалось, Люциан Драгон!

– Пойдем домой, Лена. – Он попытался ссадить меня с подоконника, но я уперлась.

– Подожди. Я хочу поговорить с Дракуленком.

Валентайн посмотрел на меня в упор.

– Ты же знаешь, что он исчез и явно не собирается появляться. Лена, призрачный мясник – не домашний котенок, о которых ты мне рассказывала. Его нельзя приручить, у него не бывает привязанностей.

Да, но... у Дракуленка точно была ко мне привязанность.

– Он меня защищал. До того, как Хитар...

– То, что сделал Хитар, пробудило в нем его истинную суть. Наверняка сейчас он и думать о тебе забыл.

– Он же переживал из-за того, что сделал?

– Мясники не умеют переживать, Лена. Это твари Загранья. Если бы ты знала о них чуть больше, – в голосе Валентайна зазвенело раздражение, – ты бы сейчас не завела этот разговор. Они просто существуют, чтобы охотиться и убивать.

– С ним с самого начала все пошло не так. Он не убил меня, когда Хитар его заставил. – Я замерла, судорожно вздохнула. – Точнее, хотел заставить. Валентайн, ты же все это помнишь! Зачем ты так говоришь?

– Затем, что ты из другого мира. То есть родилась и выросла в другом мире, ты мыслишь другими категориями. Для тебя он как домашний питомец, который попытался тебя покусать и сбежал от стыда. Но нет. Это так не работает. Темные твари, если в них просыпается истинная природа, ненасытны по сути своей, они

рождены и созданы из самой тьмы. Идеальные машины для убийства. Хищники. Да, я помню, каким он был. Но еще я помню, что он мог тебя убить в том подвале, и это, уж прости, гораздо больше на него похоже.

Это резануло не только слух, но и по сердцу. По крайней мере, до этого момента Валентайн не стремился причинить мне боль намеренно. С тех самых пор, как мы начали встречаться, как стали парой, он не произносил таких жестоких слов. Сейчас же это было больше похоже на того архимага, с которым я впервые познакомилась на балу, а продолжила знакомство в его кабинете.

– Может, я и из другого мира, но чувства во всех мирах одинаковы, – сухо сказала я. – Спасибо, что о них заботаешься.

Теперь уже я сама отодвинула его и спрыгнула с подоконника.

– Лена, – Валентайн, разумеется, меня перехватил. Прижал спиной к себе, перехватывая мои руки и лишая возможности отстраниться. – Лена, Лена... Я не хотел тебя обижать.

– Не хотел, но обидел, – отозвалась я. Почему-то мой голос дрогнул. Я уже отвыкла от перепадов настроения по поводу месячных – здесь благодаря очаровательному заклинанию по женской части таким озадачиваться не приходилось. Сейчас же я об этом вспомнила очень хорошо, потому что иначе объяснить свои чувства не получалось. – Я не просто так попросила о встрече с ним, Валентайн. Я хочу его увидеть, каким бы он ни был. Для меня это важно. Если он стал тем самым мясником о котором ты говоришь – пусть. Он мой друг. Как минимум я хочу с ним попрощаться.

Я все-таки изловчилась и повернулась в его руках, чтобы оказаться лицом к лицу с ним:

– Мне он не отвечает. Ты можешь его найти?

Валентайн сдвинул брови, но потом все-таки произнес:

– Ничего не могу обещать, Лена: мясника достаточно сложно найти, если он того не хочет. Но я постараюсь. Сделаю все возможное.

– Благодарю, – искренне отозвалась я. – Для меня это правда очень важно.

Вместо ответа Валентайн привлек меня к себе и поцеловал в губы. Поцелуй мог бы получиться нежным, но вместо этого вышел жестким, властным и подчиняющим. Я уперлась ладонями ему в грудь и слегка, насколько позволяли объятия, отстранилась.

– Пойдем домой? – предложила уже сама. – Я устала.

И с несказанным облегчением, которого точно не должна была чувствовать, увидела, как он открыл портал.

Глава 23

Сезар Драгон

Видеть брата таким было непривычно. Люциан, которому всегда и на все было, по большому счету, плевать, никогда не выглядел так, будто ему плевать на саму жизнь. Вот жизни в нем всегда было в избытке. Несмотря на все его выходки, несмотря на то, как он эту самую жизнь прожигал, его глаза никогда не были такими потухшими, как сейчас.

Это было первое, что Сезар отметил, когда вошел к нему. Потому что сам частенько видел такой взгляд в отражении в зеркале. Он появился, когда осознание того, что София его никогда не простит, накрыло с головой. Да еще задолго до этого, до того, как все случилось, жизни в нем при всей его силе никогда не было столько, сколько в Люциане. Никогда не было столько яркости. Возможно, именно поэтому Сезар так часто его цеплял. Никто не бесил так сильно, как младший брат, и только сейчас он начинал понимать, почему. Ему не хватало этой жизненной силы, которая сквозь брата была ключом, но...

– Нэв, выйди пожалуйста, – попросил он.

В ответ сестренка, сидящая на второй половине кровати, яростно замотала головой.

– Нэв, – голос у Люциана тоже был безжизненным. – Нам с Сезаром нужно поговорить.

Его она послушалась безоговорочно. Нехотя, хмурясь, сползла с кровати, прошла мимо Сезара, вздернув нос. Будто они были чужими. Хотя... они и были чужими. Он рядом с ней всегда исполнял долг старшего брата, никогда не делал ничего сверх необходимости и этого долга. Люциан же всегда был с ней искренним. Пожалуй, до определенного момента сестренка была единственной, на кого ему было не плевать.

– С чего ты решил, что я пришел поговорить? – уточнил Сезар, когда за Нэввери закрылась дверь.

– Обычно ты не приходишь, если тебе не нужно поговорить, – хмыкнул Люциан. Но даже в этой издевке больше не было привычной

саркастичной яркости.

Вместо ответа Сезар накинул *Cubrire Silencial* и посмотрел на него в упор.

– Как ты?

– Жить буду. Не обещаю, что счастливо, но...

– Ты был прав.

Кажется, ему удалось удивить брата, потому что Люциан вскинул брови.

– Ты уверен, что замок устоит после таких слов?

– Шути так почаще, и мне будет спокойнее, – усмехнулся Сезар, но потом снова стал серьезным. – Прав насчет Альгора. Такое заклинание действительно существует, и я почти им воспользовался. Знаешь, когда я спросил его о нем... просто чтобы убедиться в твоих словах, я был почти уверен, что он не ответит. Альгор вообще избегал глубин темной магии, сколько я его знаю. Мы даже тренировали исключительно боевую основу, защиту и контроль. Но в этот раз он...

– Подожди, – Люциан приподнялся на локтях. – Ты просто так спросил, а он просто так ответил?

– Не просто так. Я рассказал про ситуацию с Софией, сказал, что хочу все исправить. Что для меня это невыносимо. А он рассказал. Так легко, как если бы я спросил его рецепт бытового зелья.

– То есть ты считаешь, что он повелся? Что не знает, откуда ноги растут у твоего вопроса?

– Не знаю насчет него, да это и не важно. Важно то, что почти повелся я. И то, как он об этом говорил. Как о само собой разумеющемся. – Сезар только сейчас понял, что до сих пор стоит, поэтому приблизился к кровати, опустил в кресло. – Но я... Знаешь, как работает темная магия? Ее могущество? Осознание того, что ты можешь все исправить, начать все сначала с женщиной, которую любишь... которую почти разрушил сам. Я почти сделал это с Софией. Но я не смог.

– Слава Тамее, – сообщил Люциан. – Ты же понимаешь, что это не выход?

– Сейчас понимаю, – Сезар потер виски. – Тогда – не уверен. Мне казалось, что еще немного – и я заново обрету жену, с которой у меня наконец-то будет нормальная жизнь.

– Нормальная?! – наконец-то у Люциана знакомо сверкнули глаза. – Что нормального в том, что ты получаешь послушную куклу?! Которая считает, что ты ее любишь и доверяет тебе, а на самом деле...

Он неожиданно резко побелел, сжал кулаки и откинулся на подушки. Сезар даже напрягся, но брат просто выдохнул сквозь сжатые зубы и процедил:

– Все хорошо.

– Хорошо, – присмотревшись к нему, Сезар продолжил. – Когда я говорил, что ты был прав, я имел в виду Альгора. Он изменился. Я провел с ним достаточно времени, чтобы это увидеть. Раньше темная магия была для него инструментом, с которым он обращался с филигранной осторожностью. Сейчас для него это... власть.

Люциан не ответил. Сезар даже всмотрелся в брата внимательнее: не пора ли звать целителя, но тот просто молчал. Молчал и сосредоточенно смотрел в одну точку, будто там были сокрыты ответы на все вопросы мира.

– Мы можем предупредить отца...

– Нет, – перебил Люциан.

– Нет?!

– Отец и так только и ждет того, чтобы Альгор остушился, но и Альгор прав: если дать отцу в руки эту власть, полетит все его окружение. Я не хочу, чтобы пострадали Ленор или Макс, они только вылезли из драконьей задницы после подставы родителей. Хватит с них таких приключений.

– И что ты тогда предлагаешь?

– Я предлагаю рассказать все Соне... Софии, – Люциан повернулся к нему.

– Зачем?

– Затем, что Альгор и в ее голове покопался. Чтобы убрать оттуда воспоминания о событиях, о которых не должна была знать Ленор.

Сезар просто окаменел. На мгновение даже показалось, что подлокотники под руками стали ледяными. Он вспомнил о том, что Альгор в самом деле оставался наедине с Софией однажды и резко поднялся, но остановил его Люциан:

– Куда собрался? С Альгором дуэль устраивать? Погоди, умереть еще всегда успеешь. Ну или вляпаться по-крупному. Ты же понимаешь, что в случае с ним мы не можем играть в открытую?

Внутри все дрожало от ярости, но спустя несколько глубоких вдохов и выдохов Сезар вынужден был признать, что и в этот раз брат снова прав. Напрямую он ничего не добьется. По крайней мере, от Альгора. От того, кем он стал. Между мужчиной, разговаривавшим с ним сразу после случившегося с Софией и тем, с кем он виделся недавно, пролегла пропасть. Бесконечная темная бездна.

– Так что ты предлагаешь? – повторил он, разжимая кулаки. На ладонях остались глубокие лунки, хотя Сезар вообще не почувствовал боли. Не почувствовал, когда он эти ладони сжал.

– Рассказать правду Софии. Ленор ее подруга, если она желает ей блага, согласится подыграть. – В глазах брата снова зажглось знакомое пламя, и, хотя ему в этом он признаваться не собирался, Сезар мысленно вздохнул с облегчением. Правда, тут же переспросил:

– Подыграть в чем?

– В том, что ты сделал то же самое, что и Альгор. Если мы заставим его в это поверить, рядом с тобой он расслабится. Ты его видишь. Видишь, каким он стал. Думаю, у тебя получится сыграть темную тварь – не обессудь, если хочешь остановить его до того, как он составит достойную конкуренцию отцу.

– Нашему или своему? – уточнил Сезар.

– Хороший вопрос. – Люциан пристально посмотрел на него. – Мне просто нужно выиграть время и без вашей с Сон... Софией поддержки я не справлюсь.

Он быстро перескочил, но Сезар уловил его оговорку. Вторую, между прочим, за сегодня.

– Почему ты называешь ее Соней?

Люциан едва уловимо нахмурился.

– Так, старая дружеская привычка. Так что скажешь? Как только я сумею оградить Лену от его «заботы», мы сможем действовать в открытую. Не боясь причинить вред ей или ее семье.

Соня, Лена... странные у них дружеские имена. Какие-то необычные сокращения.

– Наивно полагать, что у тебя получится полностью оградить Ларо от всего.

– Посмотрим, – уклончиво ответил Люциан. – Мне сейчас главное понять: могу я рассчитывать на тебя или нет?

– На меня можешь, – Сезар кивнул. – Но сначала мне нужно поговорить с женой. Ты сам знаешь, какие у нас отношения, вам, насколько я понимаю, сейчас тоже не особо дружится.

– Наши отношения – одно, ее отношение к подруге – совсем другое. Упирай на это, – посоветовал Люциан. – Должно сработать.

«Мне бы твою уверенность», – подумал Сезар. Но в ответ только кивнул.

Соня

Она привыкла к тому, что Сезар исчезал поздними вечерами, посреди дня или посреди ночи. По большому счету, раньше она этого вообще не замечала, скорее, узнавала от слуг, когда они зачем-то сообщали ей, что тэрн-ар отбыл по делам, в какое время будет дома – не известно, и все такое. Но сегодня Соня заметила. Точнее, поняла в тот момент, когда сама зачем-то (в точности объяснить себе, зачем, она и сама не могла) спросила у служанки:

– Тэрн-ар Драгон у себя?

– Нет, тэрн-ари, – тут же отозвалась та, расстилая ее постель. – Он ушел очень быстро. Когда вернется, не сообщил.

– Что-то случилось? – спросила она.

– Не знаю, тэрн-ари.

Соне не оставалось ничего иного, кроме как кивнуть. Потом она ворочалась с боку на бок, совершенно не понимая, почему не идет сон, что вообще происходит, и почему ее волнует, куда ушел Сезар. До этого момента... ну ладно, до того донельзя странного ужина, за которым непонятно что случилось, ей было все равно. Она была рада, когда он уходил, не интересовалась его делами и надеялась только на то, что Сезар задержится по этим самым делам как можно дольше. В его отсутствие ей легче дышалось.

Но не сегодня.

Что-то бесповоротно изменилось в тот вечер. Как однажды изменилось тогда, когда он ворвался в ее комнату в доме Драконовых. Только... наоборот? Произошедшее даже она сама себе не могла объяснить. Оставалось только спросить у Сезара.

Зачем? Если между ними ничего нет и не может быть.

Этого Соня не знала тоже.

Тем не менее продолжала ворочаться, открывала окно, закрывала окно, пила воду, сидела в кресле, ходила по спальне. Пока в конце

концов не накинула халат поверх ночной сорочки и не вышла в коридор.

Спальня Сезара располагалась в другом крыле, это было ее желание. Быть как можно дальше от него. На ее комнате тем не менее все равно стояло много охранных заклинаний, а еще этаж охранялся гардианами. Если честно, она не представляла, зачем вообще вышла из комнаты. Ночи уже были достаточно холодными, в парке не погуляешь, не дело это – бродить по дому как привидение.

И все-таки она спустилась в холл, именно там открывались все порталы. Завернулась плотнее в халат, села на небольшой диванчик и стала ждать. Гардианы, сопровождавшие ее, тенями застыли чуть поодаль. Наверное, они тоже задавались вопросом, что тэрн-ари здесь делает, а может быть, и нет. Может, списали это на беременность или на нормальное (наконец-то) поведение жены. В голову Соне лезли все эти глупости, они лезли до тех пор, пока она не разозлилась на себя.

Ну что за идиотизм, в самом деле?!

Она поднялась в тот самый момент, когда пространство раскрылось, и супруг, хмурый как Лозантир и его армия драхов все вместе взятые, шагнул в холл. Увидев гардианов, Сезар откровенно опешил, а затем он увидел ее.

– София? – спросил изумленно, словно не мог поверить своим глазам. – Ты что тут делаешь?

Его взгляд мгновенно скользнул по ее фигуре, а после она почувствовала еще и сканирующее заклинание: Сезар явно подумал, что с ней что-то не то, раз она здесь сидит. Возможно, он был не так уж и не прав.

– Я ждала тебя, – прозвучало странно для них двоих, она потеряла ладони друг о друга.

– Зачем?

– Хотела узнать кое-что.

– Прямо сейчас?

– Да, Сезар, прямо сейчас.

Он больше не стал спрашивать, просто кивнул.

– Пойдем к тебе. Уже поздно, тебе лучше лежать...

При одной мысли о том, чтобы оказаться в собственной спальне, ночью, наедине с ним, внутри все сжалось.

– Нет, ко мне мы не пойдем! – резко произнесла Соня. Правда, тут же добавила уже мягче: – Я не больна, Сезар, я просто беременна.

– Хорошо, – произнес он. – Тогда в мой кабинет.

Его кабинет, в отличие от большинства, в том числе от кабинета Ивана Драконова, располагался на втором этаже. Как выяснилось, Сезар переоборудовал под него гостиную, в которую выходила его спальня. Она поняла это, едва шагнула внутрь и увидела приоткрытую дверь, за которой виднелась большая кровать.

– Для удобства, – пояснил он, проследив ее взгляд и отодвигая для нее кресло.

Соня чуть было не сдала назад, но вовремя себя остановила. Сезар уже сто тысяч раз мог на нее наброситься и сделать все, что угодно. Теперь, к слову сказать, на законных основаниях. Он ее муж, и мог брать ее столько, сколько пожелает. Стоило об этом подумать – и тело снова прошила ледяная дрожь. Она словно снова ощутила эти прикосновения, поэтому замерла как вкопанная.

– София, – отрезвил голос супруга, – ты можешь уйти отсюда в любой момент. Если хочешь, поговорим утром или после занятий.

Соня покачала головой, быстро опустилась в кресло и вцепилась в подлокотники. Обратила на это внимание только тогда, когда Сезар обошел стол и коснулся взглядом ее напряженных рук. Лишь после этого она разжала побелевшие пальцы и сложила руки на коленях.

– Что произошло в столовой во время нашего несостоявшегося ужина? – спросила она. – Что ты со мной сделал?

Брови мужа приподнялись, а после он усмехнулся.

– Я сказала что-то смешное? – Соня посмотрела на него в упор.

– Вовсе нет, – он подался вперед. – Просто совпадение. Я тоже хотел поговорить о том, чего я с тобой не делал.

– О... о чем?! Что ты имеешь в виду?

– А что имеешь в виду ты?

Кажется, это был их первый относительно нормальный разговор впервые за долгое время. Впервые за долгое время внутри не ощущалось этого давящего надрыва, изматывающего, вытягивающего. Это было даже удивительно. Настолько удивительно, что Соня тут же произнесла:

– Во мне что-то изменилось. Я как-то по-другому тебя воспринимаю.

Сезар приподнял брови. Она уже и забыла, как это – вот так открыто на него смотреть. Изучать.

– Это точно не по моей милости. Но раз уж ты заговорила в этом направлении, я хотел убрать твои воспоминания о той ночи. Существует такое темное заклинание.

Соня едва успела открыть рот, как он продолжил:

– Но я этого не сделал. Потому что не смог. Просто не смог, это как... это было бы как то, что я уже сделал, только ментально.

У нее просто в голове не укладывалось то, что он только что сказал. Сезар хотел лишить ее памяти, точнее, части памяти. Убрать неприятные воспоминания, чтобы просто жить дальше? Чтобы она забыла то, что он сделал, но не стал. Почему-то сейчас услышать это оказалось невыносимым облегчением, словно гора с плеч свалилась. Но тогда получается, что... если он ничего не сделал, значит...

«Я как-то по другому тебя воспринимаю».

«Это точно не по моей милости».

– Тогда зачем ты хотел об этом поговорить? – Соня в упор посмотрела на него. – Если ничего не произошло.

– Потому что с тобой оно все-таки произошло. Но это сделал не я.

– Что?!

– Валентайн Альгор. Он убирал из твоей памяти часть воспоминаний о Ленор, о том, что он ей изменил. По крайней мере, Люциан объяснил это так. София, клянусь, я больше никогда к тебе его не подпущу. – У Сезара сверкнули глаза, но Соне как-то резко стало не до его клятв.

– погоди. Ты сказал, Альгор убрал у меня часть воспоминаний про Лену? То есть про Ленор?

Хоть бы он не заметил эту Лену! Но Сезар только вздохнул и хмыкнул:

– Да. Ему важно было, чтобы она забыла обо всем. И он серьезно вмешался в ее память.

– Ты уверен?! – Соня помнила, как Лена спрашивала ее о таком, во время разговора с Люцианом, но она точно не помнила ничего про измену. Если верить Сезару, и не должна была, но...

– Сначала я сомневался. – Он потер виски, как будто у него болела голова. Только у драконов не болит голова, или... Сезар же не может исцелять себя на автомате, как это делают другие светлые. У него

вообще атрофирована эта способность. То немногое, что Соня знала о муже, сейчас почему-то кольнуло сердце сочувствием. – Но потом Валентайн Альгор подтвердил, что такое заклинание существует. Выдал его мне. У меня нет причин не верить брату, а твоя подруга... она до сих пор под ним.

– Значит, его можно отменить. Ты это хочешь сделать?

– Нет. Я не могу, да и Альгор не сможет. Вырезанный кусок памяти не вернуть, это необратимо.

Соня закрыла лицо руками. Свалившаяся на нее информация была слишком. Не говоря уже о том, что из Лены выдрали эпизод ее жизни, который не восстановить, само по себе это было слишком.

– Тогда надо ей все рассказать, – произнесла она. – Прямо сейчас. Сезар, ты говоришь, что ничего не сделал, но само прикосновение к моему разуму, сознанию, или что там затрагивается, сдвинуло меня, мои чувства в твоём отношении. Ты ничего не сделал, но что-то все-таки произошло. Я не представляю, что могло произойти с Леной. Если там было такое вмешательство...

– Люциан считает, что если мы все ей расскажем, Альгор просто повторит этот трюк, – перебил Сезар. – А ты права. В том, что последствия темного вмешательства в разум непредсказуемы. Если мы попытаемся рассказать ей сейчас, Ленор это стерпит?

Соня фыркнула. Чтобы Лена такое стерпела... да она спалится тут же. Нельзя допустить, чтобы Альгор второй раз залез ей в голову.

– Люциан считает. А что считаешь ты? – уточнила она, глядя на мужа.

– Я с ним согласен. Альгор очень сильно изменился, сейчас он опасен. В первую очередь, для твоей подруги. Люциан пытался ей рассказать, и теперь он приходит в себя после сильнейшего удара темной магией.

– Альгор его...

– Нет, – Сезар прищурился, Соня же чувствовала, что у нее глаза стали как блюдца. По крайней мере, по ощущениям. – Но он сделал так, что это произошло. Все подстроил. Я не хочу играть с ним в игры, но по-другому не получается. Нам нужно его обыграть, не зацепив при этом твою подругу. Чтобы понять, как это сделать, нужно время. Как минимум, нужен план.

– И вы думаете, у вас получится?

– У нас. – Поправил Сезар.

– У нас?

– Нам нужно изобразить счастливую пару.

С губ Сони сорвался смешок. Счастливая пара... ей такое даже во сне не снилось. Сезар же, судя по затянувшемуся молчанию и пристальному взгляду, говорил серьезно. Чтобы не отвечать сразу, она обвела взглядом его кабинет. Классический кабинет, массивный стол, бумаги, стеллажи с книгами. Только взглядевшись в портрет, висевший чуть над камином, она замерла. Потому что на портрете была она: в профиль. Разморенная жарой, расслабленная, сидящая в беседке в саду. Один пышный рукав сполз с плеча, делая ее похожей на бабочку, по открытой спине струился шелк волос. Знакомая «живая» техника исполнения шевелила листья на деревьях, а еще было такое чувство, что сама она вот-вот поднимется и улыбнется художнику.

– Что это? – спросила она, когда опомнилась. – Откуда...

– Мне очень тебя не хватало, София. Поэтому я попросил художника изобразить тебя такой, какой увидел однажды. Ты не заметила, когда я за тобой наблюдал.

– Он нарисовал это по-твоему рассказу?

– Да.

Какое-то время Соня молчала. Потом поднялась, подошла к портрету. Даже если убрать «живость» магии, она выглядела так, будто вот-вот с этого портрета сойдет. Она выросла в Петербурге, поэтому с искусством была на ты, не говоря уже о том, сколько красивых и мощных полотен ей доводилось видеть: сила художников струилась сквозь образы, сквозь каждый штрих, но чтобы так написать портрет по описанию...

Она повернулась к Сезару. Все это время он смотрел на нее, оставаясь неподвижным. Словно замер, будто сам был изваянием.

– Ты ходил к Люциану, – догадалась она. – Это произошло только что?

Муж кивнул.

– Как он?

– Уже хорошо. Выберется, целители вытащили, да и сам он сейчас на ресурсах поднимется довольно быстро. Если повезет, завтра уже будет на занятиях.

– Я рада. – Соня закусила губу. – До чего вы с ним договорились? В смысле, какой план помимо счастливой пары?

– Помимо пока никакой. Мы предположили, что Валентайн расслабится, когда узнает, что я поступил так же, как он. Это позволит нам выиграть время и получить преимущество, в том числе он будет знать, что я на его стороне. Расслабится. Возможно...

– Нет, что вы хотите с ним делать? – Соня нахмурилась. – Он же темный. Помимо силы, у него есть еще и Ленор. Ленор, которой мало не покажется, если вы его каким-то образом подставите или что-то такое.

– Мы не собираемся никого подставлять, – Сезар нахмурился. – Мы хотим изучить как избежать последствий темного заклинания, воздействующего на разум, что с этим можно сделать, чтобы минимизировать последствия. Как безопасно вывести твою подругу из-под его влияния и не причинить ей вред в том числе последствиями этого.

– А вы уверены, что такой способ вообще существует? – Она усмехнулась. – Если вы уже сейчас считаете, что Альгор не остановится. Что об этом говорит закон? Такое воздействие вообще легально?

– Ты изучаешь право, София. Темная магия не регламентируется в Даррании, потому что ей не пользуются.

– Но не Альгор.

– Альгор – исключение, я исключение, твоя подруга тоже. – подтвердил Сезар, поднимаясь. – И вряд ли отец, вступая в открытую конфронтацию с Альгором, особенно сейчас, постесняется зацепить Ленор Ларо.

Соня вздохнула. Снова потерла ладони друг о друга.

– Хорошо, – сказала она.

– Хорошо?

– Я согласна. На ваш план. Но если вы ничего не придумаете до Праздника Зимы, я просто все ей расскажу и никуда от себя не отпущу. Альгору придется меня убить, чтобы до нее добраться.

Сезар внимательно на нее посмотрел, а Соня сжала кулаки. За Лену она кому угодно голову оторвет. Даже если это возомнивший себя Лозантиром архимаг.

– Почему до Праздника Зимы? – уточнил он.

– Потому что сразу после они поженятся, а я не допущу, чтобы моя подруга вышла за него замуж, ничего не зная.

– Справедливо, – согласился Сезар.

Она поежилась. И чуть не отпрыгнула, когда он приблизился к ней и попытался положить руку на талию.

– Если мы будем изображать влюбленную пару, нам стоит уже сейчас начинать прикасаться к друг другу. Я просто провожу тебя до твоей комнаты и уйду.

Какое-то время Соня молчала, но потом кивнула. Ладонь Сезара на талии сейчас ощущалась как тяжесть, его близость полыхала опасностью. Они вместе вышли из кабинета, в коридор, где были гардианы, но у нее было такое чувство, что она шагает рядом с живым пламенем величиной в человеческий рост. Точнее, в драконий, и сила у него драконья. Наполовину темная. Которая сожжет ее дотла от одного неверного движения.

Тем не менее она ничего не сказала. Молчал и он. В молчании они дошли до ее комнат, и Сезар легко коснулся губами ее губ. От ужаса Соню словно парализовало, но она снова не произнесла ни звука.

– Доброй ночи, – сказал Сезар.

– Доброй ночи, – ответила она, шагая за дверь.

Может быть, в ее разуме что-то и щелкнуло, но тело... доверия на уровне тела не было. Не факт, что оно будет когда-то.

Не в силах сейчас думать еще и об этом, Соня быстро скинула халат, нырнула под одеяло и почти сразу провалилась в сон.

Глава 24

Лена

– Правовые аспекты регулирования халатного взаимодействия с бытовой магией и его последствий – это отдельная тема нашего с вами предмета. Сегодня мы поговорим именно о них, – Женевьев посмотрела на сонных адептов. Сонными этим утром были абсолютно все, потому что погода преподнесла сюрприз в виде резкого похолодания и дождя, и монотонное бум-бум-бум по стеклам несколько не способствовало усвоению материала. – Итак, какие виды последствий халатного взаимодействия с бытовой магией вы можете перечислить?

Как и предполагалось, желающих отвечать не нашлось. Даже Соня, которая частенько тянула руку... хотя ладно, это она в прошлой

жизни Софии Драконовой тянула руку. После нашей с ней встречи, точнее, когда она узнала, что я это я, подруга стала проще к этому относиться. Или, возможно, у нее отпала надобность доказывать, что она такая вся София Драконова местному обществу.

Женевьев пришлось осмотреть ряды, и взгляд ее задержался на Ярде.

– Неужели даже вы не хотите ответить, адепт Лорхорн?

В ее голосе сквозило нечто помимо преподавательского внимания, или мне показалось? Я покосилась на Ярда. С тех самых пор, как я столкнулась с ним в приюте, и мне все стало понятно, я уже ничему не удивилась бы. Тем не менее Ярда тут же поднялся:

– Я не готов.

– Не готовы? – Кажется, к этому оказалась не готова Женевьев. – И почему же, могу я узнать?

– Просто не готов – и все. – Ярда пожал плечами и опустил на свое место.

Я уже окончательно перестала что-либо понимать, Анадоррская же тем временем переключилась на другие ряды:

– Адептка Эстре?

– Они подразделяются на несколько уровней, – Лика оказалась готова. Она вообще сильно изменилась в последнее время: во-первых, благодаря дружбе с Аникатией ее популярность несколько подросла. Ну как подросла, без Аникатии ее, конечно, особо никуда не звали, но с Аникатией очень даже. Стараниями же последней, вероятно, ей дали и комнату на этаже. Получше той, в которой она ютилась раньше. Я узнала об этом случайно, о них постоянно шептались. Поскольку Аникатия была не из тех, кто занимается благотворительностью, все очень удивились.

– Первый уровень – халатность, приведшая к повреждению имущества. Второй – к причинению вреда имуществу с разрушениями, не поддающимся восстановлению. Третий – причинение вреда собственному здоровью. Четвертый – причинение вреда здоровью других. Пятый – непреднамеренное убийство. Все они расцениваются как халатное взаимодействие с бытовой магией и за все предусмотрены виды взысканий.

– Благодарю, адептка Эстре. Очень рада знать, что вы ответственно отнеслись к моей просьбе ознакомиться с материалом перед занятием. В отличие от некоторых.

Анадоррская внимательно посмотрела в нашу сторону. «Некоторый» сделал вид, что его это не касается, и я бы его спросила, с чем это связано. Но во-первых, судя по всему, лучше это было делать не на уроке у Женевьев, а во-вторых, на меня в упор смотрела Соня. Так смотрела, словно хотела протереть во мне дыру.

– Мы скоро все сделаем, – шепнула я, когда Анадоррская начала рассказывать, что всех нас ждет, если мы случайно взорвем академию или свой дом.

– Что? – переспросила Соня. – А... нет. Я вообще не об этом думала.

Не об этом думала? Это что-то новенькое. В последнее время Соня только и думала о разговоре с мамой, но если не об этом... Тогда о чем?

– О чем? – уточнила я.

– Адептка Драгон, адептка Ларо, вы знаете тему лучше меня? Хотите ее раскрыть перед остальными?

В глазах Женевьев сверкнула сталь, и я поняла, что на ее занятиях лучше вообще ни о чем ни с кем не разговаривать.

– Нет, – ответила я.

Женевьев этого оказалось мало:

– Что насчет вас, адептка Драконова?

– Нет, – отозвалась Соня.

– В таком случае потрудитесь объяснить, что вас заставляет считать, что мой предмет настолько не важен, что на нем можно общаться, как в столовой? Или вы хотите лишиться допуска на мои занятия, а в конце года сдавать предмет в индивидуальном порядке?

Последние ее слова просто хлестнули, как сорвавшаяся струна. Соня замерла, и, судя по воцарившейся тишине, не только она. Замерли все остальные, тишину разрезал голос Люциана:

– Магистр Анадоррская, они просто разговаривали. Уверен, что такое больше не повторится.

Женевьев перевела взгляд на него.

– Ваше мнение, несомненно, ценно, адепт Драгон. Оно у нас самое веское. Но я все же хотела бы услышать ответ Софии.

Не злите беременных женщин. Эта мысль возникла у меня в голове почему-то одновременно со словами Сони:

– Я не сделала ничего такого, за что могла бы лишиться допуска на ваши занятия. Но если вы настаиваете, я могу выйти прямо сейчас.

Губы Женевьев сложились в тонкую линию. Настолько, что о нее можно было порезаться, как о лист бумаги.

– Вон, – коротко произнесла она.

Адепты ахнули. Я не успела перехватить Соню за руку, она поднялась, схватила сумку и резво побежала по лестнице. Вскочив, я бросилась за ней, игнорируя жесткое:

– Адептка Ларо!

Мы оказались за дверями раньше, чем кто-то успел бы сказать «ик», для беременной Соня перемещалась на удивление шустро.

– Стерва! – выплюнула она, стоило нам оказаться в коридоре.

– Это что сейчас было? – уточнила я.

– Что-что, все никак не может забыть, что Сезар женился на мне, – процедила подруга. – Не все умеют достойно проигрывать.

– Нет, с ней все понятно. – Хотя тоже не очень, я никого раньше не видела, кто бы владел своими чувствами настолько, насколько это делала Женевьев Анадорская. – А с тобой что?

– А со мной что? Я должна все это терпеть?

Ну а что я говорила? Не злите беременных женщин!

– Сонь, а обо мне ты подумала?

– Что? – растерялась подруга.

– Ну мне же теперь эту скукоту без тебя слушать.

Соня, до этого хмурившаяся, фыркнула и рассмеялась. А я притянула ее к себе:

– Конечно, если она меня на следующее занятие пустит. Иначе будем вместе сдавать в конце года, индивидуально.

– Уточни только, в конце какого. Потому что я, судя по всему, буду сдавать до последнего курса.

Теперь уже не выдержала и рассмеялась я. Правда, ненадолго: возникшая в коридоре невесть откуда ректор Эстре сверкнула глазами.

– Адептка Драгон. Адептка Ларо. Это что за поведение во время занятий?! Немедленно ко мне в кабинет.

Они издеваются, или их всех одновременно накрыло ПМС? Забыли, например, заклинание предохранения обновить – и фьют!

Хотя учитывая их характер, оно им вообще вряд ли потребуется.

Вздыхнув, Соня подхватила сумку, и мы вместе последовали за вышагивающей по коридору драконессой.

Люциан Драгон

День сегодня начался донельзя странно. Но и хорошо тоже, потому что появившиеся в Академии вместе Сезар и Соня пустили новую волну шепотков. Они обнимались у всех на глазах – а значит, были с ним заодно. До Лены их «потепление» еще не дошло. А вот до Женеьев дошло. Судя по тому, что она устроила на занятии. Раньше он полагал, что Анадоррская непробиваемая, как скала, но нет. У идеальной безупречной Женеьев тоже, оказывается, были чувства. Чувства к Сезару. Гораздо более глубокие, чем он думал.

Люциан как никто другой ее понимал, поэтому и осадил Аникатию с подружками, попытавшихся перемыть ей косточки. Что же касается него самого, сегодня он смотрел на Лену и понимал, какой далекой она стала. Раньше она хотя бы смотрела на него, хотя бы здоровалась. Сейчас... чувство было такое, что пропасть между ними разрастается с каждым днем, а вместе с ней разрастается и пропасть в его сердце. Глубокая, бесконечная, черная бездна.

– Люциан Драгон, будьте любезны повторить то, что я только что сказал.

Не ответить на военном – это не просто проблема, это еще и сто десять отжиманий в перспективе. Которые после вчерашнего Люциан вряд ли бы потянул.

– Портальный след, – он давно научился думать о Лене и фоном воспринимать то, что происходит вокруг. Навык переключения внимания отлично оттачивался в гарнизоне, где всегда нужно было быть начеку. – Это способ отслеживания быстрых перемещений противника между двумя и более точками пространства.

– Основные принципы построения? – бывший военный смотрел на него в упор, сцепив руки за спиной.

– Портальный след сохраняется в течение минуты, поэтому открытый портал считывается, как координаты настроек. Образно говоря, мы забираем их с помощью заклинания считывания, перекидываем на схему создания собственного и попадаем в ту же точку, куда только что ушел враг.

– Замечательно, – магистр Огинс потерял к нему всякий интерес и повернулся к остальным. – По крайней мере, в теории. Как будет на практике – сейчас проверим. Те, кто до меня доберется первыми, получают зачет. Те, кто чуть позже – второй шанс. Те, кто не доберется вовсе, сегодня будут чистить клетки. И, предупреждая вопросы некоторых, разрешение на практическое занятие с порталами, подписано лично ректором Эстре.

Прежде чем кто-то успел сказать хотя бы слово, магистр открыл портал и исчез в нем.

– Да как... – донеслось с заднего ряда.

– Он издевается, что ли?

Люциан первым шагнул к кафедре. Здесь в самом деле счет шел на мгновения, поэтому первым делом он произнес заклинание считывания. От вчерашней отдачи темной магией еще слегка шатало и в целом он чувствовал себя так, будто перебрал с дорнар-оррхар. Голова была тяжелой даже несмотря на все манипуляции целителя и собственное восстановление. Поэтому когда выпали координаты, он начал выстраивать их по знакомой схеме, которая дрожала и вот-вот норовила порваться в руках из-за собственных «поехавших» контуров. Но лучше уж так, чем полоса препятствий с магией на полигоне, там бы его знатно потрепало в довесок.

Портал открылся, и Люциан шагнул в него мгновением раньше, чем еще несколько адептов. Он оказался аккурат на тренировочном поле, рядом запылали вспышки догонявших его однокурсников.

– Что?

– Где он?

Был еще один портал.

Люциан схватился за стремительно тающую нить координат, снова прошептал заклинание. Пошатнуло знатно, от резкого переключения магии, но заметившие его манипуляции адепты тоже срочно подключились к считыванию. Когда он выстроил второй след и открыл еще один портал, по спине побежал холодный пот. Целитель вчера рекомендовал не перенапрягаться, особенно магически, но проигрывать не хотелось. Особенно теперь, когда он уже почти закончил.

Новый портал – и Люциан оказался напротив магистра, за стеной Академии. На том самом месте, где на первом курсе он целовал Лену.

После того, как она упала с края парящего острова, а он ее поймал. Дождь хлестал по щекам – видимо, чтобы привести в чувство, но Люциан все никак не мог прийти в себя. Сам он сейчас стоял на том самом краю, но падал не в пропасть, а в тот оставшийся в прошлом поцелуй.

Тогда он еще не знал, что она Лена. Тогда ему еще было дико, дико признать, что его привлекает пария Ленор Ларо.

– Первые победители получают зачет, – он осознал вспышки порталов вокруг лишь когда услышал Огинса. – Они могут вернуться в аудиторию. Те, кто приходит сейчас, смогут попробовать отследить меня повторно. Остальные, как я уже сказал, отправятся чистить клетки, раз уж ни на что больше не способны.

– Но это нечестно! – выдохнул кто-то из адептов. – Вы не предупредили, что порталов будет два...

– Противник на поле боя вас предупреждать ни о чем не будет, – седые брови магистра сошлись на переносице. – Порталов может оказаться и пять, и десять, больше того – за одним из них вас может поджидать магическая атака или ловушка. Что тогда? Когда лишитесь головы, нить будет нечем. Все, расходимся.

Огинс подвел итог, как отрезал, и тут же исчез. Не успевшие в первых рядах засуетились со считыванием, остальные быстро принялись открывать порталы в аудиторию, чтобы не вымокнуть окончательно. Люциан же, напротив, приблизился к краю, слизывая холодные капли с губ. Горящих, помнящих этот поцелуй сейчас так, как если бы он случился пару минут назад.

Залитый дождем город укутывала белесая туманная дымка, Хэвенсград сейчас казался таким же далеким, как их с Леной последняя встреча. Не через виритта. Так, вживую, и прикосновения...

Люциан сунул руки в карманы, словно это могло спасти, и вернулся в аудиторию. Бытовая магия помогла высушить одежду и волосы, а спустя несколько минут вернулись Огинс и те, кто получил второй шанс – под рычание дракона, возвестившее об окончании занятия.

Люциан едва успел выйти из аудитории, как к нему подлетел парень, кажется, тоже со второго курса, и быстро-быстро пробормотал:

– Драгон, вы нам очень нужны. Очень. Вы даже не представляете насколько.

– Похвально, но я нужен многим, – хмыкнул он.

– Нет, вы не понимаете, – парень патетически воздел руку. – Мы в связи со всем происходящим и произошедшим ставим патриотический спектакль. Вы нам нужны на главную роль.

– На главную роль кого? – уточнил Люциан.

Парень посмотрел на него как-то странно, как будто он обязан был знать все их театральные задумки на сто лет вперед.

– Коммелана, конечно же.

– А, это того, которого убили. Нет, спа... – Люциан замер на полуслове. – Хотя постой. Вы уже выбрали девушку на главную роль?

Парень моргнул.

– У нас есть кандидатуры, конечно, десять претенденток. Они все очень красивые... Или вы хотели бы выбрать сами?

– Да, хотел бы. Ленор Ларо.

– Что? – У парня отвисла челюсть.

– Уговоришь Ленор Ларо участвовать в постановке в главной роли – я весь ваш. – Люциан похлопал его по плечу. – Нет – ищите себе другую жертву Горрахона.

– Но... но...

– Когда уговоришь, ты знаешь, где меня найти. Если, конечно, уговоришь.

Не дожидаясь ответа, Люциан прошел мимо опешившего парня. Можно, конечно же, было просто отказать, но просто – это не так интересно. Тем более что всегда оставался крохотный, размером с песчинку шанс, что Лена согласится. И тогда...

Что тогда, Люциан точно не знал. Кроме одного. Возможности стать к ней ближе он не упустит.

Глава 25

Женевьев

Она никогда ни на ком не срывалась! Никогда и ни на ком. Воспитание будущей тэрн-ари, а впоследствии и тэрн-архи не позволяло таких вольностей, это с детства уложилось у нее на уровне, кажется, всего существа. Гувернантки, родители, все вокруг это поддерживали, чувства, тем более эмоции считались излишними. В крайнем случае их дозволялось проявлять наедине с собой, когда не видит никто. Даже слуги.

Сегодня же... сегодня она увидела Софию Драконову, точнее, теперь уже Драгон, с Сезаром. В холле. Он нежно коснулся губами ее губ, и все тщательно выстроенные стены рассыпались, как песочный замок под порывом ветра. Женевьев казалось, что все уже в прошлом, в далеком прошлом. Но нет. Почему-то этот легкий, в общем-то, совершенно незначительный поцелуй, лишенный даже самого намека на страсть, выбил почву из-под ног.

Может быть, дело было в том, как он ее целовал. Так, словно собрал всю любовь мира, чтобы передать в этом коротком прикосновении губ к губам. Еще в нем была сумасшедшая жажда и отчаянная нежность. Все это было куда сильнее обычных страстных сосалок. Такие слова ей не полагалось знать, но она знала. Знала и злилась на Сезара, на Софию Драконову, на весь мир!

Поэтому все так и случилось. С ней, а еще с этим мальчишкой... Она не была столь наивной, чтобы понять, что Ярд Лорхорн просто так появился в доме для сирот волонтером. Разумеется, он старался выбирать задания, непосредственно связанные с ней. Разумеется, Женевьев это заметила, и не стала ходить вокруг да около.

– Вы здесь ради меня? – спросила она его вечером последнего выходного. Когда он принес ей стопку писем, которые были адресованы лично ей. Некоторые процедуры требовали того, чтобы некоторые документы по-прежнему оставались на бумаге, хотя многие уже давно перешли на магическую сеть и фамильные магические оттиски. Как бы там ни было, кое-что в Даррании оставалось неизменным. Например, бюрократия и бумажная волокита.

Услышав ее вопрос, тот поначалу опешил, но, надо отдать ему должное, отпираться не стал.

– Да. Это плохо?

– Это не хорошо и не плохо, – Женевьев не собиралась давать ему неоправданных надежд. Уж кому как не ей знать, что они разлетаются осколками в самый неподходящий момент, один из них до сих пор торчал в ее сердце. – Просто я хочу сразу все прояснить. Мы с вами совершенно разные, адепт Лорхорн.

Она специально назвала его адепт, чтобы увеличить дистанцию. Но он не поддался:

– Здесь мы просто мужчина и женщина, – выдал парень, глядя ей в глаза. – Лично я не вижу ничего плохого в различиях. Это гораздо

интереснее, чем если бы у нас на все была одна точка зрения.

От такого напора опешила уже Женеьев. Опешила, а потом разозлилась. Как он вообще смеет с ней так говорить? Она – магистр, он адепт. Она Анадорская, в конце концов! И этот мальчишка будет ей говорить, что для нее интереснее?

– Мы с вами из разных кругов, – отрезала она, глядя на него сверху вниз. При том, что он стоял, а она сидела, у нее это отлично получилось. Всегда получалось отлично: свет в его глазах сразу померк, а уверенности поубавилось.

– Хорошо, – сказал он. – Я понял.

Положил стопку писем ей на стол и ушел, а Женеьев еще минут пять пыталась прийти в себя. Для начала, избавиться от мерзкого чувства, возникшего после ее же собственных слов. Потом – чтобы справиться со странным, необъяснимым волнением. Ей всегда нравились мужчины ее возраста. Не старше, не, упаси Таменя, младше (разницу в год вряд ли можно считать таковой), а именно ровесники. Совпадение интересов – и здесь немаловажную роль сыграло воспитание, общность одного поколения, Хотя... Она так привыкла к тому, что ее мужем будет Сезар, что не рассматривала никого другого именно как мужчину. Ей просто нравилось с ними общаться. С остальными общение шло с позиции дипломатических интересов или сотрудничества.

До той самой ночи на островах. Женеьев всегда считала, что подобная спонтанность не для нее. Да что там, вообразить себе ночь с незнакомцем она в принципе не могла. Еще и такую странную...

Это был островной праздник, на котором все были с разрисованными лицами. Рисунки создавали местные жители, с помощью особой магии, и это был не просто макияж, он ложился особой маской, за которой можно было скрыться и спрятаться даже от себя самой. Не выглядеть так, словно твое сердце истекает кровью из-за свадьбы мужчины, которого ты любишь, с другой. А еще было много крепких напитков, настоек, которые островитяне делали сами. Кажется, для нее слишком много, потому что Женеьев сначала танцевала, как сумасшедшая, а потом обнаружила себя на коленях у какого-то парня на побережье. Под звездным небом, несущим прохладу, свободу от прошлого и такую странную, незнакомую

сладость... сладость быть желанной. Тогда ей это было просто необходимо, а еще парень целовался как бог.

Она сама не заметила, как оказалась на песке, как поцелуи становились все более откровенными, как его руки заскользили по ее телу. Обнаженному, уже без одежды. Порочность этих прикосновений вкупе с совершенно головокружительными, незнакомыми ощущениями окончательно изменили ее. Женеьев уже сама притянула его к себе, вплетаясь пальцами в волосы, зная, что они никогда больше не встретятся. Никогда.

А это значит, что можно все. Все и даже больше.

Может быть, в его прикосновениях и была некоторая неуверенность, но он совершенно точно знал, что делает. Когда касался губами ее губ или груди, или когда накрывал ими самую чувствительную точку между ног. Даже короткая вспышка боли первого проникновения не отрезвила. Женеьев лишь чувствовала этот нарастающий жар. Бесконечное, головокружительное, сводящее с ума наслаждение, и яркая вспышка, огнем и пульсацией растекающаяся по телу, заставляла ее выгибаться под ним снова и снова. Снова и снова. Снова и снова.

Кажется, они оба отключились потом, а проснулась Женеьев среди ночи. На ней не было виритты, но она могла определить время по расположению звезд. Звезды – ее вторая страсть после Сезара. Она изучала их, кажется, с того самого дня, как начала говорить. В ту ночь она просто поднялась, оделась и направилась к своему домику. Как-то даже дошла.

Навсегда оставив в прошлом и того парня, и сумасшедшую страсть.

К счастью. Потому что Женеьев Анадоррская не должна была так поступать. С другой стороны, провоцировать адепта Лорхорна из-за того, что увидела Сезара с женой, она тоже не должна была. Как и рычать на Софию Драгон. К счастью, в магистерской правоведения больше никого кроме нее не было, и она сдавила виски руками.

Провал. Это полный провал. Как магистра, как женщины. И особенно как Анадоррской.

От стука в дверь Женеьев вздрогнула, и, когда она открылась, вздрогнула второй раз. Потому что в кабинет шагнул адепт Лорхорн.

Только этого еще не хватало! Женестье глубоко вздохнула, посмотрела на него в упор:

– Вы что-то хотели, адепт? – спросила, вложив в свой голос весь холод, на который только была способна.

– Да. Вас.

Сначала Женестье показалось, что она ослышалась. Или бредит. Потому что ну не мог этот парень такое сказать! А тем более сделать: Женестье лишь успела вздохнуть, как с его пальцев сорвалось заклинание, которое навскидку она определила как запирающее. Очень хорошего качества. Если не сказать больше: заклинание легло на дверь, и теперь ее вряд ли можно было бы открыть. Что с этой, что с другой стороны, не зная узора плетений и схемы, это могло закончиться весьма плачевно.

– Если вы пришли продемонстрировать свои знания и таланты в расчетно-контурной магии, то вы ошиблись магистром, – впервые в жизни Женестье чувствовала, что привычный для нее контроль ускользает.

Хотя нет. Не впервые. Первый раз был на Эллеийских островах, но тогда она была пьяна и отдала этот самый контроль добровольно. Сейчас же она поднялась, глядя ему в глаза. Совершенно невыносимый мальчишка! Смотрел он совсем не так, как в сиротском доме: открыто и дерзко. Еще бы знать, что его на такое сподвигло... а с другой стороны, какая ей разница!

– Вы сейчас снимете заклинание, – сказала она, поднимаясь. Взгляд сверху вниз больше не работал, поэтому она почувствовала непреодолимое желание стать выше. Правда, рядом с ним это не сработало, Лорхорн все равно был выше ее на полголовы. – Снимете – и выйдете отсюда, закроете за собой дверь, и тогда я забуду об этом досадном инциденте.

– Так же, как ты забыла о том, что случилось на островах?

Ей показалось, что в кабинете неожиданно кончился воздух. Лорхорн перешел на ты, но не это было причиной, на миг сковавшей все ее тело.

Он знает. Каким-то образом он узнал о том, что произошло, стал случайным свидетелем, узнал ее лицо под росписью островитян, и теперь... а что теперь? Она сама во всем виновата. Отдаваться незнакомцу на пляже, там, где любой может тебя увидеть – верх

неосмотрительности. Но это ее ошибка, и ей решать проблемы ее последствий.

Вот только Женеьев никак не могла собраться. Ее хваленая выдержка сыпалась, как осколки отмирающей чешуи, все правильные слова перепутались в голове, в каше из дипломатических способностей, в которую превратились долгие годы ее обучения, все знания и правила.

– Это бесчестно! – вырвалось у нее.

Прозвучало жалко, хотя она старалась вложить в свой голос хоть какую-то уверенность. Но, видимо, не получилось. Потому что Лорхорн прищурился, а потом процедил:

– Ты что, решила, что я собираюсь тебя шантажировать?! Ну ты и дура!

Женеьев сжала кулаки, пытаясь собраться и собрать остатки ускользающего контроля над ситуацией, но не получилось. Во-первых, ее никто никогда не называл дурой, а во-вторых... во-вторых, что-то в ней, по всей видимости, сломалось. Потому что потекли слезы. Она даже не сразу поняла, что это, просто обожгло горячей влагой сначала глаза, а затем щеки.

Женеьев Анадоррская последний раз плакала в далеком детстве. Изю всех эмоций эта была самая низкая, проявление слабости, и искоренялась она отцом, матерью и приглашенными гувернантками жестко и безапелляционно.

Сейчас же слезы просто текли, и она ничего не могла с этим поделать. Аккурат до того момента, когда Лорхорн оказался рядом. Так непростительно близко, что ее обожгло. Ярko, сильно и остро, совсем как тогда, на острове. Еще до того, как его пальцы коснулись ее лица, а его губы – ее губ.

Наверное, попытайся он ее пожалеть или начини утешать, Женеьев бы быстро пришла в себя и все-таки выставила зарвавшегося мальчишку за дверь, но этот поцелуй окончательно изменил все.

Просто потому, что она его помнила. Точнее, их. Эту жесткую силу, этот напор, совершенно не ассоциирующиеся у нее с Лорхорном... по какой-то причине. Вспомнившееся прикосновения тело вспыхнуло огнем, от которого у Женеьев закружилась голова. Хотя возможно, она кружилась от поцелуя, от скольжения пальцев по

влажным от слез щекам. Она задыхалась, не в силах справиться с нахлынувшими на нее чувствами, поэтому вцепилась в его плечи.

Дернулась, когда он толкнул ее к столу, усаживая на него и вклиниваясь между ее бедер. От этой грубости юбка задралась, и нежной кожей бедра она сейчас ощущала грубую ткань его брюк. И не только. Лорхорн потянул ее на себя, давая почувствовать всю степень своего возбуждения.

Она сдавленно застонала ему в рот, и собственный низкий, порочный, глубокий стон прозвучал, как удар хлыста.

Она переспала с адептом на островах.

И она готова сделать это сейчас. Снова. Повторить это безумие в магистерской...

Лорхорн не просто младше ее, он ее ученик, это как минимум.

Какой кошмар!

Женевьев уперлась ладонями ему в грудь, с силой отталкивая. Он не ожидал, поэтому инициативу перехватит не успел и отступил на несколько шагов. Женевьев же спрыгнула со стола, стараясь не думать о том, как сейчас выглядит и как выглядела еще несколько мгновений назад.

– Никогда. Больше. Не смейте этого делать, адепт Лорхорн, – произнесла металлическим тоном. – Это понятно?

Парень облизнул губы. В его глазах горела та самая безуминка, которую она помнила по островам. Та, которой еще совсем недавно не было. Или он тщательно ее прятал.

– Как скажете, магистр Анадоррская, – произнес он, и его тон не оставлял никаких надежд на то, что он ее послушает.

– Вы помните, что я сказала в детском доме?

– О том, что я не вашего круга? Вполне! – он усмехнулся. – Но знаете, это вовсе не мешало ни мне, ни вам. Тогда. Да и сегодня.

Женевьев задохнулась от прозвучавших в его голосе интонаций: насмешливых, резких... уверенных. Как будто магистром здесь был он, а она – несмышленной адепткой.

– Это никогда больше не повторится, – отрезала она.

Но, вопреки всему, Лорхорн улыбнулся.

– Ну разумеется, – ответил он, а после обошел стол, легко разомкнул запечатывающее заклинание и вышел.

Оставив Женевьев одну с пылающими щеками и... не только щеками. Но один плюс у этого разговора все-таки был: теперь ей совершенно точно расхотелось себя жалеть.

Глава 26

Лена

– Ты уверена, что все будет хорошо? – Соня посмотрела на меня с сомнением.

Что удивительно, потому что из нас двоих по поводу ритуала встречи с матерью сомневалась именно я. До определенного момента. Чем больше я над этим работала, чем больше проверяла схемы заклинаний – до малейшего узла, тем меньше оставалось сомнений. Сегодня же я была уверена в своей силе, как никогда раньше, поэтому вопрос меня удивил. Если не сказать, разозлил.

– Ты передумала? – уточнила я, чувствуя странное, ворочающееся внутри раздражение.

– Что? Нет! – Соня накрыла ладонями мои руки. – Просто я беспокоюсь о тебе.

Раньше не беспокоилась. Я чуть не сказала это вслух, вовремя прикусила язык, но Соня и впрямь изменилась. Она даже с Сезаром начала нормально общаться. Я видела, как они встречаются – точнее, как он встречает ее в холле Академии, чтобы забрать домой. Привычной резкости как не бывало. Да, она слегка напрягалась в его руках, но... не больше. В ответ на мой вопрос Соня сказала только:

– Я люблю его. А в чем дело? – Так, будто напрочь забыла обо всем, что произошло. Давить на подругу и заставлять ее вспоминать мне совершенно не хотелось, да, если честно, я была только за, что у нее наконец-то начались нормальные отношения с отцом ее ребенка. Как ни крути, а во время беременности такое точно не помешает. Зато помешают лишние расспросы на тему случившегося.

Поэтому я решила не трогать эту тему, по крайней мере, до рождения малыша. Тем более что Сезар пылинки с нее сдувал, это было настолько очевидно, что даже слепой заметил бы. По голосу, когда он к ней обращался, с такой невыносимой нежностью, осторожностью, словно она была хрупкой вазой.

Может быть, отчасти поэтому она и перестала так акцентировать внимание на встрече с матерью. Тем не менее я переспросила еще раз:

– Ты точно уверена, Сонь? Потому что если нет уверенности, ничего не получится.

– Как это зависит от моей уверенности?

– Напрямую. Магия так работает. Если ты в глубине души не готова, заклинание может не сработать.

– Да нет. Нет, я готова, – тут же поспешно сказала она.

Мы с ней сидели в зале для тренировок Сезара. Валентайн все-таки накрыл их поместье той же самой защитой. Единственной «свободной зоной» оставался как раз этот зал. Единственным свободным временем – время, когда Сезара отправили в гарнизон с проверкой. Он должен был на месте убедиться, что вся защита рабочая, а все необходимые меры предосторожности приняты.

– Я волнуюсь за него, – произнесла Соня.

– За Сезара?

– Да.

– Почему?

– Ты еще спрашиваешь? Он в гарнизоне. Такое ощущение, что Ферган хочет от него избавиться.

– Не накручивай, – хмыкнула я и кивнула на блюдо с кинжалом, стоящее между нами, но подруга туда даже не взглянула.

– У него куча командующих, которых он мог отправить с этой проверкой. В том числе Валентайн.

– Валентайн и так многое делает для Даррании, не находишь? – Я коснулась ее ладони. – Сонь, я тебя понимаю, ты переживаешь. Но подумай вот о чем, может быть, это просто гормоны?

– При чем здесь гормоны?

– При том, что ты беременна. А беременность делает тебя слегка...

– Нервной?

– Впечатлительной, – сказала я. – Это просто проверка. Он же не отправляет его туда надолго.

– Ладно. Хорошо. Ты права. – Соня глубоко вздохнула и тут же произнесла: – Лен?

– Что?

– Ты согласилась на театральный кружок?

Я фыркнула. Главную роль в театральной академической постановке мне предложили спонтанно, да еще ни кого бы то ни было,

а роль Марики Хеллер, той самой возлюбленной принца Коммелана, которая косвенно стала причиной его смерти. Парень все это так красочно расписывал, что нам нужна патриотическая постановка, что у меня есть невероятный шанс стать частью чего-то великого, что в той, прошлой петербургской жизни я бы непременно купилась. Сейчас же мне было чем заняться помимо театра, да и если честно, я бы с превеликим удовольствием пожила самой обычной жизнью, без великого.

– Отказалась.

– Как обычно, – хмыкнула Соня.

– Ты это о чем?

– О тебе, Лен, – она пожала плечами. – Ты всегда такой была, ни с кем не хотела общаться.

– Кроме тебя.

– А если меня не станет?

– Не шути так, – нахмурилась я.

– Да я и не шучу. На мне же свет клином не сошелся, почему ты не хочешь чуть побольше познакомиться с однокурсниками?

– Потому что они шарахались от меня, как от чумы? – заметила я. – До того, как им резко стал нужен Валентайн Альгор. Ты уж прости, но я всегда предпочитала количеству качество. Мне вполне хватает тебя, Макса, Ярда. Алину бы еще убрать из этого уравнения, и все станет вообще супер.

Соня закатила глаза.

– Только не говори, что ты к ней привязалась.

– Она сестра Софии Драконовой.

– Вот именно. Не твоя же.

Подруга сердито насупилась:

– Не понимаю я тебя.

– Я тебя сейчас тоже. Ты что, хочешь откосить от встречи с мамой? Иначе зачем эти смол-ток¹?

Соня сжала ладони на коленях, и я поняла: да, хочет. Ну приехали.

– Супер, – сказала я.

– Я волнуюсь, – она посмотрела мне в глаза. – Ты разве не понимаешь, Лен? Ты бы не волновалась?

Я вспомнила свои ощущения от встречи со своим миром тогда, в лабиринте. Помню, как узнала, что Соня якобы погибла, как увидела

ее маму и тетю Олю. Тогда это было так ярко, так резко, что казалось, из меня вырвали сердце. Что Валентайн сделал это нарочно, чтобы причинить мне боль. Сейчас же воспринималось просто смазанным фоном.

– Я столько ее не видела, – пробормотала Соня. – Столько не видела и думала, что уже не увижу... и вот сейчас... ты мне ее покажешь, а потом что? Потом я просто снова буду думать о ней, зная, что мы никогда больше даже не поговорим?

– Вообще-то вы поговорите, – сказала я.

– То есть... то есть как?

– Я немного доработала ритуал. Вплела еще одно заклинание. Вы сможете поговорить, как по видеосвязи.

Соня вздрогнула, из ее глаз потекли слезы.

– Ты... ты мне ничего не сказала.

– Не хотела заранее обнадеживать, – произнесла я. – Не была уверена, что получится. Так что? Начинаем?

Подруга быстро кивнула, и я взяла кинжал.

– Давай руку. На твоей крови установим связь. На моей откроется видение между мирами. Говорю, чтобы ты не пугалась.

Соня протянула мне руку, и я, пустив по кинжалу магическую дезинфекцию, полоснула ее ладонь. Такого она явно не ожидала, поэтому дернулась и вскрикнула, но капли крови упали в блюдо, и я прошептала:

– *Astente Morium.*

С моих пальцев сорвалась тьма, впитываясь в кровь и клубящимися спиралями поднимая ее в воздух. Цвета начали меркнуть, Соня поежилась.

– Будет холодно. И поначалу немного темно, потом привыкнешь. – Я протянула ей смоченные исцеляющим зельем бинты. – Держи. На первое время.

Повторив очищение кинжала, так же легко полоснула свою ладонь.

– *Ervis Patum.*

Моей крови нужно было больше, поэтому я задумчиво смотрела, как она стекает и тут же пропитывается темной магией, алая с черной клубящейся дымкой.

– Лен, – позвала Соня. – Лен, у тебя глаза черные.

Я подняла голову, посмотрела на нее.

– Это нормально, – сказала я. И улыбнулась.

Почему-то мне показалось, что это приободрит Соню: та выглядела напуганной. Не скрою, когда-то меня саму пугали проявления магии Валентайна, но теперь я привыкла. Возможно, они пугают ее, потому что Сезар изнасиловал ее под темной магией? Мысль приходит и уходит, растворяется, стирается под втекающей в меня силой.

Кончики пальцев покалывает холодом, от плетения заклинания этот холод расходится по всему телу. Нормальный человек должен дрожать в ознобе, но я не человек. Я маг. Осознанием этого меня накрывает в тот миг, когда реальность перед глазами начинает дрожать и стираться. Соня приоткрывает рот, забыв даже про порез, и я вижу, как клубящаяся темная дымка стирает, стирает, стирает пространство словно ластиком в фотошопе.

Дальше я бормочу слова заклинания, выстраивая проверенную и перепроверенную тысячу раз схему, и вот уже мы вместе с Соней видим квартиру, знакомую кухню, на которой часами сидели и болтали в особо дождливые дни. Раздаются шаги, и заходит Сониная мама. Она выглядит невероятно уставшей, а еще старше, значительно старше той женщины, которую я запомнила.

Судя по лицу Сони, она думает о том же, потому что у нее начинают дрожать губы, а по щекам бегут слезы. Я еще не установила обратную связь, но в этот самый момент начинаю думать о том, насколько это гуманно. Соня уже привыкла к мысли, что ее мама там, далеко, что она не знает о том, что ее дочь жива. Что же касается ее матери, она... она заслуживает знать, что Соня жива и дышит. Пусть в другом теле, пусть бесконечно далеко, пусть они никогда больше не смогут обняться, но она будет знать, что та не погибла.

– Emerst Nohrd. Ette Lavis. Samia Patr.

Наслоение заклинаний подхватывают выстраиваемую мной сразу же схему, замыкают ее, и...

Мама Сони буквально спотыкается, замирает и часто-часто моргает. Я представляю, как это выглядит, точнее, могу представить: когда в центре твоей кухни открывается виртуальный зум-чат, сложно сохранять спокойствие.

– Лен... – шепчет Соня испуганно, заметив это. – Лен, что происходит?

– Вы можете говорить, – отвечаю я. И лучше бы ей начать говорить, потому что ее мама открывает и закрывает рот, не в силах произнести ни слова.

– Мам! – шепчет Соня. Подозреваю, что хотела крикнуть, но голос сорвался. – Мам... мамочка...

Оцепенение, охвативший женщину шок понемногу спадает, она пятится и спрашивает:

– Что... кто вы такие?! – ее голос от шепота переходит в крик, в котором слышны панические нотки.

– Мам, все хорошо, это я, Соня! – подруга вскакивает. – Я просто хотела тебя увидеть, сказать тебе, что я жива... Это Лена, и она...

– Замолчи! – Крик звенит так, что у меня даже режет уши. Сониная мама всегда была очень сдержанной, уж голос на нас она точно не повышала, но сейчас она просто кричит. – Я не знаю, кто вы такие, как вы это делаете, но это бесчеловечно! Я сейчас вызову полицию, и...

– Мам, помнишь, я в детстве поцарапалась о проволоку на газоне? – быстро-быстро говорит Соня. – Грязную, жуткую, ржавую, и ты меня потащила делать прививку от столбняка. Я так боялась, отбивалась и укусила медсестру, а ты сказала, что я самая смелая девочка, и ничего не должна бояться, и что если мы сделаем эту прививку, ты будешь покупать самой смелой девочке большое мороженое каждый раз, когда она попросит. Я съела за два дня восемь штук, и потом у меня случилась ангина, но ангина – это лучше чем столбняк. Так ты сказала. Помнишь?

Катерина Андреевна снова замерла. Теперь у нее побелели губы, которые она тщетно пыталась разжать, чтобы сказать хотя бы что-то.

– Мы никому об этом не рассказывали, – продолжала Соня. – Даже папе. Ты сказала, что это будет наш с тобой секрет и большая тайна. Подозреваю, тебе просто было стыдно, что ты так неосмотрительно накормила меня мороженым, а я заболела. Но тогда мне казалось, что это самый важный секрет во Вселенной.

Ее мама приложила ладони к груди. Глаза ее расширились.

– Не верю, – прошептала она, даже обернулась, словно за ее спиной стоял кто-то, к кому она может обратиться за поддержкой, а

после снова посмотрела на нас. – Не верю. Этого не может быть. Нет...

– Мам, это правда я, – теперь Соня улыбалась сквозь слезы. – В это сложно поверить, но я... в общем, я теперь выгляжу так. Я очень-очень далеко, и никогда не смогу вернуться, но я просто хотела тебя увидеть. Еще хотя бы разок. Или вот еще... когда папа стал пропадать и перестал обращать на меня внимание, я очень расстраивалась и плакала, и начала есть много сладкого. А ты тогда сказала, что если я буду есть столько пирожных и конфет, буду не твоим солнышком, а твоим слонышком.

Катерина Андреевна всхлипнула, будто ей не хватало воздуха. Глубоко вздохнула.

– Сонечка... – прошептала она, перевела взгляд на меня. – Лена... Сонечка... как же так?

– Не обращайтесь на меня внимания, тетя Катя, – сказала я. – Я здесь просто посижу, а вы разговаривайте.

Завтра утром, когда Сониная мама проснется, она скорее всего решит, что это был сон. Или что она сходит с ума. Лучше, конечно, чтобы первое, но тут уж я бессильна. Зато Соня будет спокойна. Я посмотрела на свои руки, с которых совсем недавно срывалась тьма. Развернула ладони кверху. Или Сониная мама решит, что все это правда, и начнет искать способ увидеться с дочерью? Но не найдет. Потому что в мире, где я выросла, магии нет.

– У тебя научно-исследовательский интерес, да, Лена? – поинтересовалась Ленор.

– Давно я тебя не слышала.

– С тобой в последнее время говорить не о чем.

– Ну конечно. Про Люциана ничего нового. – Я так же мысленно хмыкнула. – А вообще, не отвлекай. Я заклинание держу.

Сквозь меня и впрямь текли такие потоки силы, что я ощущала это как те самые восемь съеденных мороженных. Причем не за два дня, а за раз, одним глотком, как удав.

– Скоро станешь совсем отмороженной, как твой Валентайн, – не смогла не огрызнуться Ленор.

– Скоро мы разойдемся по разным телам, и я тебя больше никогда не увижу. Надеюсь.

Ленор притихла, Соня продолжала разговаривать с мамой, но я не прислушивалась. Всмотрелась в видимые только мне нити плетения, и они напоминали произведение искусства. Темного искусства. В зале, лишившемся красок, сосуды схемы пульсировали текущей по ней магией, центральный узел напоминал сердце. И все это сделала я! Я, без чьей либо помощи.

Офигеть.

Я держу межмировую связь – тогда как даже Валентайн показывал мне лишь отрывки. И без возможности разговора. Меня затопило этой гордостью, лишь усилившей холод внутри, но я больше не ощущала его как холод. Скорее, это была часть меня, часть моей сути. Наконец-то я научилась ее принимать! Не бегать от нее, не скрываться, не прятаться. Наслаждаться. Использовать ее.

Я глубоко вдохнула и глубоко выдохнула, чувствуя собранную в своих руках мощь. Она ощущалась не только внутри, но и снаружи, словно я застыла в мощном энергетическом коконе, как гусеница, которая вот-вот станет бабочкой.

– Лена! Лен! – Оглушительный крик Сони выбил меня из мыслей, и я увидела, как ее мама оседает на пол, держась за сердце. – Лена! Сделай что-нибудь! Лена!

На мгновение мне самой показалось, что все перед глазами смазлось, потому что сквозь калейдоскоп кричащей мне в лицо подруги и упавшей Екатерины Андреевны перед глазами вспыхнули совсем другие картинки. Те, в которых я заперта внутри своего сознания, а вместо меня существует Ленор. Те, в которых я беззвучно кричу и бьюсь о невидимые прутья ментальной тюрьмы, а никто не слышит. Последнее, что пронеслось перед глазами – это склоняющийся надо мной Валентайн и его голос:

«Aerdmerr Naerr Mester Eindorr».

«Ты забудешь о том, что произошло, завтра ты проснешься с мыслью, что переехала сюда, чтобы быть поближе к друзьям. Ты будешь помнить, как волшебно мы с тобой провели эти два месяца».

Я вскрикнула, и нити в моих руках порвались. Граница миров дрогнула, пошла рябью, стирая лежащую на полу кухни Сонину маму из реальности Даррании. Пульсирующие нити от узла взметнулись, как оголенные провода, прямо над моей подругой. И тогда я сделала единственное, что еще успевала: через единственное связующее звено

– себя, втянула всю грозящую обрушиться на Соню тьму. Глядя на то, как угасают ставшие безжизненными «сосуды». Чувствуя струящийся сквозь меня холод. И мощь.

Глава 27

– Лена, что это?! Что с ней! Верни эту связь! Ты должна ей помочь! – Соня вцепилась в меня и трясла, как грушу, пока я пыталась справиться с нахлынувшим на меня холодом. – Лен-а-а-а! Не смей молчать! Там моя мама умирает! Из-за тебя!

Последнее привело меня в чувство, и я перевела взгляд на зареванную подругу.

– Не смей, – сказала холодно, – обвинять меня в этом.

Мои слова поглотило шипение открывшегося портала, в который шагнул Валентайн.

– Что здесь произошло?! – Он окинул взглядом меня, Соню, ритуальное блюдо.

– Темная магия, – это ответила я. Спокойно встретившись с его бушующим взглядом.

– Да уж вижу.

– Там моя мама умирает! – заорала уже на него Соня. – Вы хоть понимаете это! Сделайте что-нибудь! Верните ее! Помогите ей!

– Лена больше не сможет открыть переход, – жестко произнес Валентайн. – Просто потому, что ее уничтожит тьма. Ты что, не видишь, что с ней происходит?!

Соня бессильно отшатнулась, а Валентайн положил руку мне на плечо. Тело ощущалось чужим, пустым, невесомым, его прикосновения я даже не ощутила. Просто увидела.

– А ты? Ты же можешь что-нибудь сделать?! – крикнула подруга. – Открой этот долбаный портал между мирами, Альгор! Ты должен...

– Я никому ничего не должен, девочка, – холодно произнес он. По-прежнему держа меня за плечо, открыл портал в наш дом, и я снова оказалась голой. В его руках.

Знакомое чувство, а вот ощущения другие. Я была словно снова заперта в своем теле, только не благодаря Ленор, а благодаря темной магии. Все, что со мной происходило, воспринималось странно, будто со стороны.

– Что ты сделала, Лена? Быстро. Говори, что произошло, – Валентайн всмотрелся в мое лицо.

– Сониная мама упала, и я не удержала заклинание. Оно разорвалось, и чтобы спасти Соню, я втянула в себя всю тьму.

Сознание выпадало: частями, целыми эпизодами из жизни – и возвращалось вновь. Я более-менее пришла в себя в ванной, где меня оплетали серебро и черные нити, вот только сейчас, в отличие от прошлого раза, я забились в руках Валентайна.

– Не смей! Не трогай! Отпусти! – пытаюсь вырваться, я расплескивала воду, по-прежнему не чувствуя себя.

– Лена, это не ты, это тьма. Ее слишком много, дай мне тебе помочь!

Я закричала еще сильнее, но Валентайн держал крепко. Кажется, впервые за долгое время я почувствовала холод, озноб, увидела, как взлетают вверх ленты тьмы, как она собирается и клубится в глазах удерживающего меня мужчины. После озноба началось покалывание, и меня затрясло. Теперь его руки на теле ощущались, как раскаленные кандалы, поэтому я закричала уже от боли. В прошлый раз это было красиво, сейчас – страшно. Мне казалось, что я умираю, что из меня вытягивают мою суть, а потом все закончилось. Так же резко, как началось.

Меня все еще трясло, но Валентайн уже заворачивал меня в халат и нес в спальню. Там завернул нас двоих в одеяло, прижал к себе.

– У тебя отравление тьмой. Скоро все пройдет.

С губ сорвался смешок. Интоксикация тьмой. Такой, типа, местный клуб анонимных темномагоголиков. Чутка перебрала, с кем не бывает. Я подавила желание расхотаться и замерла в его руках. Слушая биение сердца – его, отдающееся в мое, моего – отдающегося в его.

– Как ты додумалась все это проверить сама?

– Соня попросила. Ей было очень плохо, очень-очень. Это сейчас она помирилась с Сезаром, а до этого... беременная, отчаявшаяся, одинокая. Она моя лучшая подруга. Что я должна была сделать?

– Прийти ко мне?

– Я не могу бегать к тебе по любому вопросу.

– Если это связано с темной магией – можешь.

– А если это связано со мной? – Я повернулась в его руках, посмотрела на него. – Это моя магия, моя сила. Ты не можешь вечно защищать меня от нее. Не можешь постоянно ее блокировать, боясь, что...

– Я не собираюсь ее блокировать, Лена.

От неожиданности я замолчала, а Валентайн добавил:

– То, что ты сделала – сама восстановила заклинание, это невероятно.

– Я не просто восстановила, – буркнула я. – Я еще и добавила туда возможность поговорить, слышать и слушать друг друга.

Он на мгновение замолчал. Молчал долго и смотрел на меня так, что я предполагала очередное чтение морали или новую ссору, вместо этого Валентайн произнес:

– Еще более невероятно. У тебя талант.

Хорошо, что я лежала, а то моя челюсть оказалась бы на полу. Сейчас же ее нежно поддерживала подушка.

– Это что? Ты меня сейчас похвалил?

– Не должен был?

Он притянул меня к себе, положил ладонь на голову, высушивая волосы. В тему, потому что из распахнутого настежь окна потянуло холодом, а я как раз снова научилась его ощущать.

– Думала, ты будешь рассказывать, что это опасно, что я безответственная, и все такое.

– Нет. Не буду. Ты права, это твоя сила, это часть тебя. Так же, как моя магия – часть меня. Долгое время я считал, что она мешает мне жить, но сейчас я понимаю, что это я сам мешал себе жить. Мешать жить тебе я не хочу.

Я посмотрела ему в глаза. Не ощущая ровным счетом ничего. Это было странно, поскольку я как минимум должна была злиться за то, что он сделал с моей памятью, но... мне было все равно. Настолько все равно, что мне бы сейчас порадоваться. Мне казалось, что тогда, в прошлом, это было несоизмеримо больно. Знать, что любимый мужчина спал с другой, не узнал тебя, ничего не сделал, чтобы... чтобы – что? Валентайн и так постоянно делает все исключительно ради меня.

– Почему ты на меня так смотришь? – произнес он.

– А ты прочитай мои мысли.

Валентайн нахмурился:

– Что-то не так, Лена? Ты на меня злишься?

Хотела бы я.

– Да нет, – я пожала плечами. – Мы можем чем-то помочь Сониной маме?

– Нет. Забрать ее сюда мы не можем, дотронуться до нее в том, другом мире, тоже.

А твой отец мог бы... наверное.

Мысли текли совершенно иначе, как-то удивительно равнодушно. Но даже сам факт этого я отмечала через странное равнодушие. Как там сказал Валентайн? Отравление тьмой?

– Соню нужно успокоить, – добавила я.

– Я уже отправил Сезару сообщение. Он должен быть с ней.

– А-а-а, – я зевнула. – Ну хорошо.

– Точно хорошо? Точно все в порядке? – Валентайн пытливо посмотрел на меня. В меня. В самую душу.

– Точно. – Я снова повернулась в его руках и уставилась в стену. – Давай спать.

Вот у темных драконов бывает черная страсть, а у темных людей? Я же весь такой уникам-уникам. Может быть, в случае с Драгоном дело вовсе и не в Ленор. Может быть просто моя черная страсть – это он.

Просыпалась я как после жуткого похмелья. Голова казалась тяжелой и чужой, тело тоже, и в целом состояние было в стиле «можно я прямо сейчас помру, чтобы дальше не мучиться?». Судя по всему, помереть мне не грозило, а дальше становилось только хуже. Потому что я начала вспоминать все произошедшее и свои чувства. Точнее, полное их отсутствие. С тем же успехом могла ходить и говорить кукла, именно такой я вчера и была.

А еще...

– Не вздумай, – зашипела в моей голове Ленор. – Не вздумай с ним говорить об этом, он тебе мозги свернет окончательно. Ты же помнишь, какая красотка вчера была?

Вот это я как раз отлично помнила. Без ее подколок.

– Так вот, – продолжила она. – Теперь ты представляешь, что он чувствует. А точнее, чего не чувствует. Если у твоего Валентайна появится хотя бы намек на то, что ты вспомнила, что ты хочешь его бросить, ну-у... можем заранее попрощаться на всякий.

– Он не причинит мне вреда, – так же мысленно ответила я. Правда, не очень уверенно.

– А он не считает, что это вред. Ты же понимаешь, да, Лена? Теперь-то ты наконец понимаешь, – в ее голосе опять сквозила издевка, и мне захотелось свою ментальную близняшку пнуть.

– Молчала бы. Проститутка, – выдала я.

– Ну все, оскорбления начались.

– А как тебя еще назвать? В Люциана влюблена, с Валентайном трахаешься.

Ленор хохотнула.

– Окей. Можешь называть меня как хочешь, только Валентайну своему ничего не говори. Я жить хочу. Может, он меня в конце концов из тебя выселит, и я буду жить долго и счастливо.

– Ты хоть понимаешь, что он стал таким из-за меня? – поинтересовалась я.

Лежать в его объятиях и мысленно говорить с Ленор о нем было ну очень дико, но после вчерашнего это представлялось так, легкой детской разминкой. Тьма не просто меня изменила, она будто поглотила меня целиком. Так мне вчера казалось. Все, что было важным, перестало им быть. Мне стало все равно, что чувствует Соня, что произошло с ее мамой, и даже все равно на то, что чувствую я. Хотя правильнее сказать, чувствовала. То, что я должна была испытать, вспомнив о Ленор и Валентайне, то, что я должна была почувствовать, когда узнала о его поступке – все это тьма поглотила и растворила, не оставив во мне ни малейших сожалений. Ни частички боли, ни обиды, ни страха, ни даже злости.

Сейчас же я скорее была в шоке, поэтому просто лежала, чувствуя на своем плече тяжесть его руки, и моргала.

– Конечно, у абьюзеров, так их, по-моему, в вашем мире называют, когда они женщин бьют, она тоже сама виновата.

– Ты совсем дура, или притворяешься? – уточнила я. – Валентайн проводил кучу темных ритуалов для того, чтобы помочь мне. Тебе в том числе.

Если меня с одного так повело, могу представить, что происходило с ним. Когда он раз за разом пропускал через себя эти потоки тьмы.

– Да мне все равно, – сказала Ленор. – Я просто не хочу, чтобы у тебя мозги сварились. Застрясть с тобой в одном теле в принципе удовольствие не из приятных, а если ты еще и свихнешься... Словом, давай-ка лучше без этого. Без выяснения отношений. Просто уходи от него и все. Но так, по-тихому. У Сони своей политического убежища попроси. А лучше...

– Если ты сейчас это скажешь, я за себя не отвечаю.

– И что ты мне сделаешь? – Ленор фыркнула. – Ладно, можешь не отвечать. Вопрос к тебе: с какой радости ты тогда вчера думала про черную страсть к нему? Воспитанница института благородных девиц, блин.

Мне нельзя поддаваться на провокации. Особенно – на провокации от нее. Мне вообще нужно держаться подальше от темной магии. Как можно дальше. Я вспоминала весь свой путь к этому ритуалу, и у меня просто мороз по коже шел. Я же втягивалась в него, начиная чувствовать себя чуть ли не всеильной. По крупинкам, по капельке, раз за разом. Сначала незаметно. Потом все сильнее и сильнее. Да что там, я до сих пор отчетливо ощущала это могущество, и сравниться с ним не могло ничто. Даже самый яркий оргазм, самая большая радость, самое невероятное счастье меркли в этой тьме. Растворялись в ней.

Я в самом деле думала про Люциана и про черную страсть, и от этого меня закрутило в холодный рогалик. Я даже свернулась клубочком, выскальзывая из-под руки спящего Валентайна.

Сколько сейчас времени? Судя по тому, что еще только-только небо светлеет, рань несусветная.

– Иди к Соне, короче, – снова подала голос Ленор. – Там Сезар. Он Валентайна к тебе не подпустит, если ты сама не захочешь. У него есть такая власть.

– Я никуда не уйду.

– Что?!

Если можно представить рявк прямо внутри головы, то это именно он сейчас и был.

– Я никуда не пойду, – повторила я. – Я останусь с ним. Если мне нужно будет терпеть тебя в своей голове всю оставшуюся жизнь, даже посменно, если это поможет ему избавиться от тьмы, я попрошу его перестать работать над созданием тела. Это я его к этому привела. Я, понимаешь? А теперь просто сбегу, поджав хвост?

Я долгое время думала, на что рассчитывал Адергайн. Возможно, именно на это и рассчитывал. Что раз за разом спасая меня от тьмы, помогая мне решать вопросы с моей двойной сутью, Валентайн поддастся своей природе и станет тем, кем его хотел видеть отец. В результате Адергайн получит внутри Даррании своего наследника, а дальше... Лозантир знает, что дальше.

С самого первого дня, с самого нашего знакомства Валентайн старался держаться от тьмы, разрушающей его суть, подальше. Но потом появилась я. Я, которая вообще ничего не понимала ни о мощи этой магии, ни о ее обратной стороне. Сейчас я понимала его, как никто. Я точно знала, что тот Валентайн, которого я встретила на балу и даже тот, который заставил меня раздеться у себя в кабинете, никогда бы со мной так не поступил.

От этого на глаза навернулись слезы и стало невероятно страшно, но я заставила себя пару раз глубоко вздохнуть.

– Лена, ты что, реально не понимаешь? – предприняла очередную попытку Ленор. – Он больше не читает твои мысли. Ваша связь... ее больше нет. Она держится только на тьме, которая поглощает его, он чувствует только твою темную магию, только это вас и связывает.

– И что? – поинтересовалась я.

– В смысле – что? Ты еще не до конца отошла?! Тебе вроде уже не все равно.

– Я вчера стояла и смотрела, как Сониная мама лежит на полу с сердечным приступом. Ничего не чувствуя по этому поводу, – ответила я. – Думаешь, если бы он не пришел, сейчас что-то бы изменилось? Скорее всего, сегодня я решила бы избавиться от тебя, но сейчас я лежу и говорю с тобой. Потому что он вытянул из меня тьму. Потому что он всегда меня спасает, когда мне больно и плохо. И, в отличие от твоего Люциана, он ни разу, ни разу от меня не отказывался.

– Да, только мозги подвигал.

– Потому что ему нужна моя помощь! – взвыла я. – Потому что через меня он впустил в себя то, чего избегал долгие годы. И я сделаю

все, чтобы помочь ему вернуться. Помочь вернуться тому Валентайну, которого я знала. Я знаю, какой он, и я знаю, что он может...

– Лена, ты его уже не вернешь! – на этот раз взвыла Ленор. – Если тебе плевать на меня, подумай о себе, о своей Соне... она же расстроится, если с тобой что-то случится. Ты говоришь, что он тебя спасает, но ты для него наваждение. Та самая пресловутая черная страсть, и это ненормально! Когда ты это поймешь, может быть уже поздно. Вот пока еще...

– Замолчи, – резко сказала я. – Это моя жизнь, и мне решать, что с ней делать.

Я повернулась в руках Валентайна и коснулась его плеча. Он открыл глаза мгновенно, если бы я не знала об этой его особенности вот так, разом просыпаться, решила бы, что он не спал.

– Что-то случилось? – хрипло поинтересовался он. – Все хорошо, Лена?

– Все хорошо. Я просто хотела попросить тебя об одолжении.

– О каком?

– Браслеты из металла из гор Нивелира. Я хочу перестать чувствовать темную магию.

Глава 28

Если честно, я боялась идти в Академию. Потому что знала, что Соне больше помочь не смогу, но, когда Соня не появилась на первой паре, мне стало еще страшнее. Я не стала связываться с ней через виритту утром, надеялась, что мы поговорим лицом к лицу, но теперь, когда ее не было, я сидела как на иголках. Она ведь беременна, а я вчера бросила ее совсем одну. Да, Валентайн сказал, что должен был прийти Сезар, но пришел ли? Что, если с ней что-то случилось?

Что случилось с ее мамой?

Я старалась об этом не думать, но не могла. Точнее, только об этом я и могла думать, поэтому едва замечала какого-то слишком довольного сегодня Ярда, а еще заработала отработку у историка. Вредный старикашка был счастлив, а я места себе не находила. Потому что на сообщения Эвиль Соня не отвечала. Ах, да, еще я поругалась с Эвиль, насколько можно поругаться с искусственным магическим интеллектом.

Потому что она сопротивлялась общению на занятиях, настаивая на том, что мне нужно усваивать материал, а мне было плевать на то,

что она считает. В итоге я назвала ее бесполезной говорилкой, и виритта обиделась. Кто бы еще знал, что в них вмонтированы чувства.

До рычания дракона и перемены я еле досидела, а, когда уже собиралась к Валентайну за порталным допуском, чтобы пойти к Соне, увидела ее. Она шла к аудитории, в которой у нас должна была быть лекция по магической зоологии.

У меня просто от сердца отлегло, я подлетела к ней, порывисто обняла и пробормотала:

– Сонь, прости, что так вчера убежала... У меня просто было отравление темной магией, и...

– Прости?! – подруга рывкнула так, что на нас обернулись все.

Вывернулась из моих рук и яростно сверкнула глазами.

– Сонь, давай поговорим, пожалуйста, – попросила я. – Это в самом деле очень важно и очень страшно.

На какой-то миг мне показалось, что она меня пошлет, но она лишь кивнула, и мы отошли подальше от аудитории, сопровождаемые взглядами адептов. Я старалась говорить спокойно, но спокойно не получалось – слишком много было эмоций. Поэтому *Cubrire silencial* пришлось как нельзя кстати.

Я рассказала о том, как меня накрыло, о том, что я почти ничего не чувствовала. О том, что было утром. О том, что мне говорил Адергайн. Соня слушала с каменным лицом, и, когда я замолчала, лишь кивнула на мои манжеты:

– Значит, ты теперь с браслетами.

– Мне иначе нельзя, Сонь.

– Супер. Отлично. А мне что прикажешь делать? Я не знаю, что произошло с моей матерью. Я всю ночь не спала.

– Соня, мне ужасно жаль, – я попыталась взять ее руки в свои, но она их отдернула. – Ты даже не представляешь, насколько. Я хотела как лучше...

– Ты всегда хочешь как лучше, Лена, – выплюнула она. – А получается какое-то дерьмо!

Я осеклась. Не просто проглотила слова, которые крутились у меня в голове, я их попросту забыла. А Соня тем временем продолжала:

– Знаешь, очень круто сказать: теперь все, мне нельзя использовать темную магию, а меня оставить с мыслью, что моя мать

умерла там на полу нашей кухни, и я ничем не могу ей помочь.

– Но это правда. – Горло сдавило от ужаса при мысли о том, что это действительно так. – Мы ничем не можем ей помочь...

– Значит, не надо было браться! – снова рявкнула Соня. Ее крик поглотил *Cubrire silencial*, но я-то его слышала. – Не надо браться за то, что ты не можешь довести до конца, и за то, что ты не можешь исправить или остановить в случае чего! Ты убила мою маму, Лена!

Лучше бы она меня ударила. Наверное. Тут впору радоваться, что я еще способна чувствовать такую боль, но это совсем не про радость.

– Мы не знаем, что с ней случилось, – произнесла я. Получилось почему-то очень тихо.

– Вот именно! Не знаем! А ты даже не хочешь помочь мне узнать! Нацепила браслеты – и все, скинула с себя ответственность. Хорошо обвинять во всем темную магию, а главное – напрягаться больше не надо.

– Сонь, ты же понимаешь, что это не шутки, – ответила я. – Я же объяснила, почему...

– Да какие уж тут шутки, Лена! – процедила подруга. – Не можешь сама – попроси своего Валентайна! Он у тебя всесильный!

Я закусила губу.

– Что?! Ну что ты молчишь, Лена?!

Прорычал дракон, но Соня не двинулась с места. Я тоже не пошевелилась, потому что знала ответ. Тот ответ, который должна ей дать прямо сейчас.

– Я не могу, – тихо сказала я.

– С чего бы?!

– Потому что темная магия отравляет и его в том числе. Он...

– Да чтоб вы на пару ей отравились! – выплюнула Соня. – Не подходи ко мне больше! Никогда! Слышишь?!

– Соня...

– Я не шучу. Я серьезно! – она посмотрела на меня с такой ненавистью, что я отшатнулась.

Подруга бросилась к дверям аудитории, а я – в противоположную сторону. Сначала я шла медленно, потом все быстрее, быстрее и быстрее. Ускорившись до предела, я вылетела на улицу, в парк. Сегодня дождя не было, было просто пасмурно и очень прохладно, но

этот холод ни на мгновение не пугал так, как тот, что окутывал меня после ритуала.

Холод отсутствия чувств. Той Лене точно было все равно, что там говорила Соня. Той Лене было все равно, что случилось с ее матерью, а вот мне... Я понимала, что я уже никогда не узнаю, что произошло с Катериной Андреевной, как и Соня. Мне придется жить с этим. Всю оставшуюся жизнь.

Это несправедливо по отношению к Соне и ее маме. Это ужасно. Но хуже всего то, что я действительно стала причиной случившегося. Я хотела, чтобы они поговорили, но не учла, как это может сказаться на женщине, ничего не знающей о магии и считающей свою дочь погибшей. Я считала, что я всесильна. И вот что из этого вышло.

Сунув руки между колен, я поняла, что дрожу. От холода, от переполняющих меня эмоций, от осознания того, что я, кажется, только что потеряла самого близкого мне человека... ту, что была мне как сестра, и это заслуженно. Я не могла перестать прокручивать в голове ее слова, ее взгляд – жесткий, ненавидящий, злой. Соня никогда на меня так не смотрела. Снова и снова вспоминала, как ее мама оседает на пол. Может же быть, что она просто потеряла сознание. Такое же может быть?

Теперь уже я дрожала так, что, кажется, вместе со мной подпрыгивала скамейка. Конечно, мне это только казалось, на деле просто зуб на зуб не попадал. От холода, от нервов, от того калейдоскопа эмоций, которые бушевали во мне. А ведь вчера все было так просто... казалось таким простым. Да и сейчас достаточно просто снять браслеты, призвать тьму – и все закончится.

Я скривилась от этой мысли. А следом вздрогнула, потому что на мои плечи лег пиджак.

– Только не дерись, Ларо, – предупредил Люциан, легко запрыгивая на спинку скамейки. – Я просто спасаю тебя от самой мерзкой болезни людей – простуды.

– А у драконов простуды не бывает? – поинтересовалась я. Хотя отлично знала, что не бывает. Их магия согревает безо всяких заклинаний, так что Люциан в такой вот рубашке может посреди зимы спокойно разгуливать. Просто мне нужно было что-то сказать, чтобы поддержать этот смол-ток, не говоря уже о том, что я вообще не знала, как себя с ним вести.

Хотя бы потому, что он пытался мне сказать правду про Валентайна (в своих корыстных целях, конечно же, но все-таки), а я его послала.

– Опять с Соней что-то не поделили? – поинтересовался Люциан.

Чтобы смотреть на него, мне пришлось развернуться: поскольку он сидел на спинке скамейки, рядом со мной стояли принцевы ноги в начищенных ботинках.

– Не упускаешь случая увидеть меня у своих ног? – уточнила я.

– Так, все в порядке, – хмыкнул он. – А то я уже думал, что ты заболела.

– С чего бы?

– Почти минуту никакого сарказма с твоей стороны.

– Ха-ха-ха, – выразительно сказала я и отвернулась.

– Так что насчет Сони? – донеслось сверху

– Я не хочу об этом говорить.

– А о чем хочешь?

Я вздохнула.

– Понятно. Ни о чем, значит. Тогда давай молчать.

Что-то зашуршало, и принц съехал на мой уровень. То есть сел рядом. Я себя ощущала странно и дико, как в каком-то сне. Учитывая, что мы вообще никак не общались в последнее время, сам факт нашего разговора был странным. А молчание – еще больше.

Вся наша с ним история казалась далекой, как Академия от земли. Та история, когда я шмякнулась с края парящего острова, а он меня подхватил, все, что было потом тоже ощущалось, как бесконечно далекое прошлое. То, в котором парящие острова были основой этого мира.

Когда-то на них строились замки и целые поселения драконов, тогда как люди жили на земле. Но во время войны, спровоцированной Горрахоном, почти все они были разрушены. Остался только вот этот и еще несколько, хаотично разбросанные по всему миру. Но те пострадали гораздо сильнее, а этот... этому повезло.

Не знаю, сколько мы так сидели в тишине, пока ладонь Люциана не оказалась на скамейке рядом с моей. Прикосновение драконьих пальцев обожгло, всколыхнув совершенно ненужные воспоминания. Я отдернула руку, и он поморщился.

– Переставай реагировать так, будто я хочу тебя сожрать!

– Я так не реагирую! – огрызнулась я.

– Конечно, ты реагируешь по-другому. Но не хочешь себе в этом признаваться.

– Люциан, вот твой пиджак, – я поднялась и протянула ему предмет его гардероба на вытянутой руке.

– Опять сбегаешь, Лена? – ехидно поинтересовался он. – Так и будешь до конца своих дней от меня бегать?

– Нет, я надеюсь, что ты раньше переключишься на кого-то еще, – не осталась в долгу я. – А еще лучше – женишься.

– Я женюсь только на тебе. Или ни на ком.

Вот как?! Как ему каждый раз удастся тряхнуть меня так, что земля из-под ног уходит? А главное – зачем?!

– Тебе мало влюбленных в тебя девушек? Мало тех, что готовы выпрыгнуть из трусов, лишь бы попасть к тебе в постель?

– За выпрыгивающих из трусов я ответственности не несу, Лена. – Он все-таки поднялся, и мы оказались лицом к лицу. Я уже почти успела забыть, какой он жаркий, что находиться рядом с ним опасно: ощущение, что, дотронувшись, обожжешься как о раскаленную плиту. – А вот за себя могу отвечать. За свои чувства к тебе.

Я уже почти успела забыть, какво это – смотреть в раскаленные золотом магии глаза и плавиться в них. Поэтому сейчас молча сунула ему в руки пиджак, развернулась и пошла по дорожке. Тихо, спокойно.

Какая разница, если я уже заработала прогул и взыскание? Одним больше, одним меньше.

Я не хотела думать о том, что оставила за спиной. О том, кого я там оставила – тем более. Особенно я не хотела думать о том, как я думала о нем ночью. О том, что Люциан Драгон вполне может оказаться моей черной страстью. Если это так, мне нужно держаться от него подальше. Как можно дальше. Настолько, насколько это вообще возможно. История его отца и Тэйрен очень показательна. Ничем хорошим такое не заканчивается. Да, начинается все красиво, а потом ты становишься темной. Для него, для себя, для всего мира. Возвращаешься туда, где тебе самое место, оставив своего сына, все и вся.

Можно ли вообще стать счастливой, если в тебе – тьма? Или всю жизнь придется носить браслеты? Пока Адергайн жив.

Эта мысль крутилась в моей голове до самой большой перемены. На которой Соня прошла мимо меня, как мимо пустого места. Следом точно так же шлейфом прошли девушки из бывшей компании Драконовой, набивающиеся ей в подружки. Но я не успела расстроиться: ко мне опять подошел тот парень, который предлагал играть в театре.

– Ленор, может, ты передумала? – как-то обреченно спросил он.

– О чем речь? – небывало весело поинтересовался подошедший Ярд.

– О театре. Меня хотят заставить играть девицу, которую принесли в жертву...

– А, ты про историю Мариты и Коммелана? Теоретически, в жертву принесли не ее, а принца, – фыркнул друг.

– Какая разница! Мне трагедий в жизни хватает, – брякнула я, и Ярд тут же перестал улыбаться. Зато приглашающий меня парень оживился:

– Так театр – это же превосходная возможность отвлечься! Погружаясь в роль, мы становимся героем, проживаем его историю как свою и забываем о реальной жизни.

Я вздохнула.

– Соглашайся! – с энтузиазмом агитатора на Невском напирал однокурсник. – Спектакль пройдет, а воспоминания останутся!

– О чем? – уточнила я.

– О прекрасных адептских буднях!

Я ненадолго задумалась.

– Хорошо, но сначала вы восстановите Ярда на должности руководителя театральных проектов.

Или кто он там был, когда его оттуда сняли.

– Э... – многозначительно произнес парень.

– И? – в стиле ему ответила я.

– Но это же моя должность!

Я пожала плечами.

– Утром должность, вечером я в роли Мариты. Вечером должность – утром я в роли Мариты. Днем должность...

– Да понял я, понял, – процедил тот. – Могу предложить моего помощника?

– Можешь предложить Ярду быть его помощником.

Друг выразительно хмыкнул.

– Да вы все издеваетесь! – взвыл театрал.

– Кто – все?

– Никто, – быстро отмахнулся он. – Ладно, хорошо! Но Лорхорн будет на испытательном сроке.

Хорошо быть директором на испытательном сроке!

– Согласна, – ответила я, пожимая парню руку.

– Вечером! Завтра! Жду вас обоих! – многозначительно произнес однокурсник и побежал по своим делам.

– Ну ты даешь, – Ярд посмотрел на меня, – зачем?!

– Ты же любил театр.

– Любил, но... что у тебя там за драмы? Или это шутка была?

– Считай это дружеской помощью, – я похлопала его по плечу. – Про драмы это была шутка. Кстати, заметила, что ты сегодня довольный. Это с чем-то особенным связано?

Ярд как-то сразу смутился.

– Да так. Ни с чем особенным.

Я настаивать не стала, но про себя подумала, что это «никто особенная», видимо, очень особенная. Подхватила Ярда под локоть, и мы вместе с ним пошли по коридору.

НГ БОНУС 2024

31 декабря 2020 года, Санкт-Петербург

Лена

– Дурацкая елка! – ойкнула Соня, отдергивая руку.

– Дай я повешу, – я взяла у нее шарик и, когда подруга спрыгнула на пол, залезла на стул. Вообще-то елку мы собирались в этом году нарядить за неделю, но как всегда то одно, то другое. В итоге сейчас было шесть вечера, и мы ее все-таки нарядили. Оставалась гирлянда, а еще снежинки на окна.

– Ну что? Справились? – В гостиную заглянула Екатерина Андреевна. Она была уже полностью одета и собрана, с роскошной прической и макияжем. Ее визажист уехала полчаса назад.

– Ага, – Соня почесала поцарапанную иголками руку.

– Ну тогда я пошла. Доставка еды на восемь оформлена, на стол накрыть успеете. Подарки под елкой. И до встречи в новом году!

– Надеюсь, он будет веселее, чем этот, – буркнула подруга.

Екатерина Андреевна улыбнулась:

- Как встретите, таким и будет.
- Ой, мам, ты еще веришь во все эти суеверия...
- А ты проверь! – Мать поцеловала ее в щеку и помахала мне рукой. – До завтра, Лена.
- До завтра, Катя.

У Сониной мамы было строгое правило: никаких «тетя Катя», только по имени. Ну и если честно, язык бы не повернулся назвать эту роскошную женщину «тетей». В том самом смысле. Она ехала отмечать к подругам, у них там собиралось шесть пар, Сонину маму позвали одну (поскольку сейчас она ни с кем не встречалась). Хотя я подозревала, что там еще кого-то одного позовут, Соне о своих догадках говорить не стала – она очень болезненно реагировала на перспективу, что у мамы появится кто-то, кроме отца.

– Ну что, пошли краситься, что ли? – Соня кивнула в сторону спальни.

Квартира у них была без преувеличения огромная, с несколькими спальнями, поэтому мама и разрешила в этом году позвать к себе половину класса. Учтывая, что оставшаяся половина поехала в загородный дом к Земскову, мы как-то логично разделились на два лагеря. Только называли их не «Драгунова» и «Земсков», а «Харитонов-Земсков», как в матчах. Видимо, голы тоже собирались считать, у кого будет круче. Ну я-то уж точно была уверена, что этот выпендрожник сделает все, чтобы переплюнуть Сонину вечеринку, запомит весь классный чат фотками и видюшками.

Козлина!

На этой моей оптимистичной мысли Соня открыла чемоданчик с косметикой, и мы занялись делом.

Вечер перед Ночью Магии, Хэвенсград

Люциан Драгон

– А нам точно нужно туда идти? – Аникатия закинула на него ногу и потянулась к губам. Люциан увернулся, и дочь папиного советника клюнула носом подушку.

– Попробуй не явиться на бал тэрн-арха, – фыркнул он, усаживаясь на постели, – я с удовольствием на тебя посмотрю.

– Ты же у нас бунтарь! – Девушка обняла его со спины, прижимаясь обнаженной грудью с большими выпуклыми сосками, и

организм отреагировал сразу и однозначно. Кое-что в один миг стало не просто выпуклым, а каменным.

– Ани, тебе говорили, что рядом с тобой хочется исключительно трахаться? – развернувшись, поинтересовался Люциан.

– Ну ты и хам, Драгон, – фыркнула Аникатия, а после поднялась, подошла к окну и приоткрыла его, впуская в комнату морозный воздух. Ему не впервой было оставаться с ней наедине в ее спальне, а когда могут застучать – это особенно возбуждало. Папочка Аникатии считал, что она блюдет нравственность, тогда как драконесса переспала с мужской половиной школы. Не говоря уже о преподавателях. Впрочем, не ему считать, учитывая, что у него было все то же самое, только с ее женской половиной.

За окном всюду валил снег, а Ночь Магии в Даррании отмечали с размахом. Городской особняк отца Ани находился в самом центре, и, приблизившись, Люциан увидел счастливых людей и драконов, спешащих по своим делам. Везде сверкали магические гирлянды, отовсюду доносился смех и счастливые голоса.

– Так что? Уже уходишь? – насмешливо спросила драконесса, кивнув на колом стоящий член.

– А у тебя есть идеи получше?

– У меня всегда есть идеи получше.

Он не успел и слова сказать, как Аникатия уже опустилась рядом с ним на колени и втянула его в себя. От резкой смены ощущений так повело, что Люциан зашипел, вплетая пальцы в длинную черную гриву, потянул драконессу за волосы, насаживая на себя.

Она явно не была против, позволяя ему направлять и принимая его еще глубже. Да, Ани определенно знала свое дело, и Люциан просто закрыл глаза. Недавно Невс заявил, что во время минета глаза закрывают, когда хотят увидеть другую, но он никого не видел. Девчонки просто созданы для того, чтобы дарить наслаждение, только и всего. Большой разницы между этим и тем ртом не существует, разве что в том, какой он может быть глубины.

Вечер перед Ночью магии, Хэвенсград

Валентайн Альгор

– Может быть все-таки передумаешь? – спросила Амильена, сидевшая в кресле напротив. В кабинете ее городского дома было уютно. Настолько уютно, что Валентайну хотелось уйти отсюда как

можно скорее. Он еще успевал к Элии. А еще – туда, где встречал все праздники.

– Не передумаю.

– Боишься шокировать моего отца и его знакомых?

– Не хочу никого из них видеть.

– Как всегда откровенно, – Амильена скривилась.

– Ложь – это начало конца, – Валентайн постучал пальцами по столу. – Если ты не можешь сказать кому-то правду в лицо, вам нечего делать вместе.

– Да ну? – усмехнулась Эстре. – Я всегда считала, что политики должны разбираться в дипломатии.

– Не все. И я не политик. Я архимаг. Могу себе позволить.

Амильена передернула плечами и поднялась. Кажется, она поняла, что уговорить его провести праздничную ночь с ней, с ее семьей, уже не получится. К сожалению или к счастью, Валентайн слишком хорошо знал, что бывает, если довериться девочке, клянущейся тебе в любви. Потом может быть слишком больно. И, вот это уже однозначно к счастью, его «больно» осталось в далеком прошлом.

– Значит, ты придешь завтра? – спросила она с надеждой. Повернувшись к нему и глядя в глаза, а, кажется, в самое сердце. – Завтра я буду одна. И буду тебя ждать.

– Не уверен.

– Валентайн, почему?! За что ты меня наказываешь? Я же попросила прощения. Я...

– Я тебя не наказываю, Амиль, – он тоже поднялся, подошел к ней. – Я просто говорю правду. Ты прекрасно понимаешь, что меня никто не ждет на сегодняшнем вечере, но мне с этим спокойно, а тебе нет. Ты хочешь искупить вину и притащить меня туда показательно, смотрите – я с ним, но в этом уже нет необходимости. Между нами все равно ничего не изменится.

– Тогда уходи прямо сейчас! – Ее голос сорвался на крик. – Уходи, чего ты ждешь?! Ну! Давай, убирайся!

– С Наступающим волшебством. – Валентайн достал коробочку из внутреннего кармана пиджака, положил ей на стол. На мгновение показалось, что подарок полетит ему прямо в лицо, но Амиль удержалась.

Подарок полетел в дверь, как только он закрыл ее за собой. Валентайн даже не обернулся, он сразу открыл портал в точку, соседствующую с магазином игрушек.

31 декабря 2020 года, Санкт-Петербург

Лена

– Пей! Пей! Пей! Пей! – доносилось из динамиков Колиного айфона.

– Да, нехило они там развлекаются, – сказала Ася, стоявшая к нему ближе всего. Одноклассника окружили всей толпой, даже Соня заглядывала ему через плечо. Я оказалась права: вечеринку в загородном доме отца Земсков транслировал в Инстаграм*, в классном чате, странно, что прямую трансляцию по телевизору не заказал вместо нашей эстрады.

Тем более что музыка у них там бухала так, что здесь уши закладывало.

– А что? Мы тоже можем! – воскликнула Женька. Она сегодня накрутила и без того свои тугие кудряшки так, что они торчали пружинками. – У нас вон...

Одноклассники и правда постарались: все приехали со своим. Ну то есть официально наша вечеринка была безалкогольной, а неофициально – очень даже. Ящик шампанского уже вытащили на балкон, где открыли все окна, остальное стояло в пакетах в комнате. Частично уже ополовиненное.

– Вы главное до возвращения мамы улики нейтрализуйте, – хохотнула Соня. Она уже была очень веселая и раскрасневшаяся.

– Не бойсь! Ничего не останется после нас, – пообещала Маша.

– Звучит-то как!

– А то! И вообще. Мы все здесь уже совершеннолетние. Выпускной класс как-никак!

– Так что организуем?

– Правда или вызов?

– Ты из какого века вообще? Еще фанты предложи!

– А давайте «Я никогда не...»?!

Пока одноклассники выбирали методы развлечения, я подошла к окну. Снег на улице шел то крупный, то мелкий, и я улыбнулась. Для меня снег, особенно тридцать первого декабря – это всегда про

новогоднее настроение. Я помнила этот праздник из детства, когда мама и папа...

– Не-не-не, – рука Сони легла мне на плечо, – я знаю этот взгляд. Если ты будешь думать дальше, наш праздник закончится, не начавшись. Все, хватит душнить, пошли к нам.

Я позволила ей утащить себя к одноклассникам и к столу, а ближе к двенадцати мы обнаружили, что у нас пропал Коля.

– Найдите его кто-нибудь! – крикнула Женя. – Сейчас желания загадывать будем!

Пока мы его искали, из Сониной комнаты потянуло холодом. Я вообще чисто случайно туда заглянула и обнаружила Колю. Тот сидел на кондиционере и махал кому-то рукой. Учитывая, что только что прошел снег, до падения ему оставалась парочка неудачных взмахов, и я, недолго думая, бросилась к нему.

– О! Ленка! – обрадовался Коля, обернувшись. И поехал с кондиционера вниз. Я едва успела его схватить, но весил Коля несравнимо больше, и я поехала вместе с ним.

– Да вы ***, что ли?! – донеслось у меня из-за спины, но посмотреть, кто это, мне было не судьба. Я четко понимала, что если сейчас разожму кольцо пальцев, Колю будут соскребать с... ну в общем, оттуда, куда он упадет. А еще – что скрыть нашу не алкогольную вечеринку точно не удастся.

Странно, что я вообще об этом подумала в такой момент.

К счастью, в меня сзади тоже вцепились. Сначала в ноги, потом еще справа. Кто-то из девчонок завизжал, слева в меня вцепилась Соня. Я отчетливо видела ее расширенные от ужаса глаза.

– Да тяните! И этого *** тоже!

Кто-то перегнулся через меня, вцепился в Колю. В итоге нас дернули так, что мы влетели в Сонину спальню, а в Соню прилетело моим локтем.

– Уй!

Это сказала лучшая подруга, прижимающая ладонь к щеке. По крайней мере, мне показалось, что она это сказала. Из гостиной донесся бой курантов, и Маша нервно захихикала, а Коля, пошатываясь, поднялся. Глядя на столпившихся в спальне одноклассников, выдал:

– Народ, а я на кондиционере сидел!

– Ты debil, ***?! – рявкнул на него кто-то из наших. Кажется, Виталик.

Соня убрала руку, и у нее на скуле обнаружился синяк. Я лежала, дышала полной грудью, думала о том, каким для нас будет 2021 год, и именно этот момент мама Сони выбрала, чтобы вернуться.

*Инстаграм признан экстремистской организацией и запрещен в РФ

*** Запикано новогодней цензурой и оставлено на усмотрение каждого

Вечер перед Ночью Магии, резиденция тэрн-арха Фергана Единственного

Люциан Драгон

– И в эту ночь Тамея снизошла в мир, и магия ее разлилась по нему, озаряя все вокруг своим светом и силой...

– Тошниловка, – сообщил Люциан Дасу. Друг согласно кивнул. Пока в большой церемониальной зале развлекали папочкиных гостей, Сезар стоял по правую руку от него с таким видом, словно проглотил палку. Ну, или с размаху на нее сел. Люциан мог поспорить, что второе даже вероятнее.

Родители Даса тоже придворные, но даже они не выглядели настолько по-драхски пафосно, как отцовский наследничек. Его будущая жена, Женевьев, раздавала всем свои ослепительно-снисходительные улыбки на пару с родителями, и Люциан опрокинул в себя бокал дорнар-оррхар, который схватил с ближайшего подноса.

– Сейчас закончится официальная часть, можно будет оставить их всех развлекаться, и пойти праздновать... например, вчетвером, – он подмигнул Аникатии и ее подруге.

Дас проследил его взгляд и присвистнул.

– Идея огонь. А что скажешь насчет вон той красотки?

Люциан проследил его взгляд.

– Брильис?

Драконесса из очень древнего рода весь вечер не отходила от родителей, взгляд ее был опущен в пол, она всем своим видом словно извинялась за присутствие здесь. Хотя род ее действительно был довольно знатным, а сама она была одета очень красиво, с той же вероятностью можно было хотеть трахнуть бревно.

– Слушай, она наверняка даже не знает, что и куда вставляется. Тебе это надо, ей объяснить?

Дас хохотнул.

– А мне кажется, это будет забавно, Драгон. Знаешь, в невинных девочках есть своя особая прелесть.

– Не для меня.

– Это тебе просто твоя невинная не попадалась.

– Надеюсь, и не попадется, – Люциан схватил еще один бокал, и в нем тут же материализовался лед: в каждом бокале лежал артефакт-активатор, который, к тому же, проверял напитки на яды. – А если попадется, я подожду, пока кто-нибудь ее испортит, и только потом приступлю к делу.

Друг снова расхохотался, но тут же заглушил смех кашлем: все звуки в зале стремительно стихли. Люциан успел опрокинуть в себя еще один бокал, а на балкон шагнула проекция отца. Ну кто бы сомневался, что Ферган Единственный захочет порисоваться.

Стоявший рядом с ним слуга держал камень роаран, с помощью которого тэрн-арх мог говорить, и сейчас его голос, усиленный магией, эхом разнесся по залу:

– Мои подданные, наш бал начнется в полночь. Я рад приветствовать всех собравшихся и горд, что меня окружают сильнейшие драконы Даррании.

На этом Люциан смачно выплюнул лед в бокал, тот звякнул, и на него неодобрительно покосилась стоящая рядом драконесса. Правда, потом поняла, на кого покосилась, побледнела и поспешила затеряться в толпе.

– У нас остается несколько минут до того, как Ночь Магии окончательно вступит в свои права, но до этого я хотел бы представить...

Люциан вздохнул и покосился на драконью тушу отца. Тот создал проекцию, чтобы показать свою силу, и сейчас дракон, рядом с которым стоял Сезар, светился золотом. Интересно, сколько в него надо накачать силы, чтобы его разорвало?

– Драгон! Драгон! Люц! – Дас ткнул его локтем в бок, и Люциан посмотрел на него:

– Что?

Вместо ответа тот кивнул в сторону проекции. Оказывается, рядом с отцом уже стояла Брильбис с родителями, и не просто стояла, а...

– Моему младшему сыну тоже пора задуматься о своем будущем, поэтому я счел нужным лично представить ему чудесную девушку и сильную драконессу...

Нет. Нет, не может быть! Да ну к драхам!

Нужно было быть откровенным идиотом, чтобы не понять, к чему все идет.

– Прошу прощения, меня тошнит, – голос Люциана эхом разнесся по залу, он увидел, как сверкнули гневом глаза отца, и как ухмыльнулась Аникатия: ей это точно понравилось. А после, не дожидаясь продолжения, он поставил стакан на поднос и демонстративно вышел из зала как раз в тот момент, когда под его своды взвилась праздничная музыка.

Вечер перед Ночью магии, Даррания

Валентайн Альгор

Об этом месте он никогда и никому не рассказывал. Амильена бы посмеялась, если бы узнала, где он его построил. Но она никогда не узнает. Никто не узнает.

В камине мягко потрескивал огонь, а единственным угощением на столе была корзина с фруктами и бутылка крепчайшего дорнар-оррхар, подаренная лично Ферганом. Ни к первому, ни ко второму он пока не спешил притрагиваться, зачарованно глядя на то, как пляшет пламя в камине.

Валентайн сидел неподвижно, поэтому ему казалось, что время застыло. Хотя миг наступления полуночи он почувствует, в этот миг каждый пробуждает свою магию, чтобы дать всему миру почувствовать ее силу и силу Тамеи. В Мертвых землях такой ерундой не заморачивались, но он солгал бы, если бы сказал, что его не волнует эта самая ерунда. А если начинаешь лгать себе, это уже точно ни к чему хорошему не ведет.

Искры светлой магии зажигались, как светлячки, они вспыхивали по всему миру, и Валентайн поднялся. Прошел по дому, толкнул дверь, вышел на улицу, вдыхая кружащиеся снежинки вместе с живым холодом.

Живой холод. Только оказавшись здесь, в Даррании, он понял, что это такое. Как выглядит этот мир по ту сторону границы, как он ощущается, как он звучит, как он дышит. Когда-то ему казалось, что это уже слишком много для темного, но сейчас Валентайн остро ощутил, как сжимается сердце. Это чувство незавершенности возникло одномоментно, словно во всех миллионах вспыхнувших во всей Даррании искр ему не хватало одной-единственной.

– Глупо, – пробормотал он. – Это просто глупо.

Собирался уже уйти, но перед глазами вдруг полыхнуло. Эта искра была как вспышка, и почему-то сейчас вместо заснеженного леса он увидел над собой диковинного вида потолок, а еще много странно одетых молодых людей. Короткое ощущение замешательства и мысли про какой-то две тысячи двадцать первый год обрушились на него внезапно, и так же быстро исчезли. Какое-то время Валентайн смотрел в сгустившуюся синеву праздничной ночи, потом резко повернулся и захлопнул дверь. Словно отрезая себя от той непонятной сказки, от мимолетного чувства единения, полыхнувшего в сердце. Вернувшись в кресло, он плеснул в бокал дорнар-оррхар. А потом еще долго смотрел в огонь, словно надеялся увидеть там облик искры, которую так ярко почувствовал.

Глава 29

Лена

– О чем ты хотела поговорить?

Я вынырнула из воспоминаний о новогодней ночи, остаток которой мы провели втроем вместе с Соней и ее мамой. После того, как один из наших, напраздновавшись, чуть не выпал в окно, и я вместе с ним, а мама Сони эпично вернулась именно в момент чудодейственного спасения, одноклассники дружной толпой убежали праздновать кто куда. Как потом выяснилось, большая часть к Земскову, где нам с Соней перемыли все косточки, но дело не в этом. Мы с Сониной мамой поругались страшно. Из-за всего, в том числе из-за алкоголя, который притащили ребята. Еще и под горячую руку попали: ее подруги, с которыми Катерина Андреевна планировала отмечать, решили ее с кем-то познакомить. Оказалось не в тему. Она вернулась домой, чтобы переодеться и оставить нас с одноклассниками, но получилось так, как получилось. Правда, после наших криков и слез мы так же яростно помирились, запили обиды

шампанским и заели мандаринами. После чего даже позвонили тете Оле, чтобы она к нам приехала, но та отказалась.

Вот так весело и эпично прошел Новый год перед моим попаданием сюда.

Уже тогда надо было задуматься о том, что в этом году меня ждет что-то особенное. Знать бы еще, насколько. И что теперь с Катериной Андреевной?

– О том, что я не хочу, чтобы ты создавал для Ленор тело. – Я посмотрела Валентайну в глаза. – Мы с ней просто будем меняться, как договаривались. И память нашу тоже закрывать не стоит – на ее время обо мне и на мое о ней. Пусть все будет как будет.

Валентайн приподнял бровь. Так знакомо: мне казалось, я его очень хорошо изучила, в том числе эту его манеру, когда он выражал либо изумление, либо сарказм. Крайняя степень эмоций в его исполнении, пожалуй. Когда мы только-только встретились, его лицо чаще всего было каменным, а все чувства отражались во взгляде.

Он приблизился, опустил на край кровати.

– С чем связано такое решение, позволь узнать?

– Я почувствовала темную магию, всю ее суть в ту ночь, – я вздохнула. Потерла похолодевшие даже от воспоминаний ладони и посмотрела на браслеты с узорами, защищающие меня от проявления моей сути. – Да, это мощь, с которой мало что может сравниться, но она почти не оставила во мне меня. Я так не хочу, Валентайн, равно как не хочу, чтобы с тобой произошло то же самое.

– Ты всегда знала, что темная магия – часть меня. – В его глаза плеснуло холодным серебром, радужка начала светиться.

– Да, и сейчас это знаю. Но это как... – я даже сравнения подобрать не могла. – Ну не знаю, как владеть ядерным оружием и пользоваться им. Понимаешь? После только пустота и смерть.

– По-моему, ты драматизируешь, Лена.

Почему-то он даже не стал уточнять, что я имела в виду, и мне стало еще холоднее.

– Может быть. Но это моя просьба к тебе. Ты сможешь ее исполнить?

– Отказаться от своей сути?

– Не создавать новое тело и не вмешиваться в нашу с Ленор память.

Валентайн помолчал. Как-то выразительно долго, я уже начинала думать, что мне придется приводить новые аргументы, ну или в подробностях объяснять, что такое ядерное оружие, но он лишь кивнул.

– Хорошо. Если ты этого хочешь.

Я не успела облегченно вздохнуть, как он продолжил:

– Но я категорически против того, чтобы вы делили это тело на двоих. Если тебя интересует мое мнение.

– Мы были рождены, чтобы делить его на двоих.

– Возможно. Но сейчас вы две разные личности.

Умом я понимала, что это так. Мама, то есть Эвиль Ларо, которая биологически, или как тут это назвать, являлась и моей матерью тоже, разделив нас создала проблемку, решение которой оказалась как задача на школьной олимпиаде с тремя звездочками. Вот только мне отчаянно не хотелось ее решать. Пока я не видела, как это сделать так, чтобы Валентайн не стемномагичился окончательно, чтобы все жили дальше и, по возможности, еще и счастливо.

– Давай поищем другой способ нас разделить, – попросила я. – Возможно, он существует. Нам просто нужно время.

– Время нужно на все. А тебе просто нужно принять, что темная магия была и останется моей сутью, Лена. – Он расстегнул запонки, бросил их на стоявшую на тумбочке подставку. – Чем скорее ты это поймешь, тем лучше. Не вижу причин ей не пользоваться, если я могу с помощью нее решить твою проблему. Насколько это возможно быстро. И эффективно.

Я промолчала. Просто потому, что не знала, что еще на это ответить. Пока Валентайн раздевался, я забралась под одеяло, поскольку уже успела принять душ. Он ушел в ванную, а я лежала и думала о том, когда совершила самую большую ошибку в своей жизни: когда пошла на ту фотосессию? Или когда попыталась помочь Соне с ее мамой?

Как бы там ни было, теперь это надо решать. Жаль, что не существует межмировых соцсетей безо всякой темной магии. Заглянул, посмотрел, удостоверился, что все хорошо, и живешь дальше. Межмировые соцсети...

Я вдруг вспомнила про то, что Люциан пытался позвать ко мне Дракуленка. Точнее, я тогда не поверила, но он говорил, что Валентайн

запретил ему ко мне приближаться. Очевидно, потому что тот знал про меня и Ленор, но что с ним происходит сейчас? Почему он не может ко мне приблизиться, это заклинание – или что?

– Валентайн, я хочу поговорить с Дракуленком, – произнесла я, когда тот вышел из душа. Капельки воды стекали с его волос по груди, и в целом он выглядел, как голливудская кинозвезда, но все, о чем я могла думать сейчас – это мой призрачный зверь.

– Прямо сейчас? – Вот теперь его поднятая бровь сто процентов означала сарказм.

– Нет. Завтра. Послезавтра, в ближайшие дни. Найди его для меня, пожалуйста.

– Мы кажется говорили о том, что...

– Да, я помню, что он стесняется того, что случилось, когда его подчинил Хитар, и все такое. Но сейчас мне очень важно с ним поговорить.

– Почему?

– Потому что он мой друг! И я хочу его видеть, – я села на постели, подтягивая одеяло чуть ли не до подбородка. Хотя мне ли стесняться после всего, что между нами было. – Пожалуйста, Валентайн. Для меня это очень важно.

– Хорошо. Я его найду, – Валентайн опустил рядом со мной. Прошептал слова заклинания, и его волосы мгновенно высохли. И не только волосы, я видела, как в одно мгновение испарились капельки с его кожи. Благодаря чему полотенце на бедрах стало ненужным, и он его просто отбросил в сторону. Обнажаясь и демонстрируя тот факт, что так просто этой ночью мне не заснуть. Я успела только подумать о том, что в Даррании не сработает отмазка про головную боль и усталость после занятий, как уже оказалась опрокинутой на спину и вжатой в подушки.

Браслеты его пальцев накрыли мои запястья поверх металлических, а властный, жесткий, подчиняющий поцелуй обжег губы.

Соня

Как же она ее ненавидела! Кажется, никогда и никого в жизни Соня не ненавидела сейчас так, как Лену. Сначала довести маму до такого, а потом бросить на произвол судьбы – якобы, ей темная магия может навредить! Ей и ее Валентайну, конечно! А то, что ее мама

осталась лежать на полу кухни, и помочь ей некому – не в счет! С чего бы заморачиваться такими пустяками! Ведь мама просто принимала Лену как свою дочь, всегда была за нее горой, даже когда тетя Оля, эта трусливая мышь, пасовала! Она защищала ее тогда, после случая с Земсковым, именно мама...

А теперь Лену может отравить темная магия! Разумеется, зачем брать на себя ответственность за то, что сама же и сотворила!

Стоило подумать об этом, как Соню начинало трясти. Она снова и снова прокручивала в голове воспоминания о случившемся... А ведь они даже не успели поговорить о том, что она беременна! Мама не узнает, что у нее будет внук или внучка, не узнает ничего... если она вообще еще дышит.

В отчаянии Соня схватила сумку и запустила ей в дверь спальни. Та сначала ударилась с диким грохотом, потом с меньшим грохотом лишилась всего своего содержимого.

Не прошло и минуты, как в комнату заглянула горничная:

– Тэрн-ари, что случилось? Вам что-нибудь нуж...

– Ничего мне не нужно! – закричала на нее Соня. – Ничего! Убирайся! Проваливай, чтобы я тебя больше никогда не видела!

Испуганная девушка выскочила за дверь, а Соня заметалась по комнате. Собственная спальня, просторная, сейчас словно сжималась в размерах, мешая дышать, мешая мыслить здраво, лишая остатков сил. Все это время, в этом мире ей помогали держаться мысли о Лене и маме. Но Лена ее предала, а мама... мама, вероятно, уже мертва.

Закусив губу, Соня рухнула в кресло и завывала, совершенно не стесняясь того, как это выглядит со стороны. Будь проклята та фотосессия! Будь проклят тот день, когда она в классе подошла к растерянной новенькой и предложила ей дружбу! Люциан с Сезаром считают, что Лену надо спасать от Валентайна, но они ошибаются. Это его надо от нее спасать! Всех их надо спасать от нее!

Сквозь рыдания и всхлипы она пропустила стук в дверь, поэтому когда он раздался во второй раз чуть громче, подскочила в кресле.

– Убирайся! – крикнула она. – Я же сказала, убирайся!

– София, это я. – Сезар шагнул в комнату. Брови его сошлись на переносице, когда он увидел валяющуюся на полу сумку и учебные принадлежности, а еще – зареванную ее. – Что случилось?

В его голосе звучала искренняя тревога, и Соня заревела еще сильнее. Вопреки всему почему-то это неподдельное волнение за нее заставило сердце сжаться до размеров птичьего, в комок. Стало нечем дышать, и она судорожно всхлипнула, а потом икнула. Сезар же приблизился к ней, опустился рядом с креслом на корточки, взял ее руку в свою.

Почувствовав тепло его ладони, Соня только сейчас осознала, какие ледяные у нее пальцы. Она попыталась их отнять, но Сезар не пустил. Напротив, сжал чуть сильнее, но все равно мягко.

– София, ты можешь рассказать мне все, – произнес он, глядя на нее. Она чувствовала его взгляд, хотя на него сама не смотрела. – Я знаю, что между нами пропасть, но я чувствую твою боль, как свою. Позволь мне тебе помочь, пожалуйста, расскажи, чем я могу помочь.

Если бы в ней еще остались слезы, Соня, наверное, залила бы ими все кресло и пол, но слез почти не осталось. Поэтому она опять икнула. Еще и еще раз.

Сезар продолжал держать ее руку в своей. Правда, сейчас он снова расслабил пальцы и на своей раскрытой ладони чуть поглаживал тыльную сторону ее запястья. От этой простой и такой короткой, ничего не требующей ласки, внутри снова все сжалось. Соня глубоко вздохнула, всхлипнула.

– Я... я не могу, – произнесла сдавленно.

– Не можешь – что? – Их взгляды наконец-то встретились, Сезар смотрел ей в глаза, и, кажется, он единственный во всем этом мире сейчас был за нее.

– Не могу рассказать.

– Ты плохо меня слушала? – Он улыбнулся, но тут же снова стал серьезным. – София, я, конечно, не образцовый муж и наделал много ошибок. Но я готов ради тебя на все. И я не шутил, когда говорил, что ко мне ты можешь прийти со всем. Со всем, что тебя беспокоит. Почему ты плачешь?

Соня закусил губу, покачала головой. Но потом все-таки произнесла:

– Мама... с ней... случилось кое-что очень плохое.

– С Марией Драконовой? – Сезар изумленно нахмурился. – Как?! Когда?! Почему мне об этом ничего не известно...

– Потому что моя мама не Мария Драконова, – Соня набрала в грудь побольше воздуха, будто готовилась уйти под воду. – А я – не София. Я из другого мира, Сезар. И моя мама умирает там, в моем мире.

Лицо Сезара стало просто каменным. По крайней мере, ей так показалось, потому что с него будто разом стерли все эмоции. Только что он казался невероятно близким, и вдруг в один миг стал далеким.

– Я понимаю, что ты не дорожишь нашими отношениями, София, – произнес он, – но не стоило придумывать такую историю, чтобы я ушел. Достаточно было просто попросить.

Он и впрямь развернулся, чтобы уйти, а Соня впервые за долгое время поняла, что не готова его отпустить. Не готова сейчас просто остаться одна, со всем этим. Поэтому подскочила и схватила его за руку:

– Я понимаю, что в это сложно поверить, – сказала она, когда муж обернулся, – но как ты правильно сказал, если бы я хотела, чтобы ты просто ушел, я бы сказала об этом. Насколько ты знаешь, я никогда не стеснялась об этом просить. Я говорю правду, Сезар. Я и Лена... мы оказались в телах Софии и Ленор после дуэли. Ты сам учил меня всему, когда я якобы потеряла память. Ты сам удивлялся, когда я терялась в самых простых вещах в первые пару недель. Вот только дело в том, что я – не София Драконова без памяти. Я тоже Софья... то есть Соня, но я не она. Я другой человек, и подтвердить это могут Валентайн, Лена. И даже твой брат.

Если до этих слов каменным было только его лицо, то сейчас он словно окаменел весь. Соня буквально почувствовала, как пальцы под ее ладонью будто становятся высеченными из мрамора, а в темных глазах начинают мерцать серебряные искры.

– То есть, ты хочешь сказать, что ты в теле Софии Драконовой больше года, а я узнаю об этом только сейчас? – жестко произнес он.

– Сам подумай, как бы ты отреагировал, если бы я сказала это сразу, – Соня отпустила его руку, чтобы обхватить руками себя. – Когда мы еще толком знакомы не были. А потом, когда все стало сложно... мне было не до того.

– Но Люциану ты сказала, – холодно отрезал он. – Сразу. Или ему сказала Ленор?

– Далеко не сразу. Он сам узнал, и было уже не отвертеться... но это неважно. Сезар, ты просил искренности, и я сейчас искренна, как никогда. – Она посмотрела ему в глаза. – Ты просил рассказать, что со мной, и я говорю. Мне сейчас очень страшно. Мы с Леной... точнее, она провела ритуал, чтобы я могла поговорить с мамой, и ей стало плохо в том, другом мире. Последнее, что я видела, как она упала на кухне. Я не представляю, что произошло дальше. Как бы ты себя чувствовал на моем месте?

Муж на миг прикрыл глаза, и Соне вдруг показалось, что сейчас он просто уйдет. Закроет за собой дверь и больше никогда с ней не заговорит, и если еще какое-то время назад она бы хотела, чтобы так случилось, то сейчас отчаянно, невыносимо этого испугалась. Сама не зная, почему. Страх остаться одной? Она и так была одна в Даррании очень долго. Слишком долго, чтобы этого бояться. Тогда что?

– Если это правда...

– Это правда. – Когда Сезар снова заговорил, у нее отлегло от сердца. По крайней мере, он не ушел, и теперь уже Соня не могла отвести взгляда от его лица. Словно заново, за все потерянное для них время его изучая. Каждую черточку, резкие скулы, прямой взгляд. Жесткий изгиб губ.

– Мне жаль, София, – произнес он. – То есть Софья. Соня. Не знаю, как теперь тебя называть.

– Можно просто Соня. Так меня зовут самые близкие. Звали...

– Мне жаль, что так произошло с твоей матерью. – Сезар смотрел ей в глаза, и она чувствовала, как сердце начинает биться быстрее. – Я все еще не представляю, как такое возможно, но если ты говоришь... у меня действительно нет причин тебе не верить.

Соня невольно улыбнулась. Кажется, впервые за последние дни ее губ коснулась пусть легкая, но все же улыбка. Она потянулась к уголкам рта кончиками пальцев, чтобы проверить, не показалось ли, но тут же опустила руки.

– Я рада, – выдохнула облегченно. – Я рада, Сезар... Прости, что не сказала тебе сразу, но между нами все было очень неопределенно, и я...

– Это уже неважно.

– Что? – Улыбка сбежала с губ. Не столько из-за слов, сколько из-за тона, которым они были сказаны.

– Я считал, что должен искупить свою вину перед тобой, – произнес он, глядя ей в глаза, – чтобы мы могли быть вместе. Чтобы у нас получилось хотя бы что-то... не как у моих родителей. Я надеялся, что смогу сделать тебя счастливой, что смогу создать семью, в которой не будет места лжи, недопониманию, предательствам. Но сейчас я понимаю, что больше не могу тебе верить. Если ты могла молчать о таком, я понятия не имею, что ты можешь утаивать еще.

– Я ничего больше от тебя не утаиваю! – выкрикнула она. – Неужели так трудно понять, что я просто боялась? Боялась в том числе вот такого...

– Вот такого не случилось бы, если бы ты сразу обо всем рассказала.

– И ты бы не сдал меня непонятно куда для изучения иномирян? – хмыкнула Соня. – Зная, что этот ритуал основан на темной магии?

– Не знаю, что бы я сделал, Соф... Соня. Не знаю. Но вряд ли стал бы подставлять беззащитную девушку, оказавшуюся в такой ситуации. Об этом я тебе и говорю: доверять тебе не могу не только я. Ты тоже мне совершенно не доверяешь, причем изначально. Поэтому... – Он плотно сжал губы, на мгновение замолчал, но потом все-таки произнес: – Поэтому когда ты родишь, я оставлю вам этот дом и буду вас навещать.

Сезар вышел раньше, чем она успела хотя бы что-то добавить. Оглушенная, опустошенная – слез уже не осталось, она вернулась в кресло, подтянула к себе колени и обхватила их руками. Стараясь не думать о том, что ее жизнь окончательно рухнула. Из-за Лены.

Глава 30

Лена

В академический театр мы пришли вместе с Ярдом. Судя по воодушевлению, с которым он говорил о предстоящем, театр ему действительно очень нравился. Я же на это действие согласилась, чтобы дополнительно себя загрузить и не думать о том, что происходит между мной и Соней. Тем более что сегодня она вообще не появилась на занятиях, а на мои сообщения и прочие попытки связаться с ней через виритту, не отвечала.

Встречал нас тот самый парень, который вышел из-за занавеса, стоило нам только появиться.

– Пойдемте, я вам все покажу... – начал было он, но тут посмотрел на Ярда и сник. – Или не надо?

– Ленор точно надо, – миролюбиво предложил тот. – Пойдемте все вместе.

Ярд вообще выглядел настолько довольным, насколько это возможно. Этаким большой дикий котик после удачной охоты, вот-вот и замурчит, как тигр, поэтому я не стала с ним говорить о Соне. Да и что я ему скажу? Поругались из-за темной магии? Большого сказать нельзя, так нечего тогда начинать в принципе.

– Ладно, здесь у нас... партер, – парень обвел руками огромный зал. В этом зале мест, кресел, обитых бархатом, было столько, что реально могла собраться вся Академия. Обивка была темно-золотая, понятно почему, справа и слева над сценой висели огромные флаги факультетов.

– У нас даже ложи есть. Для особых гостей. Балконов и бельэтажей, правда, нет. Но в целом...

– Они тут вряд ли нужны, – пробормотала я, оглянувшись назад. Не считая боковых лож, еще была ложа для королевской семьи, она возвышалась над дверями, через которые мы попали в зал, и над партером. Было еще четыре запасных выхода, и...

– Сцена. Огромная. Поднимайся, – парень легко взял высоту без ступенек и протянул мне руку, которую я приняла. Ярд последовал за нами. Запрыгнул с такой грацией, что у меня снова возникла ассоциация с диким котиком. Он раньше даже выглядел по-другому, не говоря уже о поведении. Сейчас я в этом мужчине просто не узнавала того мальчишку, с которым познакомилась изначально.

– И привыкай, – голос «экскурсовода» выдернул меня из мыслей про дикую фауну Даррании в виде одного конкретного адепта. – Потому что очень скоро на репетициях и уж тем более на выступлении тебе придется смотреть в зал. Потянешь?

– Зачем ты меня вообще звал, если считаешь, что я не потяну? – уточнила я.

Парень кашлянул, потом побледнел, покраснел и махнул рукой за кулисы.

– Идем дальше.

Они с Ярдом и впрямь направились дальше, я же ненадолго задержалась, чтобы рассмотреть зал. Отсюда он выглядел по-другому,

ощущался иначе, чем когда стоишь внизу. С высоты сцены зал казался еще более огромным, и я невольно ощутила то самое пощипывание, щекотку волнения внутри, когда поняла, что мне предстоит здесь репетировать и потом выступить. Перед сотнями адептов и приглашенных гостей.

Не дав этой мысли собраться в ком напряжения, я развернулась и поспешила вслед за парнями.

– Вот здесь артефакты, с помощью которых мы управляем занавесом, освещением и так далее, – это уже произнес Ярд, когда я подошла. Панель, в которую были вмонтированы магические элементы, была внушительной, каждый артефакт своего цвета и подписан.

– А это наши шутники постарались, – заметил второй сопровождающий, указывая на нижний ряд.

Там была подпись «Кнопка для взрыва Академии».

– Вообще-то это про музыку, – хохотнул Ярд, увидев, что я залипла. – Но да, иногда здорово поднимает настроение.

Мы все дальше и дальше углублялись в театр, сходили даже в подвальное помещение, где мне показали огромный магический артефакт, запускающий вращающий сцену механизм. Мы заглянули и в пустующие сейчас костюмерные, и в гримерки. На стенах висели старинные портреты адептов, которые принимали участие в постановках, даже групповые портреты, написанные во время выступлений.

– Им по несколько сотен лет, – с гордостью произнес парень. – Театр существует со дня открытия Академии.

– Вау, – честно призналась я, рассматривая портреты и рожковые светильники, в которых плясали магические шарики.

– А это мой кабинет, – он указал на дверь в конце коридора. – Ну то есть теперь наш с тобой кабинет, Лорхорн. Пойдем, я сброшу тебе сценарий и заодно познакомлю с исполнителем главной роли. С остальными вы познакомитесь уже завтра, а после выходных у нас начнутся активные репетиции вечерами после занятий. Первое правило: не прогуливать! Второе правило: не прогуливать! Третье правило...

– Не прогуливать, – догадалась я.

– Правильно! – воскликнул тот.

– Да, кстати... а кто исполнитель главной роли?

– Ну, вот! – парень распахнул дверь, явив моему взору небольшое, но довольно уютное помещение. В самом большом кресле которого, откровенно зевая, сидел не кто иной, как Люциан Драгон.

Я чуть назад не сдала – слишком этот Люциан был похож на того, которого я узнала в самом начале наших отношений. То есть когда только-только оказалась в теле Ленор Ларо, смутно ориентировалась в этом мире... да и в целом в том, что мне делать дальше. Правда, сейчас он казался взрослее, а еще волосы отрастил, но на этом все. Поверить не могу, что всего лишь год прошел. Кажется, целая вечность.

– Что застыли? – поинтересовался он, будто сам был директором настоящего театра. – Проходите, не стесняйтесь.

На самом деле застыла я, всем остальным как минимум нужно было меня отодвинуть или прыгать через мою голову, чтобы оказаться в кабинете. Именно на меня Люциан смотрел в упор, и это был тот самый его прощупывающе-раздевающий взгляд. Тоже из прошлого.

– Почему я узнаю об этом только сейчас? – Я повернулась к парню, державшемуся за дверь, как за последнюю спасительную опору в этой жизни.

– А... есть разница? – слабо поинтересовался тот.

– Хорошая попытка, – я кивнула, спиной чувствуя взгляд Драгона. – Но я, пожалуй, пойду. Ищите себе новую актрису.

В следующий момент парней сдуло. Буквально. Порыв магии я ощутила потоком горячего воздуха, который красиво (наверное) подхватил мои волосы. Спасибо, что не юбку, а то пришлось бы изображать Мэрилин Монро с того самого постера. Я лишь успела увидеть бодро летящих по коридору в сторону гримерной Ярда и его вроде как будущего ассистента, когда дверь, подчиняясь той же самой магии, захлопнулась.

Потом на нас упало *Cubrire Silencial*, я развернулась и чуть не столкнулась с успевшим приблизиться Люцианом. Вот кто настоящий драконокот, реально. Когда успел подкрасться? Только что ведь в том самом кресле сидел. Хотя, конечно, что тут того кабинета.

– Опять твои штучки? – вздохнула я. – Что мне надо сделать, чтобы ты от меня отстал?

– Мне в голову приходит только одна мысль, но она мне не нравится. – Люциан убрал с моего лица потревоженную магией

прядку, и я подавила желание отпрыгнуть к двери. Последний раз наша такая близость ничем хорошим не закончилась.

– Озвучь, пожалуйста. Мне же надо понимать, что делать, когда все безнадежно.

– Чтобы я от тебя отстал, тебе придется меня убить, Лена.

– Ха-ха-ха.

– А я не шучу, – он посмотрел мне в глаза. – Никогда я от тебя не отстану, пока я жив. Никогда.

Почему мне стало так невыносимо жарко от этих слов? А еще я впервые за долгое время почему-то почувствовала себя живой. Отодвинулись на задний план и ссора с Соней, и опасения по поводу Дракуленка, и все, что произошло с Валентайном. Мне на миг даже показалось, что всего этого не было, и я снова оказалась в том моменте, рядом с тем драконьим принцем, которого узнала впервые. Правда, меня тут же выкинуло в реальность, когда я вспомнила и праздник в Академии, когда он чуть меня не убил. И то, как вышел из кабинета, оставив меня наедине с Лэйтором. И то, как шантажировал меня Максом.

Хороший такой получился отрезвляющий коктейль.

– Прямо вижу, как ты вспомнила все хорошее, что между нами было.

Так, вот не надо мне, чтобы еще кто-то мысли мои читал! Пусть они уже побудут только моими, как и моя память. Спасибо.

– Хорошего тоже было много, – не стала отрицать я. – Но все это в прошлом.

– Да, и именно поэтому ты так сопротивляешься игре со мной на одной сцене.

– Тебе не приходило в голову, что я просто не хочу с тобой общаться? Не хочу тебя видеть?

– Почему?

Вопрос поставил меня в тупик.

– А у этого должен быть какой-то смысл? – поинтересовалась я.

– По идее, у всего должен быть смысл.

Кабинет действительно был слишком маленький и тесный. Или мне так казалось, потому что Драгон сейчас заполнял его собой чуть ли не целиком? Собой, своей магией, искрящей золотом в глазах, мерцающей на кончиках пальцев. Которыми он коснулся моей щеки,

обжигая кожу. Чуть ли не разом всю, хотя прикосновение было короткое, мимолетное и совершенно точно не интимное, но отозвалось тянущим жаром в самом низу живота.

– Вот мне, например, не горячо и не холодно от того, что рядом со мной будет Лорхорн. Мне на него просто плевать, – сообщил Люциан. – Поэтому если бы его поставили играть лучшего друга Коммелана, мне было бы все равно.

– Лорхорна ты не сдавал Лэйтору, – отозвалась я. – И он тебя тоже.

Его скулы обозначились жестче.

– Будешь всю жизнь мне это припоминать?

– Нет. Ты просил причину, и вот она.

– Замечательно.

Кажется, этот разговор снова зашел в тупик.

– Тогда давай договоримся с тобой так, Лена. Если ты играешь в этом спектакле вместе со мной, не сливаешься в процессе, не уходишь сейчас, то тогда я от тебя отстану. Как ты и хотела.

Хорошо, что Драгон не мог читать мои мысли, потому что словечки из нашего мира срывались с его губ ну очень сексуально, и я не успела ничего поделать с тем, что пришло мне в голову. Очевидно, придется с этим жить.

– Что, даже не придется никого убивать? – поинтересовалась я, сложив руки на груди.

Он хмыкнул:

– Клянусь.

– Хочешь, чтобы я просто так тебе поверила?

– Давай используем заклинание-договор. Если ты исполнишь свои обязательства, а после потребуешь, чтобы я от тебя отстал, я отстану, у меня не будет других вариантов.

– Офигеть, – вырвалось у меня.

Не столько потому, что он это предложил, сколько потому, что это достаточно серьезная магия, отнимающая много сил. Хотя с другой стороны, у Драгона этих сил в неиссякаемом количестве, от него не убудет. Вообще-то это заклинание было достаточно сложным в исполнении и тоже требовало крови (потому что шло из Эрда Изначального), но светлые его немного адаптировали, облегчили. В общем, если в первом темном варианте нарушивший свои

обязательства умирал, то в этом случае он просто физически, магически не мог их нарушить. То есть Люциан просто не сможет ко мне подойти, если я скажу «Нет».

А что? Это выход!

– По рукам, – согласилась я. – Но договор заключим прямо сейчас.

– Как скажешь, – он улыбнулся и кивнул в кресло, в котором только что сидел. – Садись. Пропишем все условия вместе.

Почему мне сейчас кажется, что я добровольно соглашаюсь непонятно на что?

Отгнав эти мысли, я села в предложенное мне кресло и активировала магическое перо.

Глава 31

Женевьев Анадоррская

День выдался насыщенным и непростым. К счастью, сегодня хотя бы занятий не было, потому что смотреть в глаза Ярду Лорхорну она бы не смогла при всем желании. Не так ее воспитали. Она не должна была поддаваться таким порывам на том берегу и уж тем более не должна была этого делать у себя в кабинете, но... Женевьев то и дело ловила себя на том, что мысленно снова и снова соскальзывает в эти воспоминания. От которых становится невероятно, невыносимо горячо и томительно сладко.

Новые чувства, с которыми она никогда раньше не сталкивалась, тоже вносили напряжения в привычную жизнь и добавляли волнений. Любовь к Сезару была чем-то возвышенным и отчасти недостижимым, в ней никогда не было такого жара и постыдного влечения. Думала ли она о том, что их ждет после свадьбы? Да разумеется думала, какая женщина не будет об этом думать?! Но в ее представлениях все было как-то... более спокойно, что ли.

Не было вот этой дрожи по телу и невыносимой жажды снова и снова чувствовать эти прикосновения. От которых все внутри сладко сжимается и наливается жаром.

К счастью, стук в дверь вытряхнул ее из этих мыслей достаточно быстро. Из мыслей и из этих чувств, не дававших покоя.

– Мы были очень рады вас видеть, Женевьев, – произнесла директриса. Женщина заглянула к ней, когда она уже собиралась уходить: между ними сразу существовала договоренность, что они общаются без титулов и регалий. Тем более что Азарта Вастерова

годились ей не то что в матери, а в бабушки. Полностью седея, она тем не менее всегда держалась исключительно прямо, а с воспитанниками вела себя мягко и очень деликатно. Понимая, чего на самом деле лишился ребенок, когда стал сиротой.

До нее в приюте была другая особа, которую интересовали исключительно пожертвования и престиж, но долго она не продержалась. Ее уволили с подачи Женевьев достаточно быстро, и Сезар ее поддержал. Тогда он еще тоже интересовался детьми и принимал участие в их жизни. Судя по всему, просто потому что так было надо. С момента их расставания Сезар Драгон больше ни разу не появился в приюте. Разве что регулярно перечислял магию.

– Я тоже всегда рада заглянуть к вам, – искренне улыбнулась Женевьев.

Она в самом деле любила проводить время здесь. Не потому, что того требовал образ (по большому счету, ее образ сейчас вообще ничего не требовал), не потому, что привыкла. Просто потому что обожала помогать детям, а видеть их сияющие счастьем глаза, когда они собирались вокруг нее...

– Вы о чем-то хотели поговорить? – уточнила она, поскольку директриса выглядела слегка напряженной.

– Да, если честно, есть одна тема...

– Азарта, садитесь пожалуйста, – Женевьев указала на кресло.

– Вы уже собирались уходить, да и много времени это не займет, – покачала головой та. – Я просто хотела поделиться своими сомнениями по поводу удочерения. И спросить вашего совета.

Женевьев приподняла брови. Обычно Азарта не обращалась к ней по таким вопросам.

– Дело в этой девочке, в Элии. Которая недавно пострадала во время попытки ограбления, – директриса вздохнула. – Ее хочет удочерить Валентин Альгор. Архимаг Альгор. И я сначала обрадовалась, поскольку он в самом деле принимал очень важное участие в ее жизни, между ними был отличный контакт, но сейчас... сейчас мне кажется, что она ему не нужна.

Ничего себе разговор на пару минут.

– Почему вам так кажется?

– Потому что когда он приходит со своей будущей женой, девочка его вообще не интересуется. Он словно... делает это, чтобы что-то ей

доказать. Чтобы взять ребенка и произвести впечатление на свою будущую супругу. Я пару раз присутствовала при их разговорах, и у меня создалось именно такое впечатление. Хотя раньше такого не было, и я в растерянности. Несмотря на весь мой опыт, мне бы не хотелось ошибиться или быть субъективной просто потому что... – Она запнулась.

– Потому что?

– Валентайн Альгор темный. Его будущая супруга, насколько я понимаю, тоже носительница темной магии.

– Азарта, – Женева обошла стол и приблизилась к ней, – вы сейчас говорили о совершенно других вещах. Внимание и интерес к ребенку ни коим образом не определяется цветом магии и ее направлением или количеством. Если сомневаетесь, проверьте, не отказывайте, но и не форсируйте события. Наблюдайте. Присутствуйте на их встречах, это обязательное условие по протоколу перед усыновлением или удочерением, поговорите с Элией – о том, что чувствует она. И доверяйте себе, потому что ваш опыт бесценен. Я, да и весь остальной совет попечителей, целиком и полностью вам доверяем.

Женщина улыбнулась.

– Да. Да, пожалуй так и я поступлю. Просто немного придержу этот процесс, чтобы не расстраивать Элию. Девочка очень хочет семью, но...

– Но она достойна того, чтобы быть любимой дочерью, а не демонстрацией чего-то кому-то, – произнесла Женева.

Женщина кивнула. Они попрощались, и Женева направилась к воротам. Пока еще было не сильно холодно, пока осенняя, а затем и зимняя непогода не захватили Хэвенсград в плен дождей и снегов, хотелось прогуляться пешком. Тем более что квартира, где она сейчас жила, была гораздо ближе родительского дома.

Из которого недавно принесли вести. Отец требовал, чтобы она вернулась домой: негоже наследнице будущего тэрн-арха жить в одиночестве непонятно где. Он даже якобы готов был смириться с ее работой в академии Драконова, но верилось с трудом. Стоит ей переступить порог, как все начнется заново. Нервотрепка, наставления о том, что она не должна работать и вообще должна сидеть дома,

читать книги и ждать будущего мужа, пока на нее не снизойдет сия благодать, как длань Тамеи.

Интересно, как бы отец отреагировал, если бы узнал, что случилось на островах?

Женевьев представила, как багровеет его лицо, и, не сдержавшись, хрюкнула. По привычке прикрыла рот рукой, стирая этот полупридушенный, совершенно не аристократический смешок. Которого, к счастью, никто не услышал: ворота перед ней, благодаря артефактам, распахнулись автоматически, а улицы уже были полупустыми...

– Магистр Анадоррская.

Его голос прозвучал так неожиданно, что Женевьев споткнулась и чуть не растянулась прямо на улице перед приютом. Если бы Лорхорн ее вовремя не подхватил.

Ее окатило ароматом его парфюма, каким-то пряно-острым, горячим. На мгновение лишая способности мыслить здраво, потому что если раньше это были всего лишь воспоминания, то сейчас она словно снова оказалась в плену той ночи. В его объятиях. Как ни странно, это же и подстегнуло, Женевьев резко освободилась из его рук и довольно холодно поинтересовалась:

– Что вы здесь делаете, адепт Лорхорн?

Он словно и не заметил ее холодности.

– Ловлю вас. – Почему-то рядом с ним она переставала быть той Женевьев, которая непременно отшила бы этого дерзкого мальчишку. Вот только теперь проблема заключалась еще и в том, что после их разговора в кабинете она уже не воспринимала его исключительно как адепта, и это сводило с ума.

– Я имела в виду, вы должны сейчас быть в Академии, – стараясь сохранить дистанцию магистр-адепт, которая рассыпалась, как песочный замок, произнесла Женевьев. – Порталы запрещены.

– У меня есть личное разрешение ректора Эстре. Получил его только сегодня. – Лорхорн протянул ей упакованный в красивую бумагу сверток. – А это вам.

Сверток оказался роскошным букетом. Настолько роскошным, что простому адепту позволять себе такое наверняка было накладно. Учитывая, сколько магии требуется для занятий... и не только. Первым порывом было отказаться. Чтобы он никогда больше не приходил и не

приносил таких букетов. Так и следовало поступить, но Женевьев не смогла. Как не смогла сдержать странный вздох, когда букет переключался в ее руки.

Ей нравились цветы. Она всегда их любила, и Сезар присылал ей букеты пачками. Одни увядали, он присылал новые. На ее рождение всегда было море цветов, по любому ее щелчку пальцев всегда были цветы, но никогда еще ей не дарили столь дорогих подарков. Никогда ради нее не получали разрешение на порталы. Никогда...

Женевьев остановила себя на этой опасной мысли.

– Я не думаю, что нам стоит...

– Я хочу проводить вас домой. Уже поздно, – совершенно спокойно перебил ее Лорхорн. – Позволите?

Если бы он стал настаивать, напирать, как тогда в кабинете, она бы сумела ему отказать. Но на такую простую совершенно ни к чему не обязывающую просьбу достаточно сложно ответить отказом. Особенно если отказывать совершенно не хочется.

– Хорошо. Если пообещаете, что это больше не повторится.

– Этого я совершенно точно обещать не могу.

Только сейчас Женевьев поняла, что так и стоит рядом со своим адептом перед приютом, и к щекам прилила краска.

– Пойдемте, – немного резко ответила она и поспешно зашагала по улице.

Лорхорну не составило труда ее догнать.

– Никогда бы не подумал, что вы так быстро бегаєте.

– Никогда бы не подумала, что вы настолько... настойчивы, – сердито ответила она, вложив в это слово совершенно иное значение и показав его интонациями.

Лорхорн снова пропустил шпильку мимо ушей.

– Да, настойчивости мне не занимать. Особенно когда дело касается женщины, которая мне безумно нравится.

У Женевьев вспыхнули уши. Хорошо хоть в темноте этого не было видно!

– Прекратите.

– Что именно? Делать вам комплименты?

Она не нашлась, что ответить. Как такое вообще возможно?! Где ее хваленое красноречие?

– Нет. Я уже обозначила, что между нами ничего нет и не может быть.

– Да, я это уже несколько раз слышал. Тем не менее сейчас мы идем рядом и наслаждаемся обществом друг друга.

– С чего вы взяли, что я наслаждаюсь?

– С того, что вы никуда бы со мной не пошли, если бы не наслаждались. И да, это тоже был комплимент.

Женевьев открыла было рот, чтобы возразить, но поняла, что в этой теме бесконечно ему проигрывает. Пока. Просто ей нужно время чтобы выбрать стратегию поведения, а значит, сейчас нужно всего лишь сменить тему. Ничего нового, суть та же самая дипломатия.

Его близость действовала одуряюще. Будучи ее адептом, он был ее выше, а еще от него исходила это по-настоящему мужская сила, которая с возрастом еще более разовьется... да какая ей разница во что она разовьется!

Меняй тему, Женевьев. Меняй тему.

Она украдкой взглянула на него, отметив резкий профиль, сильные плечи. Даже в форме адепта он выглядел невероятно мужественно. Вот и как тут менять тему?

– Вы собираетесь углубленно изучать артефакторику? – поинтересовалась она.

– Вы так много обо мне знаете? Я польщен.

В его глазах сверкнули знакомые искры, и Женевьев прикусила язык.

– Просто я видела вас на кафедре, когда... – Она чуть не ляпнула «проходила мимо», но вовремя себя остановила. – Шла за документами. Вот и сделала логичный вывод.

– Ну что ж, вы правы, – Лорхорн пожал плечами, – обожаю артефакты, разработку заклинаний и все, что с этим связано. Можно сказать, это моя вторая суть. Изучение магии и создание с ее помощью того, что способно облегчить жизнь или оказать помощь. С одной стороны, не очень мужское занятие, с другой... мне плевать. Я обожаю магическую науку и рассчитываю связать с ней свою жизнь.

– Кто вам такое сказал? – искренне изумилась Женевьев.

– Что именно?

– Про не очень мужское занятие.

– Наука, лаборатории... это все сейчас больше списывают в женские профессии. Это раньше считалось, что только мужчины способны заниматься серьезными разработками, но Эвиль Ларо как следует встряхнула этот мир.

– Лично я считаю, что все это чушь, – Женестье пожалала плечами. – Женские, мужские профессии... если бы я к этому прислушивалась, никогда не пошла бы преподавать.

Лорхорн усмехнулся.

– Тоже верно.

– Призвание – вот что важно, – она потерла замерзающие ладони друг о друга. – И то, насколько ты этим горюшь. Насколько утром тебе хочется вставать с постели, чтобы заниматься этим среди прочего...

Женестье не успела договорить: Лорхорн расстегнул форменный пиджак и набросил ей на плечи. Его аромата стало еще больше, а еще ее окутало сильным, знакомым теплом его тела. К счастью, она не успела сказать, что можно применить заклинание обогрева, потому что так было гораздо, гораздо лучше. Она с детства привыкла во всем полагаться на магию, но никогда не думала, что простая забота может быть настолько приятной.

– Не переживай, меня сложно заморозить, – в ответ на ее взгляд произнес Лорхорн. – Я вообще морозоустойчивый.

Женестье не выдержала и улыбнулась.

– Здесь нам направо.

Удивительно, но в этот раз дорога домой показалась в два раза короче, она сама не заметила, как остановилась перед воротами, ведущими к парадной дома, где снимала квартиру. Окруженный другими домами в небольшом, но уютном, районе центра, он вовсе не напоминал роскошный особняк отца, даже если принимать во внимание весь дом. Ее квартира была довольно просторной, хоть и не в пример комнатам в родительском доме, с большим балконом и видом на Хэвенсград. Все эти мысли мигом пронеслись в ее голове, когда они остановились перед воротами. Эти, а еще – где сегодня будет ночевать Лорхорн. Смогла бы она пригласить его к себе?

От таких мыслей сначала стало невероятно жарко, потом невыносимо стыдно, и Женестье поспешила попрощаться.

– Благодарю за прогулку, – произнесла она. – Доброй ночи, адепт Лорхорн.

Быстро развернувшись, чтобы уйти, Женевьев вдруг вспомнила о том, что на ее плечах по-прежнему его пиджак. Но не успела смириться с этой мыслью: он перехватил ее за руку, разворачивая лицом к себе. Упаковка букета жалобно хрустнула, оказавшись единственной преградой между их телами. От взгляда глаза в глаза ночь стала еще темнее, а ее холод отступил, сменившись жаром.

– Ярд, – хрипло произнес он.

– Что?

– Называй меня Ярд.

Женевьев хотела возразить, но его губы уже врезались в ее, и от внезапного поцелуя закружилась голова. Ноги ослабли, все тело в один миг стало чувствительным, словно на ней не было нескольких слоев одежды, словно она была полностью обнажена, а выдох пришелся ему в рот. Ярд остановился первым и, когда его губы напоследок мазнули по ее, оставляя их в покое, следом контрастом их лизнул ледяной воздух.

– Доброй ночи, Женевьев, – произнес он. Коснулся губами на сей раз тыльной стороны ее запястья и распахнул перед ней створку ворот.

– Ваш пиджак, – произнесла она.

– Твой, – напомнил Ярд и, прежде чем его надеть, с наслаждением вдохнул аромат ее парфюма, оставшийся на подкладке. После чего, как ни в чем не бывало, накинул пиджак, а Женевьев, воспользовавшись этой короткой заминкой, нырнула во двор.

Стук каблуков по брусчатке перекрывало биение собственного сердца. Она собиралась принять ванну, когда вернется, но, кажется, теперь ей потребуется ледяной душ.

Глава 32

Лена

Вот надо было сначала сценарий читать, а потом соглашаться. Но об этом я подумала уже как-то постфактум, когда дошла до первой сцены поцелуя. А чуть позже – и не совсем поцелуя.

– Это вообще нормально, такое в академической постановке делать? – уточнила я у того, кто меня во все это втянул.

– Да там же ничего нет! – произнес парень, которого звали Тахарт. Который ассистент Ярда теперь. Получилось не очень искренне.

– Ничего? – спросила я так, что ассистент втянул голову в плечи.

Вообще для прошлого руководства театра он был как-то слабоват на лидерские качества.

– Н-ничего, – подтвердил тот. – Вы там слегка начнете раздеваться, а потом все скроет темнота.

Слегка?! Раздеваться?! Он хотя бы кого-то видел, кого Люциан Драгон раздевал «слегка»? Нет, этот если за что-то берется, слегка у него ничего не бывает. Особенно раздевание.

– Да ладно, тебе понравится, – донеслось из-за моего плеча.

Я чуть не подпрыгнула, как резиновый кошачий мячик.

– И давно ты тут стоишь?

Люциан пожал плечами:

– Относительно.

Я выразительно посмотрела на Тахарта. Тот сделал вид, что картина постановки на стене интересует его гораздо больше меня.

– Ну ладно, встречаемся на сцене, – быстро пробормотал он и сбежал раньше, чем я успела сказать ему все, что думаю.

Ярд, к слову, еще не пришел, хотя сегодня у нас должна была быть первая репетиция первой сцены. То есть знакомства Марики и Коммелана. И снова и снова я мысленно вопрошала себя, где был мой разум, когда я соглашалась на всю эту авантюру?

– Жалеешь? – вот этот вроде мои мысли читать не должен, а ведет себя так, будто читает.

– Нет, – чисто из духа противоречия ответила я. – К тому же, это отличный способ избавиться от твоих ухаживаний.

Драгон перестал улыбаться, а я наконец-то перестала представлять предстоящую мне сцену с раздеванием. Оба такие переставшие мы дружно направились по коридору в сторону сцены, стараясь не касаться друг друга вообще.

– Тебе кто-нибудь уже говорил, Лена, что ты невыносима?

А это что-то новенькое!

– Решил сменить подход в ухаживаниях? – уточнила я.

– Нет, решил открыто говорить о своих чувствах.

– Ты говори о своих чувствах открыто, но меня лучше все-таки называй Ленор. И кстати, у меня для тебя новости, – я чуть не подпрыгнула от осенившего меня озарения, накидывая *Cubrire Silencial*, – мы с Ленор обсудили, что день в этом теле будет существовать она, а день я.

А ведь это отличная идея! Почему я раньше об этом не подумала? Буду меняться с Ленор сменами на репетиции, где будут все поцелуи и раздевания. Ха-ха-ха! Ну что, Драгон, выкуси!

Кажется, он снова прочитал мои мысли, потому что резко остановился. Так резко, что чуть не снес плафон с магическим огоньком внутри, а еще заодно и меня резко остановил.

– Тебе не кажется, что договор был другой?

– Договор был, что я играю в спектакле главную роль. – Я мило улыбнулась. – И я ее сыграю. Ну а то, что частично вместо меня будет проявляться Ленор, это мелочи.

На скулах Люциана заиграли желваки, я же теперь чувствовала себя довольной, как сладкоежка в кондитерской с безлимитной магией. Вот правду говорят, что в безвыходных ситуациях всегда находится выход. Даже если ты сразу не прочитала сценарий и согласилась непонятно на что.

– А если я откажусь? – Голос Ленор прозвучал в голове так неожиданно, что я второй раз чуть не подпрыгнула.

– Откажешься целоваться с Драгоном? Скорее академия Драконова упадет на Хэвенсград.

– А вот возьму и откажусь, – заявила эта несносная девица. – Потому что это нечестно.

– Нечестно было с ним трахаться вместо меня, – подрезала ее благородные порывы я. – Но если хочешь играть в добродетель – пожалуйста, без тебя справлюсь.

– Какая же ты стерва, Лена.

– От стервы слышу!

– Вы что, общаетесь? Прямо сейчас? – Судя по слегка обалдевшему Люциану, последнее я сказала вслух.

– Представляешь? Она круглосуточно у меня в голове, видит, слышит и чувствует все, что происходит.

– Но тогда...– Люциан осекся, на мгновение замер: – Она же должна знать все, что с тобой происходит?

Кажется, на этот раз его мысли прочитала я. Потому что вспомнила о «потере памяти», которую со мной произвел Валентайн, и о том, что Люциан пытался мне об этом сказать. Неоднократно. Один раз даже с помощью Дракуленка. Валентайн пока не устроил нашу

встречу, но я была уверена, что устроит. Он всегда выполнял свои обещания.

– Все, что знаю и вижу я, да, – изящно обошла продолжение разговора.

По-хорошему, мне вообще не хотелось об этом ни говорить, ни думать.

– Так что готовься. Познакомитесь поближе.

Люциан скрипнул зубами, я сняла *Cubrire Silencial*, и мы наконец-то вышли на сцену. Где собрались уже все, кроме... Ярда. Куда он подевался, оставалось только догадываться, такими темпами его попрут с должности раньше, чем он в нее вступит. А я, между прочим, ради него на все это согласилась.

Насколько «на все это» стало понятно, когда я увидела основной актерский состав. Среди которых были Аникатия, Клава и Дас. Двое адептов с военного факультета, несколько старшекурсников и старшекурсниц, Нэвс, Милли, Лиллея и Амира тоже взирали на нас с явным интересом, и в этот момент я подумала, что скучным это спектакль точно не будет.

*

– Так, Коммелан с Марикой познакомились, когда тэрн-ар приезжал в гарнизон с военными, соответственно, нам нужна одежда простой девушки и форма того времени, – сообщил Ярд рассматривавшим нас с Люцианом адепткам, которым предстояло заниматься костюмами.

– Сделаем, – отозвалась одна. – Только мерки снимем после репетиции.

– А вы что застыли? – поинтересовался Ярд, которому, судя по всему, не только очень нравилось командовать, но и отлично командовалось. – Повторяем. Пока что в вашем знакомстве такое ощущение, что вы готовы деру дать друг от друга, а не заинтересовались.

– А у них магическая несовместимость, – заявила Аникатия, сидевшая в первом ряду. – Темное со светлым плохо сочетается.

– Вы, кстати, свободны, – заметил Ярд раньше, чем ей успел ответить Люциан. Можно сказать, перебил на подлете: – Мы все познакомились, сегодня ваше участие в сценах не требуется.

– Так нам процесс интересен, – заявил Дас, закинувший ноги на подлокотники. – Ну и в целом так проще вливаться в роль.

Ему, к слову, досталась роль Горрахона, а Аникатии – его любовницы (одной из). Вот даже не придерешься к кастингу, что первый, что вторая – отвратительные, самое то играть главного антагониста и его пассию. Амуре, скромно сидевшей в уголке отдельно ото всех, предстояло играть сестру Коммелана. Было в этом что-то весьма символическое, если уж говорить откровенно: Нэв рыжая хрупкая, и эта девочка тоже. Хотя рыжей по историческим сведениям была именно Марика, на это намекнула Клава во время знакомства.

– Поэтому Амуре гораздо лучше подойдет на ее роль, – сообщила Лузанская в процессе подготовки к репетиции.

– Это совершенно точно не то, что мы будем обсуждать с тобой, – заметил Ярд. – Все роли уже утверждены.

– Кем? И не стоит ли устроить голосование?

– Я не собираюсь играть Марику, – прервала зарождающийся конфликт коллектива Амуре. – Мне это не интересно. Лиара гораздо более сильный образ.

У Лиары действительно была своя отдельная история, очень интересная любовная линия, которая тоже могла закончиться трагедией, но, к счастью, обошлось. Роман с телохранителем (тьфу, стражем) в те времена не мог закончиться ничем иным, как разрывом и казнью, но после смерти Коммелана король с королевой допустили и эти отношения, и этот брак. Так что в каком-то смысле девушке повезло. Ее возлюбленному тоже. Смерть брата очень сильно повлияла не только ее личную жизнь, но и на ее характер. Она участвовала в войне, помогала на передовой, за что девушку прозвали посланницей Тамей.

Про Лиару хоть отдельный спектакль делай, если уж так говорить, потому что годы ее правления после кровопролитной войны простыми не были. Не говоря уже о том, что она стала единственной за всю историю правящей женщиной с сильным принцем-консортом, который предотвратил не одно покушение на нее и несколько переворотов. Всего этого в нашей постановке, разумеется, не предвиделось, но я была с ней согласна. История сестры Коммелана ничуть не уступала его истории.

После своего заявления и противоречия Клаве Амира стала персоной нон-грата, поэтому и сидела одна в уголке, пока мы репетировали. Но после репетиции я собиралась это исправить. Если, конечно, мы доживем до конца этой репетиции, и я не уволюсь.

Знакомство не клеилось.

В смысле, мы все еще оставались Люцианом и Леной, а не Коммеланом и Марикой, и справиться с этим, похоже, помогло бы только что-то из ряда вон. Например, Ленор, которая смотрела бы на него влюбленными глазами. Хотя Марика и не смотрела, у них вообще получилось очень необычное знакомство. В частности, Коммелан, привыкший ко всеобщему вниманию женщин, решил, что может заполучить любую на ночь. Особенно такую простушку. Марика его послала далеко и надолго, но это случилось уже после первой встречи.

Во время первой надо было как раз показать интерес.

Интерес не показывался.

– Ладно, – сказал Ярд, который по совместительству с местным антрепренером был еще и режиссером. – Что мне нужно сделать, чтобы вы перестали смотреть друг на друга так, будто вы заочно друг друга ненавидите?

– Мне нужен дорнар-оррхар, – сообщил Драгон.

– А мне повязка на глаза.

– Марика вообще-то была зрячая.

– Ну сделайте ее слепой ради интереса.

– О! – Неожиданно воскликнул Ярд. – А давайте сделаем художественное допущение.

– Это какое? – подозрительно прищурилась я.

– Ну Марика же была из бедной семьи. Соответственно, денег на лечение у них не было, поэтому...

Он выхватил магическое перо и быстро, с энтузиазмом принялся что-то писать.

– Ты подозревала в Лорхорне творческие способности? – негромко поинтересовался Люциан.

– Да я его вообще ни в чем не подозревала, – буркнула я, ожидая какой-то грандиозной подставы.

А Ярд, спустя несколько минут явил нам дополненный сценарий. Согласно художественному допущению, Марика с детства была слепой, а Коммелан при первой встрече ее исцелил. Хорошее такое

дополнение к знакомству. Зато теперь я начинала понимать, как и почему адаптируют книги, и почему историки воют от «исторических» фильмов.

– У меня, между прочим, в консультантах сам Оллихард был! – патетично воскликнул Тахарт, перечитав надругательство над сценарием.

– Оллихард все равно по жизни всем недоволен, – хохотнул Нэвс, – так что расслабься. Спорим, «консультант был» значит только то, что ты бегал к нему по каждому слову, чтобы не дай Тамея не упустить историческую достоверность? Лично я, когда читал, чуть со скуки не сдох.

Смещенный по воле случая режиссер и антрепренер надулся и замолчал, а Ярд скомандовал:

– Начинаем! У кого есть повязка на глаза?

Повязки на глаза, естественно, не оказалось ни у кого. Ну либо кто-то просто не признался, что носит такую в сумочке или в кармане. На всякий. Но лучше бы признался, потому что Люциан скинул пиджак и принялся снимать рубашку.

Нет-нет-нет, подумала я, но было уже поздно. Девушки в зале отвесили челюсти. Натурально. У Аникатии разве что слюна не закапала, Клава сделала вид, что внимательно рассматривает сцену – в районе Люциана, разумеется, у Амиры округлились глаза. Остальные тоже старательно не отставали (ну кроме разве что Лиллеи и Милли), а я предусмотрительно отвернулась.

Или не очень предусмотрительно.

Потому что, когда на лицо мне легла пахнувшая терпкостью туалетной воды Люциана рубашка, мозг совершил странную штуку. Мне захотелось положить на нее пальцы и прижать плотнее к лицу, как кошке, желающей зарыться мордочкой в пропитанную валерьянкой тряпку. Еще и втянуть его запах – глубоко, чтобы до пяток дошло, чтобы всей им пропитаться.

Наверное, именно поэтому я упустила момент, когда его руки легли на мои плечи, и я вздрогнула.

– Да-а-а! Так и продолжайте! – воскликнул Ярд.

«Ленор?» – мысленно позвала я.

Молчание было мне ответом.

Глава 33

В целом я оказалась права. Во время такой репетиции у меня не было времени думать про нашу с Соней ссору. На занятиях она не появлялась и не отвечала на мои сообщения, по ощущениям вообще приказала своей виритте не реагировать на меня, поэтому все, что мне оставалось – попытаться прорваться к ней в их с Сезаром поместье и попробовать еще раз поговорить лично.

С этой мыслью уже порядком измочаленная занятиями и репетицией я постучалась в кабинет Валентайна.

– Заходи, Лена, – донеслось из-за двери.

Стоило мне перешагнуть порог, как он вскинул голову. Меня окатило таким холодом, что впору превращаться в сосульку и заваливаться на пол. Сказать, что он на меня так смотрел в самом начале знакомства... да нет, не смотрел.

– Почему ты не сказала, что решила заняться театром? – холодно поинтересовался он.

Я даже задумалась, не выпадет ли у него вместе со словами изо рта пара-другая льдинок. Не выпали.

– Не думала, что это важно, – я пожала плечами. – Ты еще занят? Я могу подо...

Валентайн поднялся так быстро, что я не успела не то что договорить, вообще ничего сделать. Ладонь легла мне на плечо тяжестью, сдавила почти до боли.

– Ты пахнешь Драгоном, Лена, – почти прошипел он.

Таким голосом, полагаю, могла разговаривать сама Тьма. Правда, побыть с этой мыслью наедине у меня не получилось: портал разорвал пространство так стремительно, что даже у привычной уже меня закружилась голова, замутило и потемнело перед глазами.

Я бы упала, если бы Валентайн меня не держал, но он держал. Железной хваткой.

– Валентайн! Валентайн,пусти, мне больно! – крикнула я.

Его пальцы разжались, и я отскочила, чуть не врезавшись в стену.

– С ума сошел?! – выдохнула ему в лицо. – Это вообще что только что было?

– Что было между тобой и Драгоном? – прищурившись, спросил он.

– Ничего! Совместная сцена! – я потерла плечо. – Мы играем вместе, но я полагаю, ты уже в курсе.

– Да, я уже в курсе, – жестко произнес он, – хотя рассчитывал узнавать о таком от тебя.

– О чем – о таком? – Я вскинула брови. – Это – часть моей студенческой... тьфу, адептской жизни. Которую я, между прочим, использую, чтобы забыть о том, что моя лучшая подруга со мной не разговаривает из-за этого.

Я вскинула руки с браслетами.

– С тех пор, как в моей жизни появилась темная магия, я лишилась этой самой жизни, Валентайн. У меня нет ни друзей толком, ни того, что должно быть у нормальной студентки... адепки! Ни вечеринок, ни общения, все, с кем я пытаюсь дружить, от меня разбегаются, потому что я не вписываюсь! Я даже с Максом стала меньше общаться, потому что у него появилась Алина Драконова. Валентайн, ты же должен меня понимать, ты сам был в такой ситуации, когда оказался в Даррании. Ты тоже был попаданцем – в какой-то мере, и тоже хотел общения, дружбы, обычной молодости...

– Мне не нужны дешевые друзья, – перебил он. Сбросил пиджак, принялся расстегивать запонки. – Так же, как они не нужны тебе, Лена. Если ты куда-то не вписываешься, если кто-то не понимает, что такое темная магия, значит, тебе не стоит с ними общаться.

– Соня – моя лучшая подруга, – напомнила я.

– По-моему, ты слишком на ней зациклена. Соня *была* твоей лучшей подругой. Там, в твоём мире. Здесь она не может принять тебя такой, какая ты есть. Это о многом говорит, не находишь?

– То есть ты предлагаешь мне просто на нее забить?

Запонки полетели на подставку. К счастью, подчиняясь потокам магии, а не потому что Валентайн их швырнул. А вот жилет полетел на кровать, а пуговицы с него мне под ноги.

– Я предлагаю тебе подумать, что и кто для тебя важно. Решить, что если кого-то не устраиваешь ты – такая, какая ты есть, значит, не стоит этому кому-то ничего доказывать и объяснять.

– Нельзя просто выкидывать людей из своей жизни, – я покачала головой, – просто потому что вы не сходитесь в чем-то в данный момент.

– Поверь мне, можно. Ты хотела знать, что было между мной и Эстре? Я расскажу. Мы были очень близки. Она принимала меня таким, какой я есть. Точнее, тогда мне так казалось. Потом ее отец

сказал, что ей придется выбрать между семьей и мной. Она выбрала. Не вижу смысла переживать по поводу того, кто выбирает не тебя, Лена. С чем бы это ни было связано.

С каждым словом его лицо становилось все более и более жестким, словно в черты впитался мрамор, преображая его.

– Да, это не всегда приятно, но такова жизнь.

– Жизнь бывает разная, Валентайн. Ты хоть раз задумался, каково ей было выбирать между семьей и любимым?.. – Я осеклась, потому что его лицо стало еще более каменным. Ну и наверное, «любимым» – не совсем верное слово, иначе бы Эстре выбрала его. Я же выбираю его. Несмотря ни на что. – Я хотела сказать, что если кто-то мне дорог, я могу перешагнуть через свою гордость и свою ни на что непохожесть. Чтобы поговорить, чтобы достучаться, чтобы попробовать исправить то, что между нами случилось. Потому что для меня важен этот человек. Или дракон.

Я вздохнула и продолжила:

– Это моя позиция. Если я просто уйду, значит, этот кто-то был мне не важен. Значит, я посчитала себя и свои оскорбленные чувства важнее всего, поставила их выше всего, что между нами было и еще может быть.

Валентайн расстегивал рубашку, и я кивнула:

– Я в душ. Сегодня одна, пожалуйста.

Не дожидаясь ответа, направилась в ванную. Душевая здесь была просторной, хоть стриптиз танцуй. Кстати, стриптиз я так Валентайну и не станцевала. Глупая, совершенно несвоевременная мысль пришла из ниоткуда и так же в никуда растворилась. Я разделась, шагнула под струи воды. Здесь они активировались касательным артефактом.

Вообще что в Даррании хорошо, тут было бесчисленные варианты бытовой магии и артефактов. Даже способов включить воду несколько – где-то простенькие и не столь затратные, как например в Академии, кто-то вообще может ее из подпространства налить, где-то краны, где-то даже кранов нет.

Я потянулась за флакончиком с местным гелем для душа, перевязанным бумагой и бантиком, но открыть его не успела. Хлопнула сначала одна дверь, затем другая, а в следующий момент я уже оказалась прижатой к мощной груди Валентайна. Одна его ладонь накрыла мою грудь, другая скользнула между ног.

– Валентайн, я же просила...

Я задохнулась от резкой и острой смены ощущений, когда он вошел в меня одним мощным рывком.

От неожиданности и боли я вскрикнула, а потом дернулась.

– Валентайн, ты с ума сошел?! Отпусти!

Его ладони в одно мгновение переместились на мои запястья, поверх браслетов.

– Ты слишком долго избегала свой истинной сути, Лена. Больше я тебе этого не позволю.

Щелчки металла – и браслеты упали к моим ногам, а меня затопило желанием. Темным, вязким, как непроглядная ночь, и таким же ненасытным. Краем сознания я еще успела понять, что это не мои чувства, но моя тьма уже рванулась к нему навстречу, как изголодавшийся пес, которого посадили на цепь. Растворяя остатки сопротивления, стирая все, что отделяло меня от него.

Наши тела соединялись в единое целое, но мне сейчас было несоизмеримо мало этого проникновения. Хотелось почувствовать что-то, способное вытряхнуть меня из пасти пустоты и холода.

– Сильнее, – прошипела я, упираясь ладонями в стену душевой кабины. – Сильнее, Валентайн!

В этом точно не было никакой нежности, да она мне сейчас была и не нужна. Все, чего я хотела – это продолжения: животного, ненасытного, острого. И все, что было мне нужно, это его ладони, ласкающие мою грудь и чувствительное местечко между ног. Его движения, резкие, сильные, на грани боли, срывающие с моих губ стоны и крики.

Струи воды хлестали нас по плечам, но это я поняла, только когда меня накрыло разрядкой, недостаточно острой, чтобы остановиться.

Он едва скользнул из меня, как я уже развернулась к нему лицом, впиваясь ногтями в плечи, а в губы – губами. Или, скорее, зубами, потому что я тут же почувствовала металлический привкус на языке, а с его губ сорвалось рычание. Серебро его магии в радужке сменилось темными провалами глаз, когда Валентайн подхватил меня под бедра, заполняя собой целиком. Я обхватила его ногами, позволяя врываться в меня снова и снова, на грани боли, или, точнее, на той самой грани, когда боль становится удовольствием.

На этот раз все было гораздо острее, и, кажется, я кричала так, что перекрыла шум льющейся на нас воды. Когда Валентайн на миг меня отпустил, между ног горело, на ягодицах клеймами горели отпечатки его пальцев. Я даже вздохнуть не успела, когда он опустился чуть ниже, на сей раз вбирая мою плоть в рот. И это получилось настолько горячо, что я чуть не поехала по стене, не поехала только потому, что его ладонь лежала на моем животе, пригвоздив к шершавому камню, как коллекционную бабочку.

Он даже пошевелиться мне не давал, лаская до изнеможения, проникая в меня языком, выскальзывая, ударяя по самой чувствительной точке, уже болезненно пульсирующей, до тех пор, пока я не закричала снова. А после он снова меня взял, и на этот раз я чувствовала его сзади, пока его пальцы сжимали клитор, скользя между влажных складок, проникая в меня и растягивая, срывая с губ уже не крики, а стоны. Последний оргазм накрыл меня с головой, стирая реальность, выбрасывая меня из нее.

В себя я приходила урывками, сначала от прохладного душа, который на пылающей коже казался плетью льда, потом – в кровати, где Валентайн прижимал меня к себе так собственнически и властно, что не было даже ни малейшей возможности пошевелиться. Но я не смогла бы при всем желании: тело казалось налитым свинцом, как и веки.

Я провалилась в сон раньше, чем успела от этих ощущений отойти, а проснулась от того, что мне нечем дышать. Чувство было такое, что я проглотила солнце или чайник с кипятком. Вместе с чайником. Валентайн спал рядом, но я была свободна: во сне он меня отпустил, хотя сейчас его ладонь все еще лежала на моем животе.

От ужаса я сначала вообще не поняла, что происходит, а потом, когда вспомнила, начала потихоньку выползать из-под его руки. Сознание напоминало туман, в который насыпали блесок, сквозь них я с трудом соображала, что делаю и зачем, но отчетливо понимала лишь одно, мне надо отсюда уйти.

Нарастающий жар грозил спалить меня дотла, и все-таки я осторожно, на цыпочках, добралась до ванной. Форма все еще была там, и я ее надела, рискуя застегнуть все пуговицы по диагонали. Сумка осталась в спальне, но за ней я не вернулась, подхватив виритту, сразу открыла портал. Оказавшись у ворот особняка Ларо.

Макс ночевал в Академии, я это точно знала – благодаря Алине он исчерпал свои разрешения на частные порталы в этом месяце. К счастью, артефакты этого дома были настроены и на меня, поэтому я легко вошла. Не стала будить слуг, просто поднялась в комнату Ленор, упала на постель, как была, в форме, и наскоро завернувшись в покрывало, даже не снимая его – теперь меня уже знобило от холода, снова провалилась в подобие сна.

Мне снилось, что я стою в Мертвых землях, выжженных Тьмой до последнего клочка, кричу, но вместо голоса с губ срывается шипение. Потом картина сменилась, и я оказалась у замка, который никогда раньше не видела. Сами его стены угрожали всему живому, острыми шпильями втыкаясь в небо, прорывая тучи, из которых хлестал грозовой дождь.

– Я же говорил: мы скоро увидимся, Лена. – Голос Адергайна прозвучал совсем близко, и я обернулась. Темный стоял в двух шагах от меня, казалось, совсем не замечая дождя. Длинные волосы подхватывал ветер, в глазах полыхала тьма.

– Нет. Не может быть. Это сон.

– Это сон, в котором ты пришла ко мне. – Его губы тронула змеиная улыбка. – Сама, как я и говорил.

– Во сне можно к кому-то прийти?

– Ты даже не представляешь, что можно сделать во сне. То, что ты открыла для меня свой разум, уже многое значит.

Я попятилась. Правда, не сдвинулась с места. Только во сне такое бывает: когда бежишь и остаешься на одном месте.

– Расслабься. Меня совершенно не прельщает играть с тобой через сны. Тем более что скоро ты придешь ко мне сознательно и добровольно.

– Нет! Никогда! – вырвалось у меня.

Адергайн усмехнулся. Картинка поплыла, темнота заполнила собой все вокруг, и я проснулась уже от того, что комнату заливал осенний солнечный свет. Подскочив на постели, я огляделась и замерла: на небольшом диванчике, который Макс купил, когда обновлял комнату Ленор, сидел Валентайн. Сложив руки на груди, он смотрел на меня в упор тяжелым холодным взглядом.

– Не хочешь объясниться, Лена? – так же тяжело произнес он. – Почему я проснулся в комнате один?

Глава 34

В этот момент у меня сдали нервы. Наверное. Потому что иначе как объяснить, что я заорала:

– Объясниться?! Я?! Валентайн, ты совсем с ума сошел, или притворяешься?!

Эта вспышка оглушила меня настолько, что я замерла, прислушиваясь к собственным чувствам, а их – этих чувств – было много, начиная от какого-то инстинктивного желания завернуться в одеяло, чтобы его не видеть, не слышать, не чувствовать, и заканчивая порывом запустить в него чем-нибудь тяжелым. Валентайна, судя по всему, мой всплеск удивил тоже, хотя его брови просто приподнялись.

– Что-то не так, Лена?

Он не притворяется, поняла я. Для него действительно все так. От осознания этого внутри что-то перевернулось, и по сердцу побежал морозный узор.

– Что-то? – уже тише, я бы сказала, невыносимо тихо, спросила я. – Валентайн, я вчера просила тебя остановиться. Не ходить за мной в душ. Не трогать меня. А ты снял с меня браслеты, и...

– Браслеты мешают тебе быть собой. От того, что ты находишься в них, темной магии в тебе меньше не становится.

Он поднялся, подошел ко мне, и я подавила желание спрыгнуть с кровати и отбежать.

– Во мне становится меньше меня, – все так же тихо ответила я. – Она меня поглощает.

– Твоя суть не может тебя поглотить. Она и есть ты.

– Нет! Она часть меня, – я все-таки прижала покрывало к груди, несвоевременно подумав о том, во что превратилась моя форма, и как мне идти в Академию в таком виде. – Не лучшая часть, с которой я не хочу иметь ничего общего...

– Она часть меня в том числе. – Взгляд Валентайна потемнел, как грозовое небо летом: мгновенно и жутко. – Или со мной ты тоже не хочешь иметь ничего общего?

«Прости, но да», – это первое, что пришло мне в голову. Я едва успела прикусить язык, чтобы не сказать это вслух. Он не заслуживал

этого после всего... а я не заслуживала того, что произошло прошлой ночью.

– Нам лучше взять паузу в отношениях, – произнесла я. – Надеюсь, ты это понимаешь?

Его взгляд потемнел еще сильнее, и я приготовилась защищаться. Насколько это «защищаться» применимо в отношении меня и Валентайна. Я правда собралась защищаться от него? Сама эта мысль, ее осознание, настолько меня поразили, что я застыла. Окаменела. Разве что в стацию не превратилась.

– То есть? – холодно спросил он.

– То есть я поживу в Академии. Ты поживешь в доме. Я не готова пока засыпать рядом с тобой. – Правда все-таки прорвалась из меня, и, похоже, ее было уже не остановить. – Это... то, что произошло вчера... прости, для меня это слишком.

– Ты хотела меня, Лена, – жестко произнес он.

– Нет, тебя хотела темная магия! А я хотела побыть одна! Я хотела принять душ и лечь спать, и я об этом тебе сказала прямо. Валентайн, ты же меня не слышишь! Я просила найти для меня Дракуленка...

– Ты думаешь, это моя единственная задача в текущей ситуации? Бегать по Загранью за Призрачным мясником?

– Нет! Нет, я так не думаю. Но я думаю, что ты мог бы это сделать, если бы захотел. Проблема в том, что ты не хочешь. Не хочешь, и я знаю почему. – Я судорожно вздохнула. Говорить правду оказалось легче, чем я думала. – Я помню все, что произошло между тобой и Ленор. Помню, что там был Дракуленок, и знаю, что что-то сделал, поставил какое-то заклинание, чтобы он не мог ко мне подойти. Хотя он тоже мой друг. Я готова была все это забыть, Валентайн, потому что я действительно ценю наши отношения. Но то, что произошло вчера, я забыть не готова. Я не хочу сидеть рядом с тобой и думать, какие мои слова покажутся тебе незначительными в следующий раз.

По мере того, как я говорила, его лицо изменялось. Словно маска трескалась и собиралась снова, в глазах мерцало серебро, в комнате становилось холоднее.

– Как давно ты все знаешь, Лена?

– После ритуала у Сони. – Я потеряла ледяные ладони друг о друга. – Тот всплеск раскрыл мою память...

– Это невозможно.

– Невозможно и я – несопоставимы. Пора бы уже к этому привыкнуть. – Я посмотрела ему в глаза. Смотрела и понимала, что я больше ничего не чувствую, от самого осознания этого тоже становилось страшно. Какой из его поступков выжег меня дотла? Как та самая темная магия?

Наверное, тот, что произошел этой ночью. Потому что раньше я еще что-то чувствовала. Сейчас же...

Я вдруг вспомнила, что произошло между нами в прошлый раз. Мы так же «поставили на паузу» отношения, потом я пыталась справиться с тем, что Валентайн не заметил замену на Ленор. И что, сейчас опять все то же самое по кругу? Снова?

Да, он спасал меня. Да, он делал все то, что делал, ради меня. Но я не могу оставаться рядом с ним сейчас. Просто не могу. Меня рано или поздно не станет. Той Лены, которая когда-то попала в Дарранию. А я не хочу становиться темной. Пусть даже тьма – это часть меня, но, как я уже говорила, это всего лишь часть. Управлять ей должна я, а не она мной.

Я не хочу как в сказке про Снежную королеву забывать Соню, перешагивать через друзей и однажды не услышать просьбу остановиться от близкого человека. Не хочу! Это не для меня. Это не про меня.

– Валентайн, я больше не хочу быть с тобой, – произнесла я, и это были сложные, пожалуй, самые страшные слова в моей жизни. – Нам надо расстаться.

Не сказать, чтобы у меня было слишком много отношений, я бы даже сказала, их было ничтожно мало, и две трети из них назвать отношениями было нельзя. С Люцианом и с Земсковым мы не зашли настолько далеко, да и к тому же, Валентайн стал моим первым мужчиной. Во всех смыслах. Поэтому сейчас мне было невыносимо больно. Вдвойне больно было от того, что эти отношения рву я, но я понимала, что не могу иначе. Просто не могу. Все эти чувства, эмоции, ощущения разрывали меня на части, поэтому я упустила момент, когда в комнате хорошо так похолодало. Наверное, скорее я почувствовала этот холод всей кожей, как если бы шагнула на мороз в легкой пижамке.

– Ты сама не понимаешь, о чем просишь, Лена. – Голос Валентайна изменился, он стал еще ниже, чем был. Провалившись на такие глубины, из которых на меня словно рычал сам Лозантир.

Наверное, как-то так он и выглядел. Я помнила свое столкновение с Адергайном, но сейчас мороз по коже побежал именно от стоявшего передо мной мужчины. Темные волосы словно подернула дымка пепла или зимний узор – такой бывает на окнах в самые холодные дни, когда выходить из дома можно только завернутой с ног до головы в шарфики, шапку, тройной слой пуховика, свитера и футболки и штаны с начесом. По крайней мере, именно так было в моем мире. В Даррании все решалось одним простым заклинанием, правда, достаточно затратным по магии. В глазах Валентайна клубилась самая суть его магии, заполняя собой и радужку, и белки.

– Я не прошу, – тихо сказала я. – Это мое желание. Мои чувства. Они для тебя все еще важны?

«Лена, а может лучше прямо сейчас свалить?» – поинтересовалась Ленор.

Я ее проигнорировала.

– Твои чувства для меня всегда были важны. Только твои и были, но что насчет моих? – холодно спросил он. – Ты решила, что можешь использовать меня и выбросить за ненадобностью? Все, что я делал, я делал ради тебя. Я даже избавил тебя от боли, когда ты отчаянно переживала из-за моей ошибочной связи с Ленор. Ты уже все это забыла, Лена?

– Валентайн, не разрушай все то, что было между нами, – попросила я. – Позволь сохранить мне эти воспоминания. То, что было... Наши уютные выходные в твоем доме, визиты к Элии, нашу жизнь до того, как...

– Ты меня не поняла. – Голос его упал еще ниже, наполняясь странными, дикими нотками, от которых по коже шел мороз. – Ты моя, Лена. Ты всегда будешь моей.

Ужас липким холодом нахлынул внезапно. Я не представляла, что до такого когда-то дойдет. Даже в самые первые наши встречи я не чувствовала себя настолько незащищенной перед ним.

– Твой отец сказал, что я сама к нему приду, – тихо произнесла я. – Сегодня. Во второй раз. Мы общались с ним через сны, Валентайн...

– Мне все равно, – он перебил меня, касаясь пальцами моего подбородка. Раньше я дрожала под этими прикосновениями от страсти, сейчас же вздрогнула от желания отпрыгнуть, отползти, спрятаться. – Ни мой отец, ни кто-то другой больше никогда к тебе не притронется. А если попытается, пусть пеняет на себя.

– Ва...

– Я разрешу тебе остаться в Академии, Лена, только из уважения к твоим чувствам, – произнес он. – Только потому, что для тебя это важно. В театре ты больше играть не будешь. Ты меня поняла?

«Соглашайся, – сообщил в моей голове голос Ленор, – соглашайся и вали, пока не поздно».

Но было уже поздно.

– Не стоило стирать тебе память, – Валентайн до боли сдавил мой подбородок, – я ошибся. Ты должна видеть меня таким, какой я есть.

– Нет. Валентайн, нет, ты не такой... ты умеешь быть разным...

– Нет, Лена, я именно такой. – К темной глубине и холоду его голоса добавилась бегущая уже по пальцам чешуя. Я вскрикнула, когда она обожгла мою кожу. – И ты знала это с самого начала. Знала, что я темный. Знала, насколько.

– Нет! – Я рванулась назад, рискуя порезаться о его пальцы еще сильнее. – Я знаю, какая я, и я знаю, что темная магия делает со мной. С тобой то же самое, только в десятикратном размере, потому что она у тебя сильнее. Валентайн, пожалуйста, остановись!

– Я же говорил. Я никогда не причиню тебе вреда, Лена, – холодно прищурился он. – Но я не говорил такого о твоих совершенно бессмысленных эгоистичных друзьях, а особенно – об этом назойливом мальчишке, Драгоне. Поэтому, надеюсь, не стоит объяснять, почему я никогда больше не хочу видеть его рядом с тобой?

Мне показалось, что я рухнула в Бездну. Я не могла поверить в то, что услышала. Не могла, не хотела, отказывалась, но чтобы избавиться от этого дикого жуткого чувства, мне потребовалось бы стереть себе память.

– Ты мне угрожаешь? – Из моего голоса исчезла вся сила. Должно быть, утекла в провалы его темных глаз.

– Я ставлю тебя в известность о возможных последствиях.

Когда все это произошло? Как? Почему я этого не заметила? Могла ли я это предотвратить, если бы не просила Валентайна помочь

мне с родителями? С Эвиль? Если бы не так остро отреагировала на его измену с Ленор, когда он ничего не заметил? Все эти мысли обрушились на меня сбивающей с ног волной, а в следующий момент Валентайн уже снова шагнул ко мне. Пальцы крепко сжались у меня на локте.

– Пойдем. Тебе надо переодеться и привести себя в порядок, нельзя идти в Академию в таком виде. – Мы снова шагнули в портал, и меня чудом не стошнило от очередного резкого темного перемещения. Или от того, что только что произошло.

– Ты же не собирался приводить ко мне Дракуленка? – спросила я, чувствуя, как холод сжимает сердце ледяной рукой. – Он хотя бы жив?

– Жив. Таким и останется, если не вздумает перейти мне дорогу, – равнодушно ответил Валентайн. Глаза его понемногу светлели, но чешуя на скулах не меркла. – Если захочешь, устрою вам встречу. Для меня это не сложно.

– Спасибо. Не надо, – тихо ответила я, в ужасе представляя, чем эта встреча может закончиться.

Дракуленок, как и я, всегда отличался прямолинейностью и готовностью разорвать за друзей. А Валентайн...

– Как скажешь. Собирайся, Лена, мы уже опаздываем. Из-за твоей выходки завтрак придется пропустить, – он указал мне в сторону ванной комнаты.

И, хотя меня передернуло при мысли о том, что там произошло, я влетела в нее, захлопнула дверь и прислонилась к ней стеной. Сказать, что меня трясло – значит, ничего не сказать. Я с трудом сдерживалась, чтобы не разреветься. Мой мир, не так давно прочно державшийся на основах дружбы, доверия и любви, сейчас выглядел так, будто в него насрали с десятков драконов с огненной диареей.

Тем не менее я глубоко вздохнула и глубоко выдохнула. Сжала кулаки – так, что ногти впились в ладони, и это немного привело в себя.

Я попала в другой мир и выжила. В первые дни практически одна справлялась со всем. Да и потом, я никогда не сдавалась. Не сдамся и сейчас. Я обязательно что-нибудь придумаю, я справлюсь, справлюсь, справлюсь...

– Мы справимся, – раздался в моей голове голос Ленор. – Ты не одна, Лена.

На этом моменте я все-таки не выдержала и разревелась.

Глава 35

Тэйрен Ниихтарн

– Твой брат ждет девчонку со дня на день, – произнес Хааргрэн.

Тэйрен задумчиво посмотрела на свои отполированные ногти. Она почти совершила ошибку, собираясь уничтожить братцеву столь желанную надежду на перемены. Знать бы еще какие... Хотя на самом деле ее, эту Лену, можно использовать по-другому. Если она придет к Адергайну самостоятельно, значит, он разрушил ее жизнь до основания. Так или иначе. Значит, она будет искать защиты и помощи – например, от того же самого Валентайна-Рэгхорна. Значит, каковы бы ни были планы брата, девчонка будет разочарована, напугана, отчаянно одинока... значит, просто нужно будет найти способ к ней подобраться.

– Что, даже ничего не скажешь? – поинтересовался дракон, устраиваясь рядом с ней на диване.

Тэйрен запахнула пеньюар, скрывая обнажившееся бедро. На игры такого рода она сейчас не была настроена.

– Сказать – что? Это ты должен был узнать, что за история с Валентайном, зачем ему эта Лена. Чтобы у нас было больше возможностей его зацепить.

Хааргрэн усмехнулся. На наполовину затянутаю чешуей-маской лице это выглядело жутко.

– Ты как будто не знаешь, Тэйрен, что твой брат не доверяет никому. Даже мне.

– Бедняжка.

Последнее она выдохнула насмешливо, но ухмылка с лица полудракона пропала мгновенно. Он приходил в ярость, когда она общалась с ним в таком ключе, но Тэйрен было плевать. Теперь, когда в ее руках была эта власть – знание, что Хааргрэн готов подвинуть Адергайна, это грело сердце. Насколько такое понятие применимо в Мертвых землях, где холод, кажется, становится состоянием души и тела с самого рождения.

Почему-то именно сейчас некстати вспомнился Ферган и исходящее от него тепло. Уютное золото светлой магии, надежда, защита, доверие... Был ли он искренним с ней хотя бы когда-то? Вряд ли. За маской золотого тогда еще тэрн-ара Тэйрен не увидела мертвого,

как земли брата, дракона, заикленного на власти в точности так же, как Адергайн и как до него их отец. Должно быть, что-то в ней есть, в этой власти, раз все так за нее цепляются. Например, способность казнить и миловать.

Она бы с удовольствием посмотрела, как кровь хлещет из перерезанного мечом из металла Нивелира чешуйчатого горла Фергана.

– Есть кое-что, – спустя продолжительную паузу в их разговоре произнес Хааргрэн. – Кое-что, за что можно зацепиться.

Серебряное пламя магических огней плясало на его лице тенями, от него холодными становилась даже ярко-алая ткань балдахина. Сумерки в Мертвых землях сгустились не так давно, но здесь даже день был больше похож на ночь, поэтому Тэйрен давно перестала постоянно хотеть спать. После Даррании она спала сутками, несмотря на то, что эти места были ей родными. Будто темная магия, клубившаяся в крови, окружавшая ее повсюду, выпивала из нее все силы. Весь свет, точнее, его остатки – которые не уничтожил Ферган.

– Я вся внимание, – она подтянула ноги на диван, подаваясь к дракону, проводя пальцами по закованному в броню плечу. Ноздри его шевельнулись, брови – если можно так выразиться про наросты на лице, сошлись на переносице.

– Мы договорились: без игр, Тэйрен.

– Тебе нравятся такие игры, – холодно произнесла она. – Так что?

– Помнишь, что произошло сразу после исчезновения Рэнгхорна, когда его единственный наследник сбежал?

– Череду поединков и показательных казней? Адергайну просто очень нужно было выместить на ком-то свое раздражение.

– Не только. Это пошатнуло его авторитет. Сначала выбор, павший на Приану Альгор, когда на его ложе готовы были положить любую из дочерей высшей аристократии, а он нашел себе в постоянные игрушки человеческую женщину из приграничной деревни.

– С его силой он мог позволить себе все, что угодно, – отмахнулась Тэйрен. – После убийства отца.

– Это так, но и не так тоже. У него была черная страсть к Приане.

Тэйрен расхохоталась. Она смеялась и не могла остановиться, просто потому, что это само по себе звучало нелепо. Адергайн – и

черная страсть? Да у него из привязанностей одна-единственная: власть над Мертвыми землями, а в перспективе весь мир у его ног.

Плечо под ее ладонью закаменело. Она почувствовала это даже под пластинами чешуи. Верный знак того, что сидящий рядом мужчина в бешенстве.

– Ладно, – отсмеявшись, произнесла она. – Так что ты там говорил про черную страсть?

– Не забывай, что я был при нем все это время, – холодно отозвался Хаагрэн. – Если ты хочешь сотрудничества, Тэйрен, прояви больше уважения.

Он сбросил ее руку, и Тэйрен положила ее на колено. Край пеньюара снова раскрылся, но на этот раз она не стала его поправлять. В конце концов, она прекрасно знала, как на этого дракона действует ее близость.

– Черная страсть. Приана, – напомнила она, подумав о том, что если это реальность, это было бы даже забавно.

– Суть не в них, а в том, что это частично подорвало репутацию твоего брата среди наших, и тогда он решился на ритуал Лозантира.

Тэйрен открыла рот. Ритуал Лозантира был чем-то средним между легендой темных и самоубийством. Поговаривали, что его в свое время провел Горрахон, напитавшийся силой на своем алтаре, но доказательств этому не было. Он представлял собой раскрытие Загранья в своем теле для получения доступа к силе Первоисточника, то есть самого Лозантира.

– Ты...

– Я был свидетелем этому, – скупно произнес Хаагрэн, – и во время его проведения меня скрутило от близости такой силы, как новорожденного драконенка. Мне казалось, что из меня вытягивают все внутренности, а самого меня просто раскатывает по земле раз за разом. Снова и снова. Твой брат пропустил через себя эту мощь, а потом рвал обернувшихся темных аристократов голыми руками. Не превращаясь в дракона. Тех, кто осмелился бросить ему вызов. К счастью, их было немного, в те дни мне казалось, он способен уничтожить всех сильнейших и их семьи.

– Как много всего я пропустила, – пробормотала она в потрясении.

– Да, это произошло незадолго до твоего возвращения.

– М-м-м...

– Думаю, искать надо где-то здесь, – произнес Хаагрэн, но Тэйрен не ответила.

Во-первых, после ритуала Лозантира бросать вызов брату не просто смешно, это самоубийство. Она и так чувствовала его силу, но даже не представляла, насколько на самом деле она велика. Какую часть он на самом деле показывал ей? Десятую часть? Сотую? А во-вторых... все эти игры с обычной девчонкой из другого мира внезапно обрели смысл. Если девчонка преодолела границы миров, оставшись в живых, она вполне способна стать артефактом-проводником, с помощью которого ее брат способен подчинить не только Дарранию, но и другие миры.

Возможно, идея с ее устранением была не такой уж и бредовой. Но если это действительно так, если Адергайн хочет использовать мощь Лозантира, чтобы раскрывать через эту Лену межмировое пространство... какая же сила сокрыта в ней самой?!

Лена

– Ты должна пойти к Фергану!

– А давай я сама буду решать, что я должна, а что нет?

Наверное, если бы кто-то увидел меня со стороны, сидящую в промозглый осенний день на скамейке в академическом парке и беседующую с самой собой, у них бы возникла куча вопросов. К счастью, никто меня здесь увидеть не мог: в Академии шли занятия, на свою пару я не пошла. За это мне грозило много люлей и отработки (в лучшем случае), но мне было как-то плевать.

– Поставь хотя бы обогрев, простудишься, – свернула с темы Ленор.

– Тебе-то какая разница?

– Ненавижу сопли!

– Толку их ненавидеть, если можно их мгновенно вылечить? Не то что в моем мире.

– Твой мир здесь, Лена. И только ты сейчас можешь его защитить от твоего монстра.

– Он не мой! – взрычала я. – И он не монстр! Он просто...

Я глубоко вздохнула, потому что на глаза снова навернулись слезы. Слишком много всего было между мной и Валентайном – такого, что хотелось сохранить, уберечь, просто оставить в памяти, как

дорогое сердцу. Наши уютные прогулки по Хэвенсграду. Разумеется, я не тешила себя мыслью, что между нами что-то возможно, но и сдавать его Фергану – это по меньшей мере мерзко. Но что еще делать, я просто не представляла, поэтому у меня даже голова заболела. Ощущение было такое, что я потерялась в потоке мечущихся мыслей и никак не могу вырлиться на правильную.

– Варианта у тебя два, – напомнила Ленор, – Ферган и Адергайн. Кого ты выберешь? Можем запустить магическую гадалку. Но если я все же имею право голоса, я за нашего тэрн-арха.

– Должен быть третий вариант, – произнесла я, сдавливая виски. – Просто обязан.

– А если нет?! – Ленор чуть ли не взвигнула у меня в голове. – Я, знаешь ли, жить хочу! Завтра ему приспичит избавить тебя от обузы в моем лице, и что ты будешь делать? Ты же не способна ему противопоставить хоть что-то!

– Спасибо за веру в меня.

– Да на здоровье! Я хочу, чтобы мы обе жили...

– В одном теле.

– Мне уже пофиг! Главное – жили бы!

Кажется, этот разговор зашел в тупик. Я не собиралась идти ни к Фергану, ни к Адергайну, у Ленор начиналась истерика, а я по-прежнему не представляла, что с этим делать. Вариант снова поговорить я, разумеется, тоже не отметала, но прошлый разговор ни к чему не привел. Могу же я попытаться снова? Но как? И с чего начать?

Самое паршивое, что с таким нельзя было прийти ни к Макс, ни к Ярду. Наверное, можно было бы к Соне, чтобы через нее спросить совета у Сезара, но она меня ненавидела и по-прежнему блокировала все мои сообщения. Эвиль сообщала, что со мной не хотят говорить и ничего не читают, но я все же решила попробовать снова.

– Отправь, пожалуйста, сообщение Софии Драгон, – попросила я виритту. – «Мне очень нужно с тобой поговорить. Это вопрос жизни и смерти».

Обычно Эвиль сразу говорила, что на той стороне «абонент недоступен, пожалуйста, идите нахрен», но в этот раз она ничего такого не сказала, наоборот, улыбнулась:

– Твое сообщение принято, Ленор.

Я глубоко вздохнула, а настоящая Ленор в моей голове попросила:

– Не выключай ее, пожалуйста.

– Кого? Виритту?

– Да. Хочу немного посмотреть на маму.

Только сейчас я поняла, что это может значить для нее: Ленор была в моем возрасте, когда ее родителей забрали, а потом убили. И чтобы не заикливаться на этой мысли, я попросила Эвиль остаться, а сама переключилась на то, что надо будет найти Тахарта в промежутках между парами и сказать ему, что я не смогу участвовать в постановке. Заодно и Ярда тоже предупредить.

Похоже, что моей дружбе с Амирой не бывать. Я хотела поговорить с ней вчера после репетиции, но она убежала раньше, чем закончилась наша с Люцианом совместная сцена. Точнее, когда она убежала, я не знала – мне было не до того, я отмахивалась от своих ощущений и совершенно ни на что другое не могла реагировать. Только на Драгона, явно счастливого по поводу карт-бланша на облапыванье меня. К счастью, сегодня у нас общих пар не было, военный факультет тренировали какие-то отслеживающие заклинания. Слава Тамее!

До завтра я немного приду в себя и смогу объяснить, почему не буду участвовать в постановке...

Дракона твоего за ногу!

В этот момент я неожиданно осознала, что соскочить со спектакля у меня не получится. По крайней мере, без ведома Люциана. Потому что у нас с ним магический контракт.

Я слегка подвисла, пытаюсь представить, куда меня пошлет Драгон, если я попрошу его этот контракт расторгнуть, но надолго подвиснуть не получилось, потому что пришел ответ от Сони.

«Что бы это ни было, надеюсь, оно закончится смертью».

Сначала мне показалось, что я ослышалась, я даже попросила Эвиль повторить. Лучше бы не просила, честное слово, потому что, когда Эвиль повторила, мне стало нечем дышать. Так больно мне еще никогда не было, и сейчас, чтобы не рехнуться окончательно, я просто поднялась и быстро зашагала ко входу в Академию.

– Ты же знаешь, что будет, если тебя спалят посреди занятия в коридоре? Отработка, Лена, – любезно подсказала Ленор.

– Без разницы. Чем меньше я буду видеть Валентайна сейчас, тем лучше. Еще и отмазка появится от спектакля.

– Поговори с Люцианом.

– Да, это именно то, что мне сейчас нужно.

– Поговори с ним так, чтобы никто не узнал. Ты зря считаешь его врагом. Несмотря на все, он твой единственный настоящий друг, который знает о тебе все.

– Он мне не друг.

– Конечно, не друг, – заметила Ленор, и в звучащем в голове голосе мне послышались язвительные нотки.

– Да иди ты, – пожелала я дружелюбно, потому что нервы сдали окончательно.

Увы и ах, Ленор была права. Драгон единственный знал обо мне все (не считая последних событий), и, кажется, у меня нет другого выхода, кроме как попросить его расторгнуть контракт. Чтобы быть посланной. В очередной раз. Но так, по крайней мере, Ленор удостоверится, что друга в его лице у меня нет. Не-друга тоже, так что пусть уж все точки над «i» встанут ровненько и маршируют в заданном направлении.

Поэтому сейчас я отправила ему сообщение текстом: «Нужно срочно поговорить на главной перемене. Там, где никто не увидит и не узнает».

Поразительно, но ответ пришел сразу же: «Лови координаты портала в мою комнату. Я открою тебе доступ».

Внутренние порталы в Академии были разрешены: чтобы совсем проспавшие адепты не опаздывали на занятия. Поэтому я вздохнула с облегчением и подумала о том, что скоро все закончится. В смысле, те самые точки встанут ровненько, Ленор поймет, что к Люциану обращаться не стоит, и перестанет меня им донимать.

Что еще более поразительно, меня, гуляющую по коридорам во время занятий, не поймал никто. Что, впрочем, не спасет от отработки: первой парой была пара у Женевьев, а она не сказать чтобы сильно меня любила из-за дружбы с Соней. Про Соню я сейчас думать не могла физически, поэтому снова занялась повторением драконьего языка, который шел следующей парой. Случившееся – не повод позволять магистру Доброе утро надо мной издеваться передо всеми.

Как ни странно, магистр не издевался. Он вообще был на удивление хмур и даже не спрашивал меня сегодня, дал всем общее задание, которое автоматически отправилось ему на проверку после

выполнения. Потом вызывал других адептов и всячески меня не замечал. Не показательно, а так, будто был очень занят чем-то другим. Разгадывать его загадки у меня не было ни сил, ни желания, но лучше бы Доброе утро меня спрашивал. Тогда бы я не сидела и не думала о предстоящей встрече с Люцианом всякие глупости.

Ярд витал в облаках и светился, но, когда я спросила, как у него успехи, быстро свернул с темы, сказал, что не готов об этом говорить – видимо, тоже считал, что счастье любит тишину. Так что мне оставалось сидеть и думать о том, чем я думала, когда собиралась в комнату Люциана.

Главное теперь – не позволять ему меня касаться. Не дай Тамея Валентайн почувствует его запах, а купить то чудосредство у меня не будет времени. Он сказал, что заберет меня сразу после занятий, и мы вместе навестим Элию.

О девочке я тоже старалась не думать. Ни о том, как она воспримет, что мы не станем мужем и женой, ни о том, как разрушится ее мечта о семье. О настоящей семье, где она ценна и важна, где у нее есть родители, которые будут о ней заботиться, защищать, оберегать, просто любить. После той катастрофы я была всего этого лишена, поэтому отлично понимала ее чувства. От того, что я не оправдаю ее надежд, становилось окончательно тошно, поэтому в портал в комнату к Люциану я влетела сразу после рычания.

Он уже был там. Выходил из ванной с полотенцем на бедрах, с капельками воды, сверкающими на плечах, на груди и на рельефном животе.

– Что? – поинтересовался Драгон в ответ на мой говорящий взгляд. – Нас загоняли сегодня на практике на полигоне, я пах как старый обделавшийся дракон.

Cubrire Silencial окутало комнату, я же подняла руки вверх, давая понять, что не готова продолжать тему.

– Мне нужно расторгнуть контракт, – сказала, глядя ему в глаза, – это вопрос жизни и смерти.

Брови Люциана приподнялись.

– Чьей? – уточнил он.

«Твоей», – чуть не брякнула я, но вовремя себя остановила. Угораздило же! Думать о таком я не хотела даже в черноомористическую шутку.

– Это образно. Я не могу и не хочу это продолжать. Это неправильно.

– Это из-за Альгора? – Его взгляд потемнел, золото глаз словно стало густым и тяжелым.

– Это из-за меня. – Я сложила руки на груди. – Можешь считать меня трусихой, можешь думать что хочешь, но мне это все невыносимо. Если я хоть что-то для тебя значу, как ты говоришь, мы расторгнем этот контракт прямо сейчас.

– Почему?

– Что – почему? – не поняла я.

– Почему для тебя это невыносимо, Лена?

Он шагнул вплотную ко мне, и я попятилась.

– Люциан, стой! – это прозвучало достаточно высоко. Я выставила вперед руку, он остановился.

– Стою. Просто ответь на этот вопрос, и мы расторгнем контракт.

– А без условий никак нельзя? – уточнила я. Почему-то именно сейчас мне отчаянно захотелось разреветься снова. – С первого своего дня здесь, с того момента, как я оказалась в теле Ленор, с меня все требуют ответов. Поступков. Доказательств!

Кажется, Люциану сейчас доставалось за всех, но я уже не могла остановиться:

– Все хотят, чтобы я делала это, говорила так-то, чтобы я объяснялась, доказывала, подтверждала, но я не хочу! Я хочу всего лишь, чтобы мои слова и желания тоже были важны! Чтобы мои просьбы не оценивались и не переходили в контракты, взаимные и невзаимные обязательства, чтобы они были важны сами по себе! Ценны сами по себе! Но мне, похоже, это не светит!

Я задыхалась от нахлынувших на меня чувств, поэтому сейчас, забыв обо всем, резко развернулась к дверям. Нечего мне здесь ловить, я же знала, вот и Ленор пусть знает!

Драгон перехватил меня за локоть, должно быть, за секунду до того, как я распахнула бы дверь в коридор и выкатилась, наплевав на всю таинственность, туда прямо из его комнат.

Вот дура!

– Лена, ты права, – развернув меня лицом к себе, произнес он.

Я, уже готовая защищаться, замерла.

– Ты права. Если ты действительно этого хочешь, мы сейчас же расторгнем этот контракт. Безо всяких условий. Просто скажи: ты действительно хочешь этого? Или существует что-то еще?

Пальцы обжигали кожу даже через пиджак и блузку. Его близость действовала так, что я уже почти произнесла самые непоправимые слова.

«Скажи ему! – рявкнула Ленор. – Скажи ему, он поможет!»

К счастью, именно она меня и отрезвила. Напомнила, что здесь вообще происходит. Сказать Люциану – равно сказать Фергану. К чему это приведет, одной Тамее известно.

– Я правда этого хочу, – тихо сказала я, освобождая свою руку из его пальцев. – Давай расторгнем его прямо сейчас. Я больше не буду играть в спектакле, Люциан, это не мое. Это не для меня. Мы с тобой... это не для меня.

Он рвано вздохнул, словно собирался что-то сказать, но затем лишь плотно сжал губы. Щелкнул пальцами, и перед нами полыхнул текст договора и два магических пера.

Аникатия Эльдор

– Да! Да, наконец-то! – воскликнула драконесса, хлопнув в ладоши.

– Наконец-то? – усмехнулась Лузанская. – Эта крошка Амира только вчера напросилась к Драгону, чтобы поставить ему в комнату следящий артефакт, так что нам повезло.

– Ты не ждала этого так, как я, – отмахнулась Аникатия и посмотрела на Эстре. Та стояла, прислонившись к стене, задумчиво созерцая артефакт. – Что думаешь? Этого хватит?

Серость оказалась не такой уж серостью, в смысле, именно она уговорила Амиру, довела ее до того, чтобы она помогла им все это повернуть. Конечно, пресловутая Лена и сама постаралась, но! Умалаять заслуги ректорской сестрички не стоит. А еще ее определенно лучше держать в друзьях, чем во врагах.

– Да, вполне.

Отделившись от стены, Эстре подошла к столу и коснулась артефакта.

«...С первого своего дня здесь, с того момента, как я оказалась в теле Ленор, с меня все требуют ответов. Поступков. Доказательств...» – донеслось из крохотного кругляшка голосом Лены.

Первая часть такого же лежала у Люциана под кроватью, а этот... этот станет началом конца проклятой девчонки с темной магией!

Аникатия торжествовала. Мало того, что она избавится от соперницы, так еще и Драгона щелкнет по носу. Разумеется, ему ничего не будет – благодаря папочке у него полная неприкосновенность, но сам факт!

А вот нечего было ее бросать, да еще и таким образом. Да еще и ради этой.

– Завтра... – начала было драконесса, но Эстре ее перебила:

– Не торопись. Нужно событие, на котором соберется как можно больше свидетелей.

– Ты хочешь ждать зимнего бала? – раздраженно поинтересовалась та.

– Нет. Я хочу, чтобы это получило как можно больше огласки. Устроить такое в академической столовой – будет совсем не тот эффект. – Глаза Ликарин Эстре опасно сверкнули. – Нет. Нам надо подождать и выбрать что-то пообстоятельнее. Просто продумать все.

– Долго думать не буду, – отрезала Аникатия. – Хочу, чтобы об этом узнали все, и как можно скорее.

– Не переживай, – успокоила ее Лика. – Узнают.

Аникатия хмыкнула и перевела взгляд на узорчатую спираль записи на артефакте. Любая экспертиза покажет, что никакого магического вмешательства не было, только запись, что все это правда. Так что... недолго этой Лене осталось торжествовать. Что же касается нее, она подождет. В конце концов, предвкушение – одна из приятнейших частей игры.

Глава 36

Женевьев Анадоррская

Осень жалила холодами, а в душе расцветала весна. Разве такое возможно? Уже очень давно она не чувствовала себя настолько живой. Насколько красивой. Насколько желанной. Последняя опасная мысль была совершенно не в тему, но Женевьев позволила ей просто быть. Достаточно сложно быть разумной, когда тебя захлестывает счастье, а еще... еще она всю жизнь была разумной. Всю жизнь думала о репутации семьи и своей собственной, всю жизнь заботилась обо всех, кроме себя, всю жизнь щадила чувства других, не обращая внимания на свои.

Так может быть, пришло время все изменить?

Эта мысль заставила ее закусить губу в улыбке, а утреннее осеннее солнце, заглядывающее в квартиру, подсвечивающее стены и интерьер нежными пастельными оттенками, тоже казалось весенним. Женевьев даже на миг подумала, что вот сейчас распахнет окно, и оттуда по квартире разольются трели птиц, благоухание цветов накроет комнату, а...

– Ох! – С губ сорвался изумленный возглас, потому что из окна на нее смотрели не птицы, а Ярд Лорхорн. Который цеплялся за выступы фасада, явно стараясь добраться до балкона и не свалиться вниз. Что, впрочем, чуть не произошло, когда Женевьев открыла окно: тот, явно не ожидавший ее увидеть, опешил, и нога соскользнула вниз.

– Осторожней! – вскрикнула она, но Лорхорн уже справился с ситуацией.

– Все в порядке, – заявил он. – Я не собираюсь превращаться в лужу у твоего дома.

– Надеюсь, нигде, – сердито заявила Женевьев. Когда первый шок прошел, она с трудом не рассмеялась, пришлось прятать веселье за напускной строгостью. Ей было не привыкать: в работе с детьми и с адептами и не такое бывает, хотя Лорхорна она уже не могла воспринимать как адепта. Как мужчину – привлекательного – вполне. Знать бы еще, что ей с этим делать. – Что вы делаете?

– Лезу к тебе на балкон, – произнес тот. – Сейчас... еще чуть-чуть.

Лорхорн сдвинулся вправо и исчез из окна ее спальни, что, впрочем, не помешало ему напоследок бросить взгляд на кровать. Еще не застеленную, со сброшенным пеньюаром. Слава Тамее, она хотя бы одеться успела! К щекам прилила кровь, а в следующий момент Женевьев уже была в гостиной, чтобы разомкнуть балконные двери.

– Обычная лестница вам чем не нравится, адепт Лорхорн? – уточнила она.

– Ярд, – упорно напомнил тот, отряхиваясь. – Мне показалось, так гораздо более романтично. Будь я драконом, мог бы взлететь и сесть прямо на перила, но поскольку у меня нет крыльев, пришлось пользоваться руками, ногами и физической выносливостью.

У этого парня всегда находились ответы на все ее вопросы, причем зачастую в таком количестве, что Женевьев слегка терялась. Если честно, Ярд Лорхорн не производил впечатление того, кто за

словом в карман не лезет, но рядом с ней он будто бы преобразался и становился совершенно *другим Ярдом*. Способным залезть на балкон по стене ее дома, а сейчас смотреть на нее как ни в чем не бывало.

– Ладно, адепт Лорхорн. Поскольку вы так старались, я просто не имею права вас отпустить, не накормив завтраком.

Хотя судя по солнцу, время уже близилось к обеду, но Женевьев давно так не высыпалась, как сегодня. Обычно про такой сон говорят «спала как младенец», давно у нее не было настоящих выходных.

Распахнув двери еще шире, Женевьев отступила, приглашая его пройти внутрь. Лорхорн без малейшего стеснения шагнул в гостиную и огляделся.

– Уютно тут у тебя.

– Спасибо, – снова с трудом сдерживая смех, произнесла она. Кажется, никто раньше не заставлял ее улыбаться столько, сколько этот парень. Обладающий совершенно очаровательной непосредственностью: никому из ее знакомых такое просто не пришло бы в голову.

– Проходи на кухню, я накрою на стол.

Кухня здесь была совмещена с гостиной, уютная обеденная зона, украшенная милыми пейзажами и полочками, на которых хозяйка оставили сувениры, привезенные из всех уголков Даррании.

– Я помогу, – сказал он, сбрасывая пиджак и устраивая его на спинке дивана. Прежде чем Женевьев успела возразить, он уже перехватил тарелки из ее рук, расставил на столе, поверх тонкой кружевной скатерти. Та же участь постигла и чашки с блюдцами, когда Ярд проследил ее взгляд.

Женевьев едва достала из холодильного артефакта продукты для завтрака, как он уже занялся готовкой. Управлялся с кухонными и бытовыми артефактами Ярд так, будто делал это все каждый день. Честно говоря, Женевьев сама с ними дольше разбиралась, когда сюда переехала. Разумеется, она наняла себе помощницу, но приглашать ее ранним утром было не совсем удобно – например, когда хотелось подольше поспать, а на время работы в Академии было и не нужно. Женевьев обедала либо в магистерской столовой, либо в любимой ранховой Хэвенсграда.

– Выглядит так, будто ты занимался этим всю жизнь, – произнесла она.

– У меня шестеро младших, – хмыкнул тот. – Матери нужен был помощник, а отец очень много работал.

Спустя десять минут Лорхорн уже отодвинул для нее стул. Дымился ароматный ранх, а красота, которую он устроил на тарелках, выглядела так аппетитно, что у Женевьев потекли слюнки. И хорошо бы только на еду... Пока Ярд готовил, он засучил рукава, и она не могла отвести взгляда от его крепких рук, увитых красивыми венами. Это была настолько притягательная картина, что ей приходилось постоянно себя одергивать.

К счастью, за завтраком можно было переключиться на приятную беседу и на еду. Хотя бы потому, что для нее это тоже было необычно: Женевьев привыкла завтракать либо с родными, либо одна.

– Шестеро братьев и сестер? – Она решила вернуться к нейтральной теме семьи. Чуть приглушила звучание музыкального артефакта, чтобы музыка шла фоном и не мешала. – Так вот почему ты так легко взялся за работу волонтера.

Он хмыкнул, глянув на нее поверх чашки, и Женевьев чуть не поперхнулась: таким многозначительным был этот взгляд.

– Братьев, – сказал Ярд. – Все мальчики.

– Все?! С ума сойти!

– Да, иногда бывает весело.

– Иногда? – Она приподняла бровь. – У меня один младший брат, и с ним очень часто бывало весело. Няне.

Женевьев прикусила язык, понимая, что вряд ли у родителей Ярда была возможность пригласить няню, но он этого даже не заметил.

– На самом деле я привык. Если не обращать внимание на то, что кто-то постоянно пытается откуда-то упасть, куда-то залезть, что-то разрисовать, что-то запихнуть в нос, в рот или в ухо, то это даже уютно. Большая семья – это уютно. Особенно когда все спят, и никто опять не подрался в школе.

Женевьев улыбнулась. Снова. Кажется, пора уже привыкать к тому, что рядом с ним она будет постоянно улыбаться.

– Ты удивительный, – сказала она.

– Нет. Удивительная ты, – он накрыл ее руку ладонью, когда Женевьев потянулась за печеньем. Переплел их пальцы. Прикосновение обожгло, растеклось от ладони в предплечье, забилося

в сердце ускорившейся пульсацией, томительным жаром окатило низ живота.

Она попыталась отнять руку, но он не отпустил. Напротив, поднялся, выдергивая ее из-за стола и прижимая к себе. Надо было сопротивляться, но Женевьев не могла и не хотела. Поэтому позволила увлечь себя в поцелуй, поэтому снова обнаружила себя на столе, под жалобный звяк блюда, которое неучтиво сдвинули в компанию к остальной посуде. С разведенными бедрами, между которыми стоял он.

– Мы не должны... – начала было она, но Ярд приложил палец к ее губам.

– Все, что мы кому-то должны – это себе. Быть счастливыми, – произнес он, а потом подхватил ягоду из вазочки, поднес к ее губам. – Ты прекрасна, Женевьев Анадоррская.

От того, как это было сказано, по телу вновь прокатилась жаркая волна. А от прикосновения прохладной ягоды к губам она вздрогнула. За миг до того, как ее накрыло бы окончательно, по дому разнеслось мелодичное звучание дверного артефакта. Достаточно громкое, чтобы вытряхнуть ее из плена его рук и разрушить очарование момента.

– Ты кого-то ждешь? – спросил Лорхорн.

– Нет. Никого. Подожди, – Женевьев спрыгнула со стола, снова чувствуя себя неловко.

Быстро направилась к двери, распахнула ее. Кого она меньше всего ожидала там увидеть – так это отца. Он смотрел на нее раздраженно и хмуро, а после и вовсе изменился в лице. Не надо было обладать способностями к предвидению, чтобы понять: Ярд вышел за ней.

– Замечательно, – процедил отец, будто выплюнул. – Счастлив, что ты здесь развлекаешься в свое удовольствие.

Его слова хлестнули, как пощечина, но Женевьев больше не собиралась позволять так говорить с собой. Никому. Даже отцу.

– Это моя жизнь, – скупой ответила она, спокойно встретив его взгляд и не приглашая войти. – Ты что-то хотел?

– Пусть этот мальчишка уйдет.

– Только мне решать, когда он уйдет! – разозлилась Женевьев. – Если у тебя что-то срочное, говори. Нет – уходи.

На лице отца заиграли желваки, но их мгновенно накрыло *Subrite Silencial*, отрезавшим продолжение разговора от Ярда.

– На Алой площади произошло столкновение сторонников Фергана среди народа и тех, кто считает нас более выгодной династией для правления. Это наш шанс, Женевьев, и сейчас ты как никогда должна быть безупречна. Войска – многие военные, в том числе командующие, готовы принять нашу сторону, после случившегося в гарнизоне...

Отец продолжал говорить, но у нее перед глазами все плыло. Она слишком хорошо понимала, что это значит для Даррании. И для нее.

Люциан Драгон

Раньше выходные проходили зажигательно-весело. Когда-то они все собирались у Даса, либо у Нэвса с Милли, либо у Аникатии, и всем было невероятно весело. Сейчас от их компании остались шипы и хвосты, то, что казалось важным когда-то, им быть перестало. С ним по-прежнему хотела общаться вся Академия: при желании Люциан мог найти себе компанию на любой вкус, забить дни общением с разными драконами и драконессами, а ночи – этими же драконессами, но ему не хотелось.

Проблема заключалась в том, что он уже сам не понимал, чего хочет. Последний выпад Лены добил окончательно. Ему казалось... да нет, не казалось, что Лена все еще тянется к нему, что она не выкинула его из жизни окончательно, но, судя по всему, именно так все и было. Она не просто выкинула его из своих мыслей и желаний, она уже в мыслях была замужем за Валентайном, потому что он видел их и ту девочку из приюта. Проследить за ней после их разговора было не самой лучшей идеей. Равно как и считать порталный след Альгора (благо, натренировались они этому отменно).

Пожалуй, именно эта девочка и стала последней каплей.

Миленькая такая семья у них получится. А со временем еще и свои дети будут. При мысли об этом хотелось совершать глупости: например, разгромить не только свою комнату, но и весь отцовский дворец, а после пойти и дать Альгору в морду, при ней, сказав ту самую правду. Разрушит ли это их отношения? Вполне вероятно. Сделает ли это его счастливым? Вряд ли.

Поэтому Люциан продолжал сидеть и смотреть на бутылку дорнар-оррхар, к которой так и не притронулся. Лед в бокале давно

уже растаял, смешавшись с алкоголем, так что содержимое бокала теперь только выливать.

Прошлой и этой ночью он почти не спал. Банально потому, что снова видела Этана: друг приближался к нему, хотел что-то сказать, но ему словно что-то мешало, затягивая во тьму и растворяя у него на глазах. После такого сон, мягко говоря, не шел, и Люциан сидел на подоконнике, часами глядя на небо, пока оно не начинало светлеть. Надо было бы поговорить с Сезаром о призраке – возможно, тот что-то знал или мог помочь, это все было явно из области темных, но Сезар не отвечал на его запросы, виритт постоянно возвращался ни с чем.

Поэтому первый, о ком он подумал, когда виритт запросил разговор, был именно Сезар. Правда, уже в следующий момент выяснилось, что это Женевьев Анадоррская.

– Ничего себе, – сообщил Люциан, увидев ее. Она как всегда была собрана, при полном параде – в общем, такой классический образ будущей тэрн-ари, к которому все привыкли. В том числе он.

– Нам надо встретиться, – без предисловий произнесла Анадоррская.

– Ну если ты настаиваешь...

– Люциан, давай вот без этих твоих выпадов. Я видела, как ты изменился, не надо для меня изображать свое прошлое.

– Да я и не изображаю, – хмыкнул он, – но если хочешь поговорить, я могу пригласить тебя во дворец...

– Нет. Лучше сделать это в городе. Например, в ранховой тэрны Хлит.

На миг ему показалось, что она издевается. История с ранховой, где они занимались драконьим с Леной, стала ей известна, и Женевьев решила отомстить. Что, правда, было совершенно нелогично и совсем на нее не похоже. Поэтому Люциан решил уточнить:

– Почему именно там?

– Это мое тайное убежище, вряд ли кто-то ожидает встретить там Женевьев Анадоррскую, и мое любимое место.

Хм. Даже так.

– Хорошо. Буду. Когда?

– Так скоро, как сможешь.

– Могу в самое ближайшее время. Я знаю порталную точку рядом.

– Буду ждать тебя там.

Было что-то совершенно дикое в том, чтобы обнаружить Женевьев за любимым столиком Лены. Драхство, он даже знал, что здесь ее любимый столик. Был. Или есть? С Валентайном и с той девочкой она тоже за ним сидела?

– Какой чудесный день, – прокомментировал Люциан, усаживаясь за столик.

Кивнул на дымящийся ранх:

– Вкусно?

Женевьев посмотрела на него в упор.

– Я же попросила: без сарказма.

– Ты не так давно рассталась с Сезаром, а понятие светская беседа уже вылетело у тебя из головы?

Анадоррская изменилась в лице, и Люциан поморщился:

– Прости. Я сказал чушь.

Когда тебе больно, очень легко сделать больно другим. Сделать и не заметить, но когда замечаешь, становится еще паршивее.

– Ты наверняка слышал о стычке, которая произошла в городе?

– Краем уха. – Во дворце все носились с вытаращенными глазами, а кто не носился, стоял с вытаращенными глазами. Поэтому здесь Люциан покривил душой. Лагеря Анадоррских и Драгонов сцепились не на шутку, были жертвы, а еще были явные волнения в рядах военных. Кое-кто готов был принять сторону Анадоррских, кое-кто... Альгора.

– И что ты по этому поводу думаешь? – Женевьев накрыла их столик *Subrite Silencial*, испытующе посмотрела на него.

– Думаю, что это паршиво.

– Это не просто паршиво, Люциан, Даррания на грани раскола. Мы на пороге гражданской войны. – Женевьев потерла ладони, словно пыталась их согреть. – Отец твердо настроен использовать эту ситуацию в своих целях, он готовится действовать. Мы не должны этого допустить.

Поскольку он молчал, Анадоррская продолжила:

– Если это произойдет, ты представляешь, какие могут быть последствия? Мы истощим и уничтожим друг друга, темным даже делать ничего не придется.

– Предположим, я с тобой согласен. Что дальше? – Люциан уже примерно начинал понимать, куда она клонит.

Ответ Женевьев стал подтверждением его мыслей:

– Мы должны стать парой. Официально. Это единственный выход. Наши отцы не станут искать компромиссы, пострадают и драконы и люди...

– Я согласен.

Женевьев, готовая уже продолжать, осеклась. Словно не верила в то, что только что услышала. Да что там, он сам в это не верил, но именно это он только что и сказал. Потому что понимал, что она права. Потому что видел, что другого способа остановить все это нет.

– Я согласен, – повторил он. – На следующей неделе объявим об этом. Хотя... как ты смотришь на то, чтобы прямо сегодня вместе выбрать кольцо?

Глава 37

Соня

Платье, которое создали для нее буквально за несколько дней, было особенным. После случившегося в городе Ферган принял решение впервые за все время пригласить на бал в королевский дворец не только драконов, но и людей, и это, с его точки зрения, должно было повысить политические рейтинги тэрн-арха единственного. Бал обещал быть роскошным, ему предстояло охватить целых два выходных дня, к нему готовились все приглашенные, и стар и млад.

Некоторые драконы фырчали, кто-то уже отказался идти, принимая сторону Анадоррского и заявляя, что ставить себя на один уровень с людьми они не собираются. Аникатия тоже фырчала, но ее отец все еще был на стороне Фергана, поэтому ей предстояло присутствовать на балу. Как и роду Эстре, тоже поддерживающему существующую власть.

Фактически, все отказавшиеся присутствовать, бросали Фергану вызов, и чем это закончится, одной Тамее было известно. Новость перетирали во Флидхааре, а еще до нее активно доносили свежие сплетни девушки из команды Драконовой, которые не теряли надежды снова с ней подружиться. Соня общалась с ними и слушала все это, чтобы не сойти с ума от одиночества и безысходности.

Сезар общался с ней через слуг, до нее даже новость о том, что им предстоит пойти на бал, донесла ее личная горничная. На все просьбы

о встрече он не реагировал. Лену она знать не хотела, а больше... больше никого и не осталось. Поэтому сам факт того, что придется выйти в свет, она восприняла с энтузиазмом. С небывалым, которого давно не испытывала.

Хоть так пообщаться с людьми. Или с драконами.

Можно, конечно, было вернуться в Академию, но там была Лена, а ее Соня видеть категорически не хотела. С трудом представляла, что сможет сдержаться. Мама больше не снилась ей ночами, хотя первое время после того ритуала ее мучили кошмары, в которых мама умирала у нее на глазах, а она ничего не могла сделать.

Правда, на балу Лена тоже будет, но на балу ее игнорировать будет гораздо проще. Хоть так она вырвется из четырех стен, хоть так вдохнет воздух, никак не связанный с этим поместьем. Поэтому Соня ничего не сказала горничным, собиравшим ее, что ее тошнит второй день. Что временами кружится голова и темнеет перед глазами – все это пустые мелочи беременности. Которая рано или поздно закончится, и...

Что будет за этим «и», Соня не знала. Но главное, что сегодня она идет на бал. Танцевать! Наконец-то почувствует себя живой и, возможно, все-таки получится еще раз поговорить с Сезаром. Она тосковала по тем временам, когда между ними все было легко и просто. Когда она могла ему все рассказать, когда могла всем с ним поделиться. Единственный, с кем она могла тогда поделиться своими чувствами, кроме... особенных.

Сейчас Соня уже не знала, была ли эта любовь, или она все сама себе придумала. Слишком много всего произошло, слишком она запуталась. Но то, что между ними были эти чувства – светлые, искренние, яркие, она знала точно. И, возможно, хотела бы все вернуть.

Возможно ли это?

А главное – что это будет для нее означать? Для нее. Для всех них...

Красивая ткань, струящаяся водопадом, скрывала уже немного выступающий животик. Разумеется, ни о каких платьях с кринолинами и речи идти не могло, но к счастью, в Даррании не было строгих правил в нарядах. На балах было принято появляться в платьях в пол, в остальном все вольны были выбирать стиль сами. В общем, несмотря

на атмосферу начала девятнадцатого века, если сравнивать с Землей, нравы здесь были куда как более вольными, а мода – гораздо более размытой.

Платье было золотого цвета, цвета магии светлых драконов, Сезар, как и все военнообязанные мужчины, должен был быть в форме. Такой дресс-код требовался в связи с напряженным положением в стране, ну и видимо, чтобы подчеркнуть силу и власть династии Ферганов, обратить пристальное внимание на их драконью мощь.

Волосы ей не стали убирать наверх, просто завили, а на затылке собрали шпильками с драгоценными камнями. В таком наряде Соня сама себе напоминала древнегреческую красавицу (благо, черты лица Драконовых весьма соответствовали). Жаль, у Сезара вряд ли возникнет такая ассоциация. А какая возникнет?

Соню снова затошнило, и она оперлась ладонями о туалетный столик, но тут же мгновенно от него оттолкнулась, потому что вошел супруг. Она всегда считала его красивым, но именно сейчас, сегодня почему-то отчаянно заколотилось сердце. Сезару невыносимо шла форма, она делала его еще более привлекательным. Темно-синий цвет, строгий мундир, нашивки и перевязь, подчеркивающие его мужественность, указывающие на его статус, на его силу. Пока Соня любовалась им в зеркале, Сезар приблизился и подхватил такую же золотую накидку со шлейфом, оставленную горничными на плечиках. Она крепилась к украшениям на платье, в зале же снималась, и сейчас он спокойно, почти равнодушно защелкнул замки, а после отступил и протянул ей руку.

– Нам пора.

От равнодушия в его голосе сердце защемило. Он ничего не сказал про ее внешность, про то, как она выглядит. Но гораздо страшнее было то, как он на нее смотрел: сквозь, в пустоту.

– Сезар...

– О чем бы ты ни хотела поговорить, это не имеет смысла.

Сначала Соня опешила, а потом внутри проснулась почти забытая, погребенная под плитами пустоты, ярость.

– Имеет, – процедила она. – Для меня имеет! Может быть, тебе все равно, но я, по крайней мере, заслуживаю того, чтобы ты меня выслушал!

– Хорошо, – так же равнодушно произнес он. – Я тебя слушаю.

Соне хотелось закричать. Броситься на него. Колотить кулаками по этой каменной груди до тех пор, пока он не отреагирует хотя бы как-то! Вместо этого она вскинула голову и произнесла:

– Ты тоже не посланник Тамеи, Сезар, тоже совершал ошибки. Неужели так сложно простить мою?

– Я готов был простить тебе все, София. Все, но только не ложь. По крайней мере, не такую.

– Серьезно?! – невольно повысила голоса она. – Сезар, ты меня изнасиловал!

– Вот именно. Поэтому между нами ничего нет и не может быть.

Перед глазами снова потемнело, тошнота стала невыносимой. На миг Соне показалось, что ее окунули в ледяную воду, а потом запихнули в русскую баню, которую кто-то перегрел до ста двадцати градусов.

– Зачем тогда ты позвал меня на этот бал? – сдавленно прошептала она. – Зачем дал мне возможность думать, что...

– Я никуда тебя не звал, – холодно произнес Сезар. – Я передал тебе приглашение через горничную. Ты достаточно долго живешь рядом со мной, чтобы понимать, что это политика, и ничего кроме. Я не могу не появиться на балу, я не могу появиться на балу без своей жены, особенно когда она – Драконова, а отец делает акцент на совместной силе людей и драконов.

Мир раскололся на части, и Соня все-таки закричала. Правда, от боли, взорвавшей ее изнутри. От боли в самом низу живота, от текущего по телу холода, стремительно меркнущих красок, словно из комнаты выкачивали цвета один за другим. Она рухнула на пол раньше, чем Сезар успел ее подхватить, проваливаясь в эту тьму, сгущающуюся над ней. Последнее, что она увидела – это белое лицо мужа, который что-то кричал. Что именно, Соня уже не услышала. Зато снова увидела маму, она стояла в яркой, ослепительно светлой дымке и протягивала к ней руки.

Лена

Мое платье было ало-красным, с таким глубоким вырезом на спине, что если бы его не прикрывала сейчас накидка со шлейфом, это было бы почти непристойно. Такой наряд на грани для меня выбирал Валентайн, и единственное, что в нем было от династии Фергана –

изящный золотой узор, стекающий с лифа по кромке того самого выреза, а еще украшение в волосах. Собранные на затылке волосы, полная длина с локонами: такова сейчас была мода на женские прически в Даррании.

Я смотрела на себя в зеркало и понимала, что, наверное, пару месяцев назад была бы самой счастливой и считала себя прекрасной. Сейчас во мне зияла пустота размером с портал: я не смогла уберечь отношения с лучшей подругой и ее саму, ее маму, не смогла помочь мужчине, которого любила, от своей тьмы. В чем-то Адергайн был прав: возможно, мне и впрямь лучше сразу прийти к нему.

– Да, давай, – вяло отозвалась Ленор во мне. – Развеемся, сменим обстановку.

– Ты знаешь, что я это не серьезно. Просто я не знаю, что мне еще делать...

– Да все ты знаешь. Просто ты оттолкнула единственного, кто был твоим светом.

Мне захотелось дать ей в глаз.

– Он был твоим светом, Ленор, не путай.

– Ну и моим тоже, да. В конце концов, знаешь, как тут внутри у тебя темно?

С губ сорвался сдавленный смешок. Нервный.

– Серьезно, Лена. Ты правда считаешь, что ты способна справиться с тем, что произошло с Валентайном, в одиночку? Даже я не настолько долбанулась, а я, на минуточку, решила, что смогу его обмануть и стать тобой.

– У тебя получилось.

– Просто потому, что я и была тобой! Мы вообще единое целое... по крайней мере, так задумывались.

– Значит, я зря тогда психанула. Если бы не это, ничего бы не произошло...

– Лена, опомнись! Хватит все вешать на себя! Ты не несешь ответственности за его решения! Ты не несешь ответственности за все, что сейчас происходит!

– Но все это происходит из-за меня!

– Да нет же! И это меня всегда считали... гм, недалекой.

– Знаешь, что...

– Знаю. Тебе нужен психолог, у нас их нет, так что можешь поюзать меня. Я тут зачем-то сижу. Соня сама выбрала провести тот ритуал, вы в равной степени ответственны за последствия, но она повесила это на тебя почему? Потому что так проще! Потому что у тебя есть темная магия! Валентайн стал таким не потому, что это ты его толкнула на это, а потому что он сам решил, что может, что справится, но не справился. Такое бывает! Если уж говорить честно, ты была единственной, кто справлялся с темной магией покруче всех них. Ученых хренов моченых. Понимаешь? Надеюсь, ты это понимаешь?

Я опустила на стул перед туалетным столиком, подперла руками подбородок. Глядя на себя в зеркало, было проще представить, что я говорю с Ленор.

– Знаешь, как я тебя ненавидела? – сказала я. – Когда узнала про Валентайна?

– Знаю, я же была в тебе, – фыркнула она. – Или в себе. Или мы обе слегка не в себе?

Я не выдержала и расхохоталась. Возможно, это тоже было нервное, но я уже очень давно не смеялась. Даже улыбки рядом с Элией были фальшивыми, потому что в голове у меня постоянно крутилась одна и та же мысль «как не допустить катастрофы». Как сделать так, чтобы Валентайн вернулся, тот Валентайн, которого я знала. Но, возможно, Ленор права, и этого уже не изменить. Или все-таки есть еще маленький шанс?..

– Ты безнадежна, – прозвучало в моей голове.

– Я попробую. Последний раз. Сегодня, и если я пойму, что это бессмысленно, я пойду к...

Я осеклась даже мысленно.

– Можешь назвать его имя, оно не насылает проклятия.

– Очень смешно.

– Тебе не мешает повеселиться. Но ты же знаешь, что я на твоей стороне, да?

Как так получилось, что из заклятых врагов мы с Ленор стали... подругами? Или не подругами, а сестрами? Такими, которые только что ругаются в пух и прах, а через пару минут уже рыдают, обнимаются и заедают ссору тортиками и обсуждением парней.

Говорят только на понятные им темы и вообще общаются телепатически.

– Мне очень не хватает возможности тебя обнять, – призналась я.

– Да, мне тоже паршиво без рук. Но ты можешь обнять себя сама и представить меня, хоть это конечно то еще извращение, согласна.

Я снова улыбнулась.

– Спасибо тебе.

– Да не за что, обращайся. В конце концов, с кем я еще поговорю, если не с тобой.

– Вот засранка!

– От засранки слышу.

Ленор притихла, потому что в отражении мы обе увидели открывшуюся дверь. Я же чуть не подавилась, когда Валентайн шагнул в комнату: он был в форме, как того требовали обстоятельства экстренного организованного Ферганом бала. Вот только форма его была темная, с серебром. Серебро погон, серебряная перевязь, серебряный узор. Не нужно было становиться победителем интеллектуальной викторины или обладать зашкаливающим айкью, чтобы понять, что это форма темных. Форма темного принца.

Пару мгновений я моргала на отражение, а потом развернулась. Нет, ему шло. Не просто шло, ему безумно шло, он был рожден, чтобы выглядеть так. Серебро чешуи на скулах, появившейся в тот момент когда наши взгляды столкнулись, сверкнуло, дополняя и завершая его образ.

– Валентайн... – прошептала я. – Ты... это что? Ты собираешься идти так?

– Именно так, и никак иначе, – холодно произнес он, приближаясь. – Я достаточно долго подстраивался под их интересы. Достаточно сделал для Даррании, чтобы сейчас быть собой.

– Но не на этом балу! – вырвалось у меня.

– Почему?

Я поднялась, чтобы не смотреть на него снизу вверх, но помогло мало, даже при учете моих каблуков он все равно был выше.

– Потому что это бал мира! Мира между людьми и драконами, драконами и драконами...

– Вот именно. Это бал, на котором каждый может быть тем, кто он есть.

– Зачем ты хочешь бросить вызов Фергану?

– Затем, что Ферган давно исчерпал себя, как правитель, – Валентайн обнял меня за талию. – А ты станешь прекрасной тэрнархой, Лена.

– Что? – вырвалось у меня против воли. – Что ты такое говоришь? Валентайн, ты же это не серьезно?

– Серьезнее некуда. – Он убрал прядку волос с моего лица. – Нам пора идти.

– Нет, – я вцепилась в его руку раньше, чем Валентайн успел открыть портал. – Нет, пожалуйста, давай поговорим. Валентайн, я не хочу становиться тэрнархой. Я хочу просто быть с тобой. Помнишь, ты мне предлагал уехать? Жить вдали от Хэвенсграда, от всего этого? Я согласна. Ну ее, эту Академию, ты вполне можешь меня всему научить. Давай просто уедем...

– Хорошая попытка, Лена, – перебил он меня. – Но нет. Я, должно быть, был не в себе, когда предлагал такое. Ты рождена, чтобы блистать. А я – чтобы править. Жаль, что я слишком поздно это понял.

Боже. Боже, боже, боже.

Это все, что пришло мне в голову в этот момент, а в следующий мы уже шагнули в портал. Видимо, дворец Фергана тоже был открыт для темной магии, потому что нас пропустило спокойно, никакие сирены не сработали. Зато в моей голове творилось нечто невообразимое, поэтому я едва уловила, как нас объявили, и как после этого в зале воцарилась тишина.

С самого начала в этом мире я была девушкой-центром-внимания. По той или иной причине, чаще меня боялись или ненавидели, но сегодня переплюнуло все, что было до этого. Пока мы с Валентайном шли по залу, являя собой живой вызов не только балу, но и обществу Даррании в целом, на нас падали взгляды. Десятки, сотни, изумленных, непонимающих, шокированных.

«Нас сейчас вышвырнут отсюда, – с неким облегчением подумала я, – пожалуйста, пусть нас вышвырнут!»

А дальше я с этим как-нибудь разберусь. Как-нибудь справлюсь.

Вот уже и проекция Фергана видна, и стоящий рядом с ним Люциан, что означало: он наконец-то стал официальным наследником. Сезара нигде не было видно, Сони тоже, но это (несмотря на то, что я

все еще тешила себя надеждой с ней поговорить) было последней из проблем в настоящий момент.

Пока мы шли, никто, кажется, не дышал.

Вот сейчас мы подойдем к Фергану, и он скажет Валентайну, чтобы тот убирался, и мы уберемся...

– Добро пожаловать, – спокойно произнес ныне действующий монарх. То есть тэрн-арх.

Да, в политике я полный ноль. В отношениях, кажется, тоже – ну или Ленор слишком долго уверяла меня в обратном, потому что не увидеть на каменном лице Люциана никаких эмоций сейчас для меня оказалось... больно? Правда, когда он повернулся к отцу, чтобы что-то сказать, в его глазах все же отразилась ярость. Поклясться могу, что если бы тэрн-архом был он, Валентайна выставили бы после появления в таком виде.

Правда, сказать Люциан так ничего и не успел: сначала отец остановил его жестом, затем подошла следующая пара. На нас с Валентайном продолжали глазеть, но уже не так пристально, после оказанного Ферганом приема гости расслабились, по залу вновь потекли голоса и шорох платьев.

– Рискованно, – приблизившаяся к нам Эстре выглядела роскошно. В ярко-синем платье, с украшениями, должно быть стоящими целое состояние, и чуть ли не единственная в этом зале с высокой прической.

Она отделилась от своей семьи: отец и мать смотрели на нее с явным неодобрением после того, как она подошла к нам поздороваться. Лица же на нас не смотрела вообще. Я краем глаза выхватила семью Драконовых, а вот Макса пока не было видно, хотя он точно был приглашен. Лично хвастался мне приглашением.

– Это моя правда, Амильена, – холодно ответил Валентайн.

– Я знаю. Сожалею, что у меня не хватило сил, чтобы противостоять отцу в прошлом.

Мне было дико присутствовать при этом разговоре. Я в нем точно была третьей лишней, но у меня сейчас не было никакой ревности, просто нервозность, или, если говорить откровенно, дикий мандраж. Я чувствовала себя стоящей на лезвии в туфельках с очень тонкой подошвой, и когда она разойдется, от какого малейшего движения, я даже представить себе не могла.

– Прошлое в прошлом, – скупно отозвался Валентайн, давая понять, что разговор окончен.

– Удели мне совсем чуть-чуть времени, – попросила она. – Пожалуйста.

– Я с удовольствием вас оставлю... – начала было я, но ладонь архимага легла на мою талию.

– Все, что ты хотела мне сказать, ты можешь сказать при Ленор.

По лицу ее прошла судорога, а мне захотелось пнуть Валентайна в колено. Больно. Вот чисто из женской солидарности – он хоть представляет, чего стоит вот так подойти, признать свои ошибки при новой девице, тесно к нему прижатой? Сейчас этой девицей была я, и, хотя его ладонь все еще жгла мою кожу, я каким-то образом умудрилась чуть отодвинуться. Попроситься в дамскую комнату не успела, потому что объявили Женевьев, и зал снова затих.

Да, официально Анадоррские были приглашены, но в том, что их не будет, не сомневался никто, потому что это было... ну даже не знаю, как пригласить Капулетти к Монтекки и думать, что они будут устраивать обнимашки. До смерти Ромео и Джульетты, разумеется.

Кажется, в этот раз даже музыканты сбились, а Люциан уже отошел от трона и направился к ней навстречу. Анадоррская была одна, и в своем жемчужно-светлом платье она выглядела как невеста. Возможно, именно поэтому то, что я услышала дальше, не стало для меня новостью. Они вместе приблизились к трону с проекцией Фергана, и Люциан произнес:

– Отец, позволь тебе представить мою будущую супругу. Женевьев Анадоррскую.

Я сама не поняла толком, что почувствовала в тот момент, когда Люциан надел ей на палец кольцо. Просто сердце пропустило удар, потому что в этот момент я на удивление отчетливо вспомнила, как он делал предложение мне. Так ярко и невыносимо остро, словно это было вчера.

Глава 38

Люциан Драгон

Женевьев отказалась в тот день вместе покупать кольцо. Сказала, что нужно выбрать момент, когда у отца не будет времени опомниться, равно как и у Фергана. Люциан с ней согласился, вот только сейчас представлял на ее месте совсем другую девушку. Ту, что облила его

дорнар-скар во время его предложения, ту, вместе с которой его сердце рухнуло вниз с высоты Академии. Ту, что до сих пор занимала его мысли, чувства, заполняла собой всю его жизнь, и, наверное, так и будет до конца его дней. Сейчас с трудом верилось в то, что такие чувства когда-нибудь притупятся и, хотя притупляется все, Люциан не мог представить себе момент, что однажды посмотрит на нее и ничего не почувствует.

Наверное, это и есть любовь, но если это она и есть, это очень странная штука.

Ему стоило немалых усилий держать лицо, ставшее маской, когда они с Альгором шли к нему и к отцу. Особенно после того, что выкинул Альгор, нарядившись в наследника темного эрда. Отец почему-то стерпел, но выяснить подробности не представлялось возможным. Гости прибывали в таком количестве, что оставалось лишь отвечать на приветствия. Сезар и София, которая Соня, опаздывали, что было совершенно непохоже на брата.

Потом появилась Женевьев, шокировав всех собравшихся ничуть не меньше, чем Лена с Альгором, и все, теперь обратного пути уже не было. Хотя лицо отца едва не исказилось от гнева, или это просто проекция ослабла от новостей, кто его знает, Ферган произнес:

– Я рад, что ты наконец-то сделал достойный выбор, сын.

Рад он, как же. Его корежило, как неисправное заклинание с напутанными узлами, но по какой-то причине Ферган даже эту новость воспринял спокойно. Оставалось только догадываться, почему. Всю свою наивность Люциан оставил в прошлом учебном году, отец ничего не делает просто так. Но если он ничего не делает просто так, что он задумал?

Объявили первый танец, и они с Женевьев влились в кружение танцующих. От Люциана не укрылся взгляд, которым проекция обменялась с Керуаном, и цепляющее позвоночник ощущение чего-то крайне неприятного стало еще острее.

– Мы все сделали правильно, – негромко произнесла Женевьев.

Вести ее было легко и просто, она настолько знала каждое движение, что даже если бы он спотыкался на каждом шагу, эта женщина вытянула бы танец сама.

– Знаю. Дело в другом.

– О чем ты?

– Отец что-то задумал.

– С чего ты взял?

– Я слишком хорошо его знаю. Он был в ярости, когда я представил тебя будущей тэрн-архой, но никак не отреагировал. Точнее, отреагировал слишком спокойно.

– Возможно, он тоже не хочет этого конфликта.

– Отец помешан на силе, на власти, у него нет понятия «конфликт, в который не стоит углубляться», у него есть причины этого не делать именно сегодня. Значит, есть что-то более важное.

– Люциан, – Женестьева заглянула ему в глаза, – мы с тобой просчитывали самые худшие варианты, но к такому не готовились. Возможно, ты просто не веришь в то, что все могло пройти настолько спокойно.

– Да. Ты права. Не верю.

Он все-таки споткнулся, но причина этого крылась не в собственных мыслях по поводу танца или отца. Просто аромат Лены, ее близости, это знакомое ощущение: ощущение, которое теперь навсегда будет возможно лишь мимолетно, на миг выбило почву из под ног. Люциану даже не надо было оборачиваться, всего лишь несколько танцевальных движений – и он увидел их. С Альгором.

Конечно, с Альгором, с кем же еще. Рука темного настолько властно лежала на ее талии, что Лена в его объятиях казалась безвольной куклой. Но это уже совершенно точно выдумки, Лена никогда не была ничьей куклой, и никогда таковой не будет. Только не она.

Лена на него не смотрела, а вот ему потребовалось много усилий, чтобы не смотреть на нее. В этих попытках он и заметил одну очень необычную странность, на которую раньше не обратил бы внимания. Танцующие. Да, в военной форме были все, но некоторых он в принципе не знал в лицо. То есть аристократию – будь то драконы или люди, Люциан изучил хорошо, этих же мужчин видел впервые. Кроме двоих. Их он встречал, когда приходил прощаться с Этаном.

Военные.

В этом зале действительно было очень много военных, и не только высокопоставленных. Отец собрал здесь чуть ли не целую армию. Зачем?..

Вопрос остался без ответа, поскольку музыка стихла, и на миг воцарилась тишина. Которая, не успев наполниться голосами, шелестом платьев и шагами была нарушена заявлением Аникатии:

– Дорогие гости! Прошу вашего внимания! – Голос у драконессы всегда был звучный, а сейчас она еще усилила его артефактом. – У меня есть важная информация, которая потрясет вас всех. Дело в том, что эта девушка – не та, за кого себя выдает! В ней не просто темная магия, в ней опасное существо, которое непонятно что из себя представляет.

Аникатия подняла ладонь, в которой сверкнул артефакт.

«...С первого своего дня здесь, с того момента, как я оказалась в теле Ленор, с меня все требуют ответов. Поступков. Доказательств...»

Это был голос Лены, и у Люциана потемнело перед глазами. Он слишком хорошо помнил этот разговор. Их последний разговор. Но как?!

– Это чистая запись ее признания, – продолжила та. – И если исследовать этот артефакт, вы можете в этом убедиться.

Люциан перевел взгляд на Лену и почувствовал себя так, словно горло сдавили по меньшей мере лапой дракона. Горло, грудь, сердце, словно все это выдавливали из него – она смотрела на него так, будто считала, что он об этом знал. Что он был в курсе, и в ее глазах было такое... столько боли, столько отчаяния, столько неверия, что только слепой решил бы, что он ей безразличен.

А еще он наконец-то понял, что задумал отец. К сожалению, слишком поздно.

Мгновенно оставив своих спутниц, военные взяли в два плотных кольца Альгора и Лену.

– Валентайн Альгор, вы арестованы за сокрытие опасной информации. Самозванка под именем Ленор Ларо будет немедленно...

В зале в одно мгновение стало очень холодно. Настолько, словно сама Тамея явилась, собрав всю мощь зимы и своей магии в одном месте, вот только нихрена это была не Тамея. Черный сгусток, в одно мгновение тонким коконом облепивший Альгора и Лену, источал лозантирову мерзлоту, а потом, подчиняясь движениям пальцев темного, из него во все стороны брызнули черные ленты.

Они вонзались точно в грудь военным, не успевшим даже опомниться, одна из этих лент жалом вонзилась в декольте Аникатии.

Мгновения тишины, звучащей как сама Смерть, оборвались дикими криками. Миг – и жала лент снова взмыли ввысь, а все, кого они обожгли, рухнули на пол черными иссушенными мумиями. Рассыпавшись от удара прахом.

Лена

Они не ожидали. Никто не ожидал. Поэтому даже не успели поставить защиту.

Я чувствовала себя вросшей в пол или пригвожденной к нему под давящей силой стоящего рядом мужчины. Кажется, даже дышать не могла, потому что внутри рождался страшный ком, мешающий сделать вдох. Тогда как большая часть собравшихся с криками заметалась по залу, бросаясь ко всем возможным выходам, я чувствовала себя так, словно посмотрела в глаза горгоне Медузе.

Правда, и убежать никто не успел: в один миг в зале стало темно – из него знакомо «выпили» все краски, и очень холодно.

– Вы никуда не денетесь с территории дворца. – Голос Валентайна прозвучал знакомо, но мне он сейчас казался чужим. Такие нотки я слышала в нем впервые: мертвые, холодные, идущие словно из самого Заграница. – Если попытаетесь – умрете.

Мне стоило невероятных усилий повернуть голову. За окнами и так царилась кромешная тьма вечера, но сейчас я увидела, что там тоже нет красок, только вдали, за известным мне лабиринтом, переливалась стена купола, накрывшего дворец и прилегающие территории. Непробиваемая стена темной магии, по ней бежали серебристые искры, и не было никаких сомнений, что если кто-то попытается войти или выйти, с ним будет все то же самое, что с Аникатией и военными.

Проекция Фергана подергивалась дымкой и таяла на глазах.

– Посмотрите на своего правителя, – холодно произнес Валентайн, и на этот раз его голос погасил остатки всхлипов, воцаряя в зале мертвую тишину. – Он хотел арестовать меня и мою женщину, подставив вас, тогда как самого его нет не просто в этом зале. Его нет даже во дворце.

Последние слова взорвались среди присутствующих бомбой. По залу полетели сдавленные вздохи и выдохи, перешептывания, которые снова оборвались, когда погасли последние всполохи проекции.

– Зная, чем все может обернуться, он поставил вас под удар. На балу мира, – в голос Валентайна ворвалось снисходительное

презрение, – вас всех. Ваших близких. Ваших детей. А сам сбежал, рассчитывая отсидеться подальше, чтобы никто об этом не узнал.

– Не может быть! – раздался чей-то сдавленный вскрик.

– Может, – последовал ответ, мужской голос дрогнул. – Магия проекции была отрезана темным щитом, будь Ферган здесь, с проекцией бы ничего не случилось.

Обрушивающиеся на меня потрясения шли один за другим, как морские волны. Будь я в самом деле в море, меня бы уже переломало о камни такими темпами, а после выбросило бы на берег тряпичной куклой. Сейчас же я каким-то чудом держалась и зачем-то посмотрела на Люциана. Он стоял рядом с побелевшей Женеьев, и я быстро отвела взгляд.

– Теперь вы увидели своего правителя таким, каким и должны были. И меня тоже, – холодно продолжил Валентайн. – Как и то, что я буду защищать своих любой ценой. Те, кто присягнут мне, будут под моей защитой. От моего отца, от всех и каждого, от любой угрозы. Мои подданные никогда не столкнутся с тем, с чем сегодня пришлось столкнуться вам.

Толпа снова зашумела, я же чувствовала, что внутри меня нарастает странная жуткая дрожь. Не та, что рождается на экзаменах, которые ты боишься не сдать, но очень похожая. Только стократно сильнее, когда ты точно знаешь, что вот-вот произойдет нечто очень жуткое, но не знаешь, что, не представляешь, как это остановить.

– Он прав... – донесся голос откуда-то из зала, и его подхватили еще несколько, сливаясь в шум.

– Нет, – их перекрыл голос Люциана. Я даже не представляла, что он может быть столь сильным. – Возможно, здесь нет моего отца, но есть я.

После его слов снова воцарилась тишина, я же по ощущениям лишилась сердца, которое вместе с желудком и остальными внутренностями холодными камнями застыли внутри. Поэтому и сдавленное:

– Не надо... – получилось похожим на попытку разговаривать с застуженным горлом.

Правда, вряд ли это кто-то услышал. Даже Валентайн, чье лицо исказила холодная усмешка. Я вцепилась ледяными пальцами в его рукав, сдавила изо всех сил, словно это могло помочь до него

достучаться. Не до него, до того Валентайна, который забирал меня у Лэйтора, который гулял со мной по улочкам Хэвенсграда, который спасал Элию, дарил ей и Максу подарки.

– Остановись, – попросила я, глядя в лицо, по которому бежали пласты чешуи, становящейся броней, – Валентайн, если я все еще что-то для тебя значу, остановись, умоляю.

На мгновение в его глазах мелькнуло что-то, что-то похожее на знакомое давно забытое чувство между нами, и надежда вспыхнула в груди костром. Чтобы тут же погаснуть: Валентайн перехватил меня за руки, врезаясь взглядом в мое лицо. Глаза в глаза, и тьма плеснула в меня, словно раскрывая передо всеми. Хотя я понимала, что только перед ним, и что беззвучно шевелящиеся губы обрушили на меня какое-то новое заклинание. В памяти в один миг всплыло все, что касалось... Люциана.

Его и только его.

С самой нашей первой встречи и до последнего разговора. Все поцелуи, все прикосновения, все то самое сокровенное, что казалось забытым или утраченным, Валентайн словно вывернул наизнанку мою память для себя. В том числе случившееся в ночь перед уходом Люциана в гарнизон и то, как я пыталась стереть с себя его запах, и его прикосновения, когда он шантажировал меня Максом, и то, что было в домике, и в раздевалке, и после, после, после...

Мне казалось, что это длилось вечность, хотя на деле могло и пару секунд, но когда все закончилось, голова взорвалась от боли.

– И это меня ты обвиняла в измене, Лена?! – прошипел он, за его спиной взметнулись черные крылья, с другой стороны плеснуло золотом. Закрывающая нас защита растаяла, Валентайн с силой меня отшвырнул. Вот теперь мне грозило стать той самой тряпичной куклой уже буквально, но... меня подхватили.

Я впервые видела Люциана с налитыми полной силой крыльями, и в этот краткий миг, в один удар сердца, я просто замерла. Понимая, что что бы ни сделала Аникатия, он не мог со мной так поступить. Это не он.

Облегчение было недолгим, потому что уже в следующее мгновение плеснуло яростью золота и тьмы, и Люциан, едва коснувшись моей талии, чтобы помочь удержаться на ногах, золотой вспышкой, одним движением бросился на Валентайна. Щиты –

темный и светлый, схлестнулись, и два смазанных пятна сквозь разлетающиеся брызгами оконные стекла вылетели в парк.

Толпа хлынула к окнам, и я, почти не ощущая себя, последовала за ними.

В настоящей боевой магии вообще сложно что-то рассмотреть, особенно при такой скорости движений, поэтому все мы видели лишь две смазанные фигуры,двигающиеся столь быстро, что едва ли можно было понять, что происходит. Вспышки заклинаний, искрящие щиты, дрожащая в воздухе сила двух магий, раскаляющая и охлаждающая его.

Темные заклинания оставляли на камнях и в лабиринте полосы тлена, светлая магия расчерчивала воздух и бесцветное пространство сияющими лентами, напоминающими огни взлетно-посадочной полосы.

– Не думал, что он против него хотя бы две минуты продержится, – донеслось откуда-то слева.

Я даже не повернула головы, потому что видела, наверное, то, что не видел никто другой. Сила Валентайна возрастала, словно он впитывал ее из пространства, сила Люциана – наоборот, он двигался все медленнее. Его щит искрил все сильнее, вытягивая из него остатки магии.

В одно мгновение они взлетели наверх, и мне пришлось задрать голову так высоко, что я рисковала сломать шею, а потом от сильнейшего удара искрящим темным шаром золото полыхнуло так, что на миг стало светло как днем. Казалось, в этот момент содрогнулись даже стены.

– Они на крыше! – крикнул кто-то, и я, чувствуя, как земля уходит из-под ног, открыла портал.

Раньше, чем успела сделать вдох, я уже стояла наверху, по лицу хлестало не ветром, а гуляющими потоками магии, тревожащими воздух. Валентайн стоял на краю стены, вокруг лежали тела королевской стражи, а Люциана он держал за горло на вытянутой руке.

Эту ледяную хватку пальцев я ощутила на своей шее, даже схватилась за нее инстинктивно. Почувствовав меня, Валентайн обернулся.

– Пришла посмотреть, Лена? Это хорошо. Запомнишь его таким.

– Стой! – крикнула я, выбрасывая руку вперед, но раньше, чем с моих пальцев сорвалась магия, в меня ударило контрзаклятием. Меня швырнуло назад и протащило по крыше: недостаточно, чтобы убить, но болезненно и унижительно.

Вспышка на пальцах Люциана была столь быстрой, что даже я едва успела ее отследить. Валентайна отбросило в сторону, но, когда я, придерживаясь за стену, поднялась, они с Люцианом уже стояли на ногах друг напротив друга. Люциан еле держался, его так ощутимо вело и шатало, что у меня закружилась голова.

– На тебя даже магию жалко тратить, – выплюнул Валентайн.

– Подавись ты своей магией, тварь, – процедил тот, но искры над его пальцами не успели разгореться.

Я увидела, как Валентайн взмыл ввысь, а потом рывком вздернул его за собой, надрывая крыло. Хруст ударил в уши, а ладонь в серебряной чешуе ударила Люциану в грудь. Выбивая его из хватки Валентайна, швыряя с крыши вниз. След от ударившего Драгона заклинания протянулся густым черным жалом, и я бросилась к стене.

Отсюда Люциан казался поломанной куклой, золотые крылья на черной земле, золото волос и тающая вокруг слабая дымка магии. Я открыла портал, ныряя в него и оказываясь рядом с Люцианом под сотнями взглядов, устремленных из дворцовых окон, под тяжелым взглядом Валентайна, врезающимся в меня между лопаток, но до них мне сейчас не было никакого дела.

Я видела эту картину в своих снах, у алтаря Горрахона, гаснущее в бесконечной тьме золото, возможно поэтому сейчас она казалась дикой и нереальной.

– Исцеляйся, – прошипела я, вцепляясь в его руку. – Исцеляйся! Ты же можешь!

С моих пальцев хлынула магия – та часть, которая во мне была светлой, которой я могла ему помочь.

– Лена. – Его губы еле шевелились, на них пузырилась кровь. – Лена... я тебя не предавал.

Это было последнее, что он сказал, потому что под своей дрожащей ладонью я отчетливо ощутила, как остановилось его сердце.

Не веря в это, я тоже замерла. Как будто вместе с его сердцем остановилось само время и моя жизнь. Впрочем, на какой-то очень краткий миг, потому что взглядом я натолкнулась на его глаза,

невидяще смотрящие в темное небо. Темное, черное, бесконечное, как сама тьма.

– Помогите! – заорала я так, что у меня зазвенело в ушах. Или это звенела окружающая нас тишина? – Вы здесь все знакомы с исцелением, помогите...

Никто не сделал ко мне даже шаг. Или просто они там вымерли все от страха?

Я даже оглянулась: во дворце все еще горел свет, окна были залеплены людьми и драконами, но никто не спешил ко мне. Как будто все они, каждый из них понимал, что все кончено. Кроме меня.

В ушах зашумело, когда меня накрыло этой мыслью, а в довершение всего Валентайн резко спрыгнул вниз, от взмаха крыльев в меня полетели веточки, выжженная магией трава, пыль тлена.

– Отойди от него, – скомандовал он, и я резко повернулась к нему.

Кажется, никогда раньше во мне не было чувств такой силы. Такой ненависти, отравляющей меня изнутри, такой ярости, такой злости... такой тьмы.

– Попробуй меня оттащить, – процедила я.

Здесь темная магия была повсюду, и я открылась ей, позволяя хлынуть в себя сплошным потоком. В этом мире не осталось ничего, за что стоило бы держаться, я думала, что она притупит боль, но проще не становилось. Становилось жестче, холоднее, яростнее.

На миг лицо Валентайна исказила ярость, а потом он усмехнулся.

– Считаешь, что можешь ставить мне условия, Лена?

– Да пошел ты, – выплюнула я, стягивая кольцо и швыряя в него.

Кажется, оно прилетело ему прямо в грудь, но точно я сказать не могла. Так меня трясло. От чувств, захлестывающих с силой девятого вала, от хлещущей в меня магии, моей же собственной тьмы, которой я впервые за долгое время не сопротивлялась. Я вдавила ладонь в землю, и от нее стеной ввысь взметнулся купол. Чуть меньше того, что накрывал дворец, но да, я помнила параметры его построения. Валентайн сам меня научил выставлять такие стены, а он был хорошим учителем. Этот купол раскрыть можно только изнутри, никто извне его не сможет повредить, каким бы сильным магом он ни был.

Я с трудом разогнула дрожащие от плетений пальцы, когда нас отрезало от остального мира. Меня и его. То есть Люциана. То есть...

Я повернулась к нему, но он все так же невидящим взглядом смотрел ввысь.

– Хватит... – сдавленно прошептала я, подавив желание вцепиться пальцами в волосы. – Хватит, ты не можешь умереть... у тебя же магия самоисцеления...

– Лена, не сходи с ума, – раздался в голове знакомый голос. – Только ты можешь его спасти.

– Как? – мой голос прозвучал в тишине. Со стороны собравшихся, наверное, все выглядело так, будто я уже рехнулась.

– Соберись, пожалуйста, – попросила Ленор. – Соберись и вспомни тот долбанный трактат о воскрешении. Ты же помнишь, что счет идет на минуты. Нам надо его вернуть, пока не произошло необратимых изменений.

Я моргнула.

Мысли только что путались, но сейчас выстроились в голове слаженными логическими цепочками. Я могла поклясться, что дословно помню каждую главу, написанную на языке, который мне в теории знать не положено. Потому что древний драконий, но сейчас это для меня было как русский. Вспыхнувшая на миг надежда тут же погасла.

– Не получится, – хрипло произнесла я. – Не получится. Нам нужна жертва...

– У тебя будет жертва, – Ленор произнесла это как-то устало. – Я. Когда ты пропустишь через себя всю силу этого ритуала, меня не станет.

– Что? – переспросила я, будто разучилась понимать обычный дарранийский. – Что? Нет, я не могу...

– Ты можешь. Только ты и можешь, – жестко произнесла она. – Ни один из них не смог бы, но ты... ты не задумывалась, что магия и сила всегда выбирают тех, кто может? Он отдал за тебя жизнь, Лена, верни ему ее. Это меньше, что он от тебя заслужил, и чем дольше мы тут болтаем, тем сложнее все будет.

– Но ты...

– Просто начни уже это! – заорала она. – Спаси его, слышишь?! А я буду с тобой столько, сколько смогу.

Не знаю, что меня доконало окончательно: ее крик, ее боль, или наша общая боль на двоих. Или то, что я снова наткнулась на его

невидящий взгляд, но я стянула перстень, дополняющий мой образ. Пришлось хорошенько постараться, вдавить его в кожу и резко полоснуть вдоль ладоней. Кровь брызнула на землю и зашипела, поглощаемая тьмой с такой же жадностью, словно передо мной был оголодавший вампир.

Очнувшись от этой короткой вспышки боли, я полоснула ладони еще и магией, и кровь хлынула сильнее. Первые слова заклинания дались с трудом, словно я ворочала камни голыми руками, а из меня вытряхивали душу, но зато потом все пошло гораздо быстрее. Вокруг стало еще темнее, еще холоднее, но я чувствовала это лишь первые мгновения. Провал в глубину Загранья, на те уровни, на которые я никогда не ходила.

Ни звуков, ни ветра, ни дыхания. Только шевеление моих губ, которое я скорее осознавала, чем чувствовала. Тьма, собирающаяся на кончиках пальцев. Тьма, клубящаяся над Люцианом.

Я поразилась тому, насколько четко сейчас вижу нити смерти, затягивающие его в кокон без возврата. И я потянулась к ним, протягивая раскрытые, пульсирующие кровью и холодом ладони. Они дрогнули, напряглись, словно не желая отдавать добычу.

– Vrttrren berr, – произнесла я на древнедраконьем, – dajar hgier otreh kirr[1].

Раскрывая ладони еще сильнее, я позволила им коснуться моей крови и сознания. Тьма задрожала, устремляясь ко мне. Сначала рывками, осторожно притрагиваясь, а после хлынула в самое сердце, заполняя все его уголки. Каждую клеточку моего тела.

– Ты все правильно сделала, Лена, – услышала я краем сознания угасающий шепот, и тем же краем сознания уловила, что мне почему-то должно быть больно это терять.

Я продолжала читать заклинание, и в кромешной тьме снова полыхнула знакомая золотая магия. Последние слова совпали со рваным вдохом, который сорвался с губ Люциана Драгона, и я поднялась. Меня шатало от бьющейся внутри силы, от магии, стирающей последние отголоски чувств, последние отголоски меня – той, кем я была.

Последние сожаления о той, кто только что был со мной.

Последние чувства о том, как я хотела найти Соню, как я ее нашла, чем все это закончилось.

Все, что связывало нас с Люцианом. От первого поцелуя, первого прикосновения до последнего и нового вдоха.

Макс, Ярд, все самые яркие события моей жизни в Даррании пронеслись перед глазами яркой вспышкой, чтобы оборваться нитями под серебром лезвия тьмы.

Последние мгновения я еще была собой, и я сделала то, что должна.

Разрушив купол, шагнула ко вскинувшему руки Валентайну. Я оказалась быстрее: его щит выдержал мою атаку, но я и не собиралась убивать. Достаточно было того, что Валентайна швырнуло в раскрытый мной портал, который я построила по связи с Адергайном. Да, это было единственное, что я сейчас чувствовала очень отчетливо – и я шагнула в этот портал следом за ним.

Запечатывая пространство за нами и лишь оглянувшись напоследок, чтобы увидеть бегущую к Люциану Женевьев. Закрывшаяся рана пространства стерла последний наш с ним взгляд глаза в глаза.

Реальность Даррании отступила, явив мне Мертвые земли во всей красе. Черный пейзаж, острые каменные иглы замка. Искаженное яростью лицо Валентайна и идущего к нам его отца. Адергайн прошел мимо сына так, будто того не существовало вовсе, остановился рядом со мной.

На его лице не отразилось никаких эмоций, когда он произнес:

– Добро пожаловать в семью, Лена.

[1] Идите сюда. У меня для вас кое-что есть.

Примечания

Small talk – короткий бытовой диалог

[Вернуться](#)